

oxoma

и охотничье хозяйство

3

2001

ФОТО НА КОНКУРС

Северные олени. Единственный вид среди наших оленей, у которого рогами украшены как самцы, так и самки. Быки сбрасывают рога в ноябре—декабре, самки — в мае—июне

Фото В. Зайкова
Фотоконкурс «Охота и природа, 2000»

Лось и кабан в Белоруссии

ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА ЧИСЛЕННОСТИ КОПЫТНЫХ

А. МУРАВИЦКИЙ

Кризис численности копытных, разразившийся в начале 90-х гг. и продолжающийся до сего времени, — явление общее на постсоветском пространстве. Страницы охотничьих изданий полны сообщений о снижении запасов копытных. Тем интереснее для работников охотничьих хозяйств опыт преодоления этого кризиса, поделиться которым мы решили на примере Витебской области Белоруссии.

Витебщина — север Белоруссии, нынешние Себежский, Невельский, Усвятский районы Псковской области и Велижский район Смоленской области до 20-х гг. входили в состав Витебской губернии; запад области граничит с Литвой и Латвией. Наиболее крупные города — Витебск, Орша, Полоцк; площадь охотничьих угодий 4,0 млн. га, лесистость — 32 %, 18 тыс. охотников, 50 охотхозяйств десяти различных ведомств; львиная доля угодий арендует обществом охотников — 69 %, второй по величине арендатор — хозяйства лесхозов (ЛОХи) — 18 %.

Ситуация с копытными развивалась драматически. Пик численности длился с два десятилетия (70—80-е гг.). Только легально в Витебской области за сезон добывалось до 1500 лосей и 1700 кабанов, но истинные размеры добычи, по-видимому, были выше в 2—3 раза по лосю и в 5—6 раз по кабану. Запасы копытных казались неисчерпаемыми.

Дачники из п. Улановичи жаловались, что лоси объедают фруктовые деревья и спят под яблонями. В аэропорту г. Витебска специальная команда прогонала лосей со взлетной полосы выстрелами из ракетницы. По весне случалось, что в город за одно утро захо-

Фото А. Дигилевича

дило до 5 лосей. Лесоводы-поляки, посетившие Богушевское ЛОХ, удивлялись: у вас лосей больше, чем у нас зайцев.

Не менее благополучным было поголовье кабана: 1—2 зверя были обычным размером добычи бригады в 5—6 человек за день. Как-то гаишники задержали группу охотников-военнослужащих, везших в город 7 добытых кабанов при одной лицензии. Клыки секача длиной 27,5 и 27,2 см, добытого в Суражском ЛОХ, заняли первое место на Всесоюзной выставке охотничьих трофеев с результатом 148,85 балла (Москва, ВДНХ, 1985 г.).

Официально в Витебской области учитывалось 7 тыс. лосей и 8 тыс. кабанов, но на самом деле поголовье было значительно выше: хозяйства по разным причинам сознательно занижали учетные данные.

В конце 80-х, казалось, ничто не предвещало беды. Росло число бригад, количество охотников в них, по лосям палили с легкостью, будто по зайцу, — с любого расстояния, без разбора пола и возраста, методика охоты была одна — загоном, о существовании других никто не подозревал.

Популяция лося омаложивалась: средний вес туши по взвешиваниям на

мясокомбинатах снизился с 174,6 кг в 1970 г. до 122,0 кг в 1994 г. Исследования репродуктивных органов свиноматок, проведенные автором в 1987—91 гг., показали, что полностью был использован и потенциал воспроизводства дикого кабана.

Специалисты, стоявшие у руля охотничьего хозяйства, не почувствовали, прозевали тот момент, когда надо было остановиться и оглядеться, в угодьях уже началось сокращение поголовья, а лимиты добычи продолжали наращиваться. И снижение численности перешло в обвал.

К 1995 г. охота на кабана оказалась закрытой в половине районов, а охота на лося была запрещена по всей республике на 3 года.

Многие работники охотничьего хозяйства в этих условиях опустили руки, считая ситуацию необратимой, в охотничьей прессе появились версии о миграциях, о последствиях радиации, о природной цикличности. Заметьте, такая созерцательная позиция вообще характерна для нашего менталитета: действительно, что можно поделать с цикличностью, с землятрясением, с «всеобщей разрухой»? Но, как говорил несравненный Филипп Филиппович, разруха начинается прежде всего

охота

и охотничье хозяйство

3

Ежемесячный иллюстрированный журнал.

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз охотников и рыболовов РФ.

• Основан в октябре 1955 г.

в головах. Не надо упрощать природные явления, но не надо и усложнять. В условиях «разрухи» у нас оставался Освейский заказник с отдельными уроцами, где нельзя было ступить ногой, чтобы не попасть в лосинный след. Однажды по мартовским проралинам 9 тамошних лесников организованно выехали на поиски лосиных рогов и к обеду привезли 53 «трофея»! И никаких тебе солнечных циклов, миграций и радиаций. Секрет заказника прост: он находится между двумя пограничными заставами, нашей и латвийской. Пограничники на единственной дороге, ведущей в лес, поставили шлагбаум и непускают ни по грибы, ни по ягоды. Вот и все, что надо зверю, — тишина и покой. Но мы забежали вперед.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Возможно, охотничьему хозяйству Белоруссии надо было пройти через эти испытания, чтобы критически осмысливать ситуацию и попытаться найти пути выхода из кризиса. Кажется, нам это удалось.

И на уровне республики, и на уровне области были принятые меры по 18—20 позициям, которые не только оздоровили обстановку, но и открыли перед охотничим хозяйством новые перспективы. Приводим некоторые из этих мер, хотя и не ручаемся, что перечисляем ими в порядке значимости.

1. В республике существовала система добычи копытных по двум видам лицензий — промысловым и спортивным. Продукция промыслового отстрела подлежала сдаче на мясокомбинаты, большая часть ее отправлялась на экспорт. Этот отстрел разрешался во все дни недели, лицензии выдавались бесплатно, на весь сезон. Всегда дефицитные, хотя и платные, спортивные лицензии выдавались на короткий срок, охота по ним разрешалась только в выходные. Промысловый отстрел ложился в основном на сельских охотников, а спортивные лицензии по понятным причинам чаще удавалось получать горожанам.

Если городской охотник, считаясь с возможностью проверки при въезде в город, вынужден был закрывать лицензию на месте добычи, то сельские бригады, в состав которых обычно входили директор совхоза, лесничий, участковый, никого не боялись. Именно этими бригадами, а не браконьером-одиночкой, наносился основной ущерб фауне. Отказ от промыслового отстрела явился первым и наиболее очевидным шагом к прекращению разбоя в угодьях.

2. Возобновились выплаты вознаграждений за истребление волков, ныне размер премии за отстрел взрослого волка составляет 18 у. е. — какой-никакой, но стимул; за добычу двух волков выдается бесплатная лицензия на кабана, за 10 волков — на лося. В 1997—99 гг. в области добыто соответственно 570, 370 и 260 волков, — мы обуздали поголовье хищников, хотя и понимаем эфемерность этой победы.

3. На севере Белоруссии нет дубовых насаждений, благополучие кабана здесь держится на зимней подкормке, которой мы всегда уделяли особое внимание. В угодьях, где не велась подкормка, мы закрывали охоту. Наш лозунг был: накорми кабана — и ни браконьеры, ни волки его не истребят, кабан плодовит, он быстро отвечает на заботу. Опять же, много кабана — меньше пресс охоты на лося. Но есть и еще одна сторона дела. Когда охотник сбережет и выкормит кабана своим трудом, то и отношение к этому зверю будет иным, хозяйственным, а не как к случайному дару природы.

Мы говорим егерю, принимая его на службу, учим на семинарах: если за год работы ты не составишь ни одного протокола — мы ни словом не упрекнем. Можно проверить у охотников документы, отобрать ружье у подростков,

ниях с местными охотниками — большой пласт работы охотоведа, значение которого трудно переоценить, хотя ей не учат ни в одном вузе. Мы считаем, что до тех пор, пока охотник не почувствует себя хозяином в своих угодьях, никому, никогда и нигде не удастся создать сильное хозяйство.

А как же все-таки быть с людьми, которым нельзя отказывать? Мы говорим — пожалуйста, приезжайте, но будем охотиться вместе с местным коллективом.

5. Свежими кадрами, пришедшими в Минприроду (начальник спецсекции О. Сидоренко), в конце 1997 г. были приняты новые Правила охоты. Вернее, такого документа раньше в Белоруссии вообще не существовало. Обсуждение проекта Правил проходило в острой, но демократической и творческой дискуссии, в Минске было собрано около

Фото А. Севастьянова

но все же борьба с браконьерством не по силам одиночке, это удел и обязанность охотоведа. А вот если ты не будешь кормить кабанов — ты не выполнишь свою главную задачу.

В последние годы в связи с обнищанием населения началось массовое разворовывание кормов: взламывались дощатые хранилища для зерноотходов, вскрывались ямы с картофелем. Но был найден прекрасный выход: егерь потянули в угодья пустующие металлические емкости из-под аммиачки и целые цистерны. Теперь зерноотходы не мокнут под дождем, их не сечет мышь, никто не взламывает шиферную крышу.

4. Мы отказались от такого уродливого явления, как «резервные» лицензии, которые получали разными путями разные люди, часто через голову администрации охотхозяйств. При этом в одних угодьях могли оказаться сразу 2, а то и 3 бригады. Получалось, что кормил зверя местный охотник, а охотиться приезжал Иван Иванович. До обеда оклад прогонялся одна бригада, а после обеда другая. Такая ситуация недопустима. Вообще, политика в отноше-

50 специалистов из областей и районов, участвовали представители всех заинтересованных ведомств. Новые Правила охоты внесли ряд радикальных, ожидавшихся много лет изменений в сроки, методы и порядок охоты, в том числе на копытных.

Отныне лицензии стали выписывать не бригадам, а только на имя штатных работников охраны охотхозяйств: егерям, охотоведам, директорам и без предварительной оплаты. Охотники, прибывающие в хозяйство, платят за день участия в охоте и вписываются в разовую путевку. Лицензии же оплачиваются по факту добычи. Что мы выиграли? Исчезло понятие «горячая лицензия», т. е. когда лицензия оплачена, а срок ее истекает (тут уж охотникам бывает не до селекции). Отпала необходимость прятать под елку обычный на коллективных охотах «перестрел», сейчас у егера в кармане несколько лицензий, теоретически хоть под весь лимит. Егеря своевременно закрывают лицензию — в отличие от обычного бригадира он за нарушение отвечает «погонами», лимиты в большинстве хозяйств стали использовать-

ся на 100 %. Таким образом, мы пришли к логичному и разумному решению организационных вопросов добычи копытных. Но это еще не все.

До того мы много лет шли по пресловутому пути «сжатых» сроков добычи копытных: в начале 70-х охоту открывали 1 августа, потом 1 сентября, 1 октября, 15 октября... Но, пожалуй, это вовсе не панацея, а скорее тупиковый путь — отстрел все больше превращался в кампанию со всеми изъянами любой кампании — штурмовщиной, выполнением плана «любой ценой», не говоря уже о том, что мы обедняли свою охоту. Между прочим, в плуне понятия «сжатых сроков» до сих пор находятся многие известные охотоведы.

Теперь мы охотимся на кабана полгода — с 15 июня по 15 января, хотя из них загонным методом только 2 месяца — октябрь и ноябрь; на косулью с 1 июля, рассматривается предложение о дальнейшем расширении сроков охоты.

Читатель скажет: как же так, на фоне обвала численности они расширяют сроки охоты?! Конечно, этот смелый шаг стал возможен только в условиях усиления охраны. Все предыдущие годы охотнадзор в Белоруссии осуществляли органы лесного хозяйства. Но лесник, с ружьем за плечами охраняющий свой обход, остался на картинах художников прошлого века, теперь он с бензопилой в руках дает «кубики»; понятно, что охрана фауны сильно хромала. С 1993 г. право инспектирования охотугодий и наложения штрафов получили также органы охраны природы, с 1997 г. еще и инспекции рыбоохраны.

6. Новые Правила узаконили охоту из засады (с вышки, с засидки), до того считавшуюся полубраконьерским способом, а также охоту с подходом, на реву, на вабу, с манком. Сочетание новых способов и новых сроков охоты позволило заявить: мы берем стратегический курс на отказ от загонных охот и переход к индивидуальным методам добычи копытных. Этот тезис, на наш взгляд, является главным достижением охотоведческой мысли в республике за несколько десятков последних лет. Остановимся на нем подробнее.

В бывшей ГДР при площади охотугодий в 9 млн. га (это в 3 раза меньше, чем в Белоруссии) в последний год ее существования на 39 тыс. охотников было добыто 149 тыс. голов кабана, т. е. почти по 4 кабана на среднестатистического охотника, плюс 157 тыс. косуль, 27 тыс. оленей (журнал «Unsere Jagd», 1990, № 7). И это в центре промышленной Европы! Когда мы приводим эти цифры на собраниях, на конференциях общества охотников, то следует все та же созерцательная реакция: «Так у них другая культура, другой климат». Да, культура, да, климат. Но задумаемся еще над одной цифрой: 97 % кабана немцы отстреливали на индивидуальных охотах, главным образом с вышек, и лишь 3 % на коллективных, загоном (Briedermann, 1986). К за-

гонным охотам немцы прибегали лишь в исключительных случаях, когда ущерб сельскому хозяйству становился непреносимым и требовалось сократить поголовье. Мы сказали нашим охотоведам: поймите, загонные охоты — это метод сокращения численности. Чем чаще мы беспокоим угодья, тем больше площади приходится прочесывать загоном. Получается заколдованный, порочный круг. Мы сказали: пора понять, что охрана животного мира — это не только и не столько борьба с браконьерством, сколько прежде всего методы добычи, безвредные для фауны.

В идеале цивилизованная охота на копытных должна строиться на другом принципе — на знании «прописки» конкретного зверя. Привязанности к своему участку обитания — это норма биологии большинства диких животных. Немецкие исследователи братья Штуббе, используя живоловушки, пометили ушными метками 3344 кабана, в последующие годы получен возврат 37 % меток. Поразительно, но ни одна свинка не была добыта далее 5 км от места мечения! Особи мужского пола более подвижны, но только в возрасте от 1 года, когда с появлением нового приплода они покидают мать, и до 2 лет, после чего они тоже становятся оседлыми.

На таких примерах мы учим на семинарах егерей: нельзя ожидать, что кабан, лось, косуля, даже утка откуда-то придут, прилетят в твои угодья, рассчитывать можно только на то, что сам сберег и вырастил. В хорошем хозяйстве каждый зверь должен иметь свой участок обитания, а если такого участка нет, то только потому, что мы гоняем зверей всю осень с края до края хозяйства, а с гончими и за край.

Конечно, мы не оторванные от жизни идеалисты и понимаем, что полностью отказаться от облавных охот вряд ли удастся и за 10 ближайших лет. Но искра сомнения в универсальности этой методики посияла, дорога к освоению новых методов открыта, а передовые хозяйства Белоруссии (Тетеринское в Могилевской области, Молшанско под Витебском) уже несколько лет, как свели к минимуму охоту загоном, и у них наблюдается вполне европейский уровень численности копытных. В большинстве хозяйств начался настоящий бум строительства вышек, как зимних (утепленных, двухстенных), так и летних для охоты на потравах — стационарных высотой 3 м (такую вышку два егера строят за 20 минут) и перевозных (разборных либо в виде лестницы-стремянки).

Однако не все проходит так гладко, существует и оппозиция стратегии перехода к индивидуальным методам добычи, на нас наклеивают ярлыки «доморощенных теоретиков», наши противники пишут: нам не подходит западный опыт, защитим национальные традиции охоты! В переводе это означает: сидели и дальше будем сидеть по

горло в нищете, но гордости не уроним.

Что же касается гончих, то с ними в Белоруссии на копытных теперь никто не охотится, по новым Правилам охоты — это браконьерский способ.

Ограничиваем мы даже охоту с гончими на лису и зайца в гослесфонде: мы говорим: гоняйте в поле, в кустах, в небольших кусках колхозных лесов, но основные массивы, где мы кормим, собираем и охраняем зверя, оставьте в покое. Правила охоты разрешили администрации хозяйств закрывать охоту с гончими в таких участках. В лесохантнических хозяйствах охота с гончими в гослесфонде обычно запрещается, и здесь темпы роста численности копытных вдвое выше, чем в соседних угодьях. Но решаются на такой шаг далеко не все ведомства, так как вопрос касается интересов самого массового охотника.

Между прочим, Л. П. Сабанеев в «Охотничьем календаре» приводит Правила охоты для губерний Царства Польского, п. 229: «Лесной страже в лесах казенных... а равно и лицам, проживающим в означенных лесных дачах, содержать борзых и гончих собак воспрещается безусловно». Оказывается, спустя сто лет мы вновь изобретаем велосипед.

Всей Белоруссии ради покоя в лесу в зимние, наиболее трудные для копытных месяцы срок окончания охоты на пушных зверей сдвинут с февраля на третье воскресенье января.

Наша политика принесла неплохие плоды: в Витебской области в 1996—97 гг. падение численности копытных было остановлено, 1998 год дал прирост на 10—20 %, в 1999 г. рост поголовья по разным видам составил уже 15—25 %, хорошие темпы сохранились и в 2000 г. Популяция кабана восстановлена почти до прежних размеров, поголовье оленя в сравнении с показателями 10-летней давности возросло на треть, косули — более чем в 3 раза, в большинстве хозяйств возобновился отстрел лося.

Дорогие читатели

журнала

**«Охота и охотниче
хозяйство!»**

Скоро начинается

подписка

на второе полугодие 2001 г.

Наш индекс

70673

по каталогу Роспечати

Фото А. Лисевича. Амурские медвежатники

Фото В. Муканова. Поиграем, пока хозяин отдыхает. р. Ельма, приток Печоры

Дорогие читатели, на наш очередной фотоконкурс от 53 авторов из разных регионов России поступило 289 цветных фотографий и слайдов.

Жюри фотоконкурса рассмотрело полученные работы и решило:

Две первые премии (по 2000 рублей) присудить:

В. Ерохину за серию очерков в цветных фотографиях «Птицы на гнездах»

Н. Мальцеву за очерк «Сибирская косяка»

Три вторых премии (по 1000 рублей):

О. Чугунихину за серию цветных фотографий «Природа России»

С. Ковшу за серию цветных фотографий «Природа Украины»

В. Зайкову за фотографии северного оленя

Четыре третьих премии (по 500 рублей):

А. Ангелову за пейзажи России

Р. Закревскому за серию цветных фотографий о водоплавающих птицах

А. Федорову за фотографию «После охоты на болотоходе»

С. Поветову за серию фотографий «Лесные кружева»

Мы благодарим всех участников фотоконкурса, и в том числе тех, которые не были отмечены жюри, — их фотографии могут быть использованы в качестве иллюстраций к нашим публикациям.

**Об условиях фотоконкурса 2001 года
см. журнал № 1, 2001 г.**

Фото В. Хныкина. Моя первая утка. Карелия

Фото С. Дубова. Это я с добытым соболем. Тюменская область

Итоги фотоконкурса

Фото С. Космачевского. Долгоожданный трофей. Читинская область

Берегите

Фото А. Лавровой

В. ТИХОМИРОВ

Качество добываемой пушнины — основной критерий квалификации охотника. Охотник, ощущающий свое единство с природой, с благодарностью и уважением относится к своей добыче и стремится как можно полнее сохранить природную красоту пушнины. Кроме личного удовлетворения высокое качество сдаваемой пушнины гарантирует вам уважительное отношение других охотников, в том числе и руководителей охотничьего промысла. Помню, как в конце своего первого сезона на Алтае сдал 450 белочек, первично обработанных с мездрением, высушенных на правилках и разложенных по сортам и дефектам. Приемщик раньше не видел такой белки и решил то ли посоветоваться, то ли поделиться впечатлением с директором заготконторы. В результате мы с собакой не только получили предложение приехать на следующий год, но нам обещали дать на сезон «Белку» и помочь лошадью с заброской. И действительно, на следующий год нам помогли провести сезон еще более эффективно. Кроме белочек мы сдали пару соболей, правда, почти даром (за 16 и 18 рублей). Зато перед третьим сезоном нас наградили бесплатной лицензией на марала.

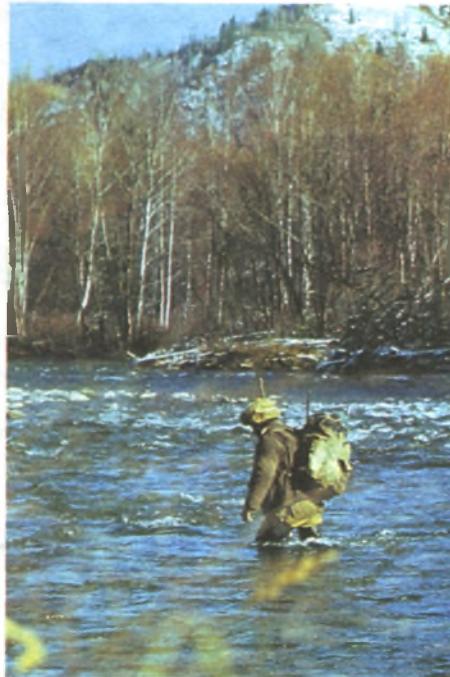
Процесс превращения шкурки, бегающей по лесу, в полноценную пушину достаточно сложен. Его успех зависит

от многих причин. Попробую перечислить важнейшие.

Нормальный промысловик ни за что не будет добывать зверя с незавершенным процессом линьки. Дело в том, что при линьке луковицы остьевых волос углубляются в толщу кожи на всю ее глубину, а некоторые выходят в жировой подкожный слой. Такие луковицы еще при первичной обработке будут подрезаться и «ходить» из шкуры. При последующей выделке такие шкуры нельзя утончать строганием, поэтому они не могут стать тонкими и мягкими. Мягкость шкурки, кроме всего прочего, пропорциональна квадрату ее толщины. Не вылинявшие шкурки имеют и низкие механические свойства. Наверное, каждый охотник знает, что не вылинявшая шкурка со стороны мездры темная, а зерлая — бело-голубая. Формальное открытие охоты для думающего охотника — сигнал к пробной добыче. Однако ондатру и лису, например, в нашей Московской области можно даже и не пробовать. До декабря ни лисы, ни ондатровая молодежь не выйдут.

Второе важное дело — способ добывчи. Мы обязаны добывать животных так, чтобы урон, наносимый шкурке, был минимальным. Думаю, грех добывать ондатру ружьем. Ее, конечно же, нужно ловить «мурдами» или капканами. И норку, думаю, правильнее ловить, а не стрелять. Не дело лупить по белке из дробовиков, да еще и крупной дробью. Не могу понять, почему в ряде областей запрещают белковать с мелкокалиберным нарезным ружьем. Разве что власти, зная собственные «заслуги», боятся нас. Как ни крути, ни загораживай корпус белки соседним деревом, какую мелкую дробь ни применишь, как ни уменьшай заряды, а процентов на 25 белка, добытая дробью, будет дешевле (а значит, и хуже), чем аккуратно, в головку, стрелянная пулей. Кроме того, стрельба пулей и в чисто спортивном плане намного интереснее. Она требует большей точности по сравнению с дробовой. В крайнем случае, дробовое ружье желательно мелких калибров, а дробь — семерка-восьмерка.

Перед каждой охотой следует подумать не только какой дробью снаряжать патроны, но и как стрелять в типичных ситуациях. Как-то один «профессиональ» принес для выделки шкурку енота (енотовидной собаки), у которого не было половины головы, части шеи и левого плеча. Первое впечатление, что бедолага подорвался на мине. Оказалось, что это результат картечного выстрела накоротке, когда такса выталкивала енота из норы. Ясно, что ничего хорошего из такой

Алтай. Заходят на промысел

шкурки не получилось.

Правда, недавно я и сам опростоволосился. Выбирался с промысла из Горно — Алтайской тайги и сидел на обочине проселка, идущего к Чуйскому тракту, — ждал попутки. Все вещи, включая разобранный карабинчик ТОЗ-18 01, упакованы в большой рюкзак. Чтобы собаке было повеселее, на поводок ее пока не брал. Смотрю, что-то кобель закапался в кустах у ручья, бегущего недалеко. Вдруг из корней ряженой молнией выскошил колонок и взлетел на вершину ближайшего кедра. Пока я судорожно собирали карабин, на дороге послышалась машина. Вскоре она показалась из-за ближайшего поворота. Водитель согласился нас подхватить. Однако он спешил — начинало смеркаться. Как на грех, не могу вспомнить, куда затолкал обычные патроны. А в магазине карабина только усиленные экспансивные (в горы на зиму шла косуля). Побежал к кедрине с тем, что было. А видно уже плохово: то, да кухта маленько мешала. Но вроде в самой верхней мутовке что-то «лишнее» было. Вот, помолясь, туда и выстрелил. Колонок начал падать, но завис недалеко от вершины. Слава Богу, веточка, на которой он висел, была видна. Еще один патрон пришлось потратить, чтобы ее отрубить. Колонок прилетел на землю, а в нем две дыры будто от гранатомета. По сути дела, я

пушину

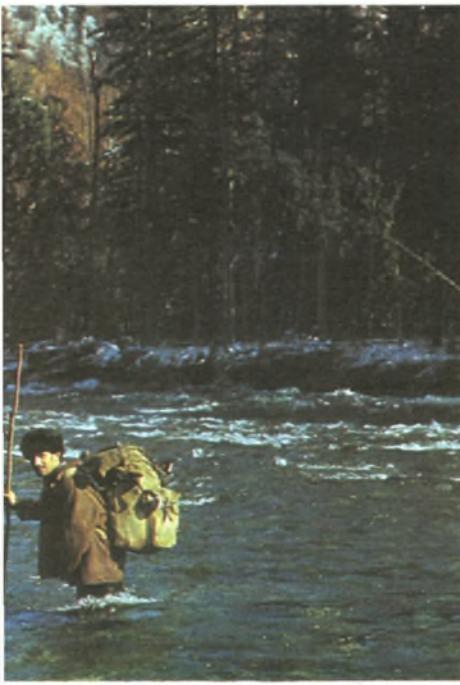

Фото автора

нарушил сразу два правила. Стрелял колонка «чужим» патроном и, кроме того, позволил себе стрелять не в голову. Эту испорченную шкурку мне особенно жалко, поскольку колонковый мех мне очень нравится. Он много мягче, гуще и пышнее клеточной (американской) норки и тем более горностая, с которым колонок принимается по одинаковой цене. Для меня он существенно ценнее.

Иногда азартные лайки очень серьезно портят мех, грубо хватая упавшее животное. Однажды мне дали в натаску четырехлетнего кобеля русско-европейской лайки. Все у него было безу-коризненно, кроме отношения к упавшей белке, да и всем куньим. Он споряча их просто рубил почти пополам, как гильотиной. За полтора месяца промысла мы с ним добыли около 350 белок. Но до конца сезона перед выстрелом этого бандита приходилось привязывать в сторонке. Правда, к жестоким мерам «воспитания» я никогда не прибегаю.

Добытых некрупных пушных животных (белочек, колонков) ношу на кожаной удавке, прикрепляя ее карабинчиком к ляжочным кольцам рюкзака. Так они меньше мнутся и хорошо проветриваются. Заодно и вощки, которых на белках бывает тьма, маленько убегают. Если Бог пошлет что-нибудь ценное, стараюсь шкурку снять немедленно. А

если это почему-нибудь не удается, то куничу или соболя бережно заверну в полотенце, чтобы волос меньше заламывался и не пачкался кровью из ранки.

Очень важно точно работать ножом при съемке — недопустимы неправильные разрезы. При мездрении нужно быть особенно аккуратным. Если вы добыли животное крупнее белки, не пожалейте времени и удалите хрящи из ушей и носика. Иначе они не просохнут как следует, и при выделке мех с этих участков полезет. При некотором навыке нетрудно из хвоста выдернуть прутки его скелета. Нужно обязательно хвост разрезать с нижней стороны.

В день добчи нужно тщательно удалить со шкурки весь жир. Самым надежным способом является мездрение. Мездру нужно последовательно сгonyть вместе с жиром от огузка к головке, не нарушая целостности мездры. При некотором навыке ножом можно удалить кровоподтеки вокруг прострелов. Если их не убрать, то там образуются маленькие кольцевые лысинки. После мездрения нужно старательно убрать жир, многократно протирая шкуру сухой тряпочкой. Жир — главный враг пушнины. Даже небольшие его количества способствуют загниванию волосяных луковиц. В итоге шкура приличная в сухом состоянии иногда начинает катастрофически терять волос на первой же стадии выделки — отмоке. Кроме того, жир, проникая в толщу кожи, не вымывается при выделке. Такие участки кожи не набухают достаточно в воде и оказываются невыделанными.

Важной стадией первичной обработки является сушка. Из всей пушнины только белку можно сушить без правилок мездрой наружу. Но стандарт допускает и для нее сушку на правилках. Такие шкурки получаются много привлекательнее, чем свободно сущеные. Формы и размеры правилок для шкур всех главных пушных животных приводятся во всех справочниках. Желательно, чтобы шкурка на правилке была растянута не только по ширине, но и вдоль. Это серьезно повышает качество будущего меха. Температура сушки не должна превышать 25°. Сначала шкурку сажают на правилку мездрой наружу часов на 10—12. К лапам, головке и хвосту со стороны мездры накладывают бумажки соответствующей формы, которые, прилипнув, не дают сесть этим местам при сушке. Передние лапы нужно прикрепить к небольшой рейке, проходящей через разрезы у подмышек поперек правилки. Про это иногда говорят: «сделать самолетик». Если за время первой стадии сушки из мездры «выдавится» жир, его нужно

Фото А. Лавровой

старательно убрать тряпочкой. После этого шкурку снимают с правилки, выворачивают и — снова на правилку. На шкурках соболя и кунницы часто бывает смола. Ее удаляют тряпочкой, смоченной бензином. После этого шкурку расчесывают против шерсти, а правилку ставят «вниз головой». Так мех получается более пышным. Через день шкурки можно снять с правилки и еще раз прочесать. Есть смысл денег-другой для окончательной досушки шкуркам повисеть на воздухе. Шкуркам больше нравится сохнуть не на сплошных правилках, а на правилках с крупными отверстиями разной формы. Им так легче дышать.

Если беличьи правилки — лучинки очень просто сделать на промысле, то по одной правилке для соболя и колонка-горностая есть смысл взять из дома.

А теперь я хочу немножко остановиться на выделке шкурок. Выделка шкур — ремесло близкое к искусству. С минимальной натяжкой можно сказать, что каждая шкурка требует своей технологии, и профессиональное чутье приходит только с опытом. Опишу только простейшую схему, которая дает хорошие результаты для «легких» шкурок: лисы, песца, кунницы, соболя, рыси, молодых кроликов, норки и ондатры.

Собственно выделка складывается из последовательного проведения отдельных процессов. Как и в любом

сложном деле, ошибка на любой стадии не может быть исправлена за счет последующих, поэтому необходимо все операции выполнить с максимальным старанием.

Отмока проводится сутки в холодной воде. На 1 л воды добавляется 30 г поваренной соли, 1 г хлористого цинка, 1 г моющего средства (порошка для шерсти), 1 г сульфита натрия, 0,5 мл формалина. Если шкурки совершенно свежие, формалин можно не добавлять. Парные шкурки обводняются часа за 3–4. Для отмоки и всех последующих операций используют количество растворов, в 8–10 раз превосходящее массу сырья. В процессе отмоки шкурки необходимо перемешивать, обращая внимание на то, чтобы все участки шкурки обводнялись.

Стирка проводится раствором какого-либо мягкого моющего средства, концентрация которого 3–4 г на 1 л воды при температуре около 40°. Шкурки простираются тщательно с обеих сторон, после чего дважды прополоскиваются со стороны волоса и мездры.

Мездрение проводится для удаления прирезей жира и мяса, оставшихся на шкруке. Кроме того, мездрение разрыхляет кожевенную ткань, что значительно улучшает качество выделанного меха.

Вторая стирка проводится совершенно обязательно, поскольку под мездрой всегда остается некоторое количество жира. Жир второй стиркой должен быть удален полностью. Его остатки на шкруке не позволяют провести последующие процессы. После второй стирки следует тщательное полоскание.

Пикелевание — это процесс насыщения кожевенной ткани солью и кислотой. При этом происходит разрушение коллагеновых волокон кислотой. Учитывая это, важно не переусердствовать с продолжительностью этого процесса. Лучшие результаты получаются, когда пикель содержит 6 мл ледяной (100-процентной) уксусной кислоты и 60 г соли на 1 л воды. Пикель нагревают до 40° (не выше!) и помещают в него шкурки на сутки. Шкурки вынимают из раствора и, добавив в него еще уксусную кислоту, из расчета 4 мл на литр раствора, снова подогревают до 40°, после чего в него возвращают шкурки. Вторая половина пикелования продолжается еще сутки.

Пролежка — это продолжение пикелевания, только без раствора. Вынув шкурки из пикеля, их отжимают не выкручивая, дают стечь минут 30, выворачивают волосом наружу, кладут в полиэтиленовый пакет, который плотно завязывают и помещают под гнет. Например, ведро с водой. Продолжительность пролежки около суток.

Разбивка и подчистка кожевенной ткани проводится скоблением ножом вдоль и поперек шкурки с целью ее разрыхления.

Дубление шкур предохраняет их от окисления и деструкции при последующей носке изделий. Оно проводится

с использованием отработавшей пикельной жидкости, для чего ее разводят вдвое водой и добавляют сухой хромовый дубитель из расчета 3 г на 1 л раствора. Народные рецепты выделки содержат рекомендации проводить дубление в растительных экстрактах (кора ивы, дуба, ели, листья бадана и пр.). Продолжительность дубления — сутки.

Вторая пролежка выполняется, как и первая, но длится только 12 часов.

Нейтрализация проводится в растворе питьевой соды концентрацией 3 г на 1 л воды. Продолжается она около 30 минут. Ей предшествует полоскание в чистой воде.

Жирование кожевенной ткани является очень важной операцией. В качестве жижающих веществ ни в коем случае нельзя использовать жиры животного происхождения, яичные белки и другие органические вещества, способные к окислению на воздухе. Можно использовать только специальные эмульсии, например кожевенную пасту или пасты, полученные на основе минерализованных продуктов. Жировку можно приготовить и самостоятельно. Для этого смешивают 1 л теплой воды, 50 мл олеиновой кислоты, 50 мл сульфированного рыбьего жира и 10 мл нашательного спирта. Смешивать этот состав следует до получения устойчивой эмульсии. Для жирования шкурку нужно натянуть на правилку мездрой наружу и с помощью кисти нанести живущую эмульсию, находящуюся в консистенции молока. После этого шкурку снимают с правилки и выворачивают волосом наружу, оставляют на сутки, после чего жирование повторяют.

Сушка жированных шкурок проводится в тени при комнатной температуре до волглого состояния (обычно 2–3 суток).

Третья стирка проводится для удаления остатков жижающей эмульсии с поверхности кожевенной ткани и волоса. Она осуществляется теплой водой с шампунем, после чего следует легкое полоскание с обеих сторон.

Окончательную просушку проводят на правилках сначала мездрой наружу, затем волосом. Еще влажный волос причесывают против шерсти.

Отминание и зачистку проводят тупыми ножами и некрупной шкуркой, предварительно натерев мездру мукою крупного помола. Остается только отрясти шкурку от муки, вывернуть волосом наружу и окончательно причесать (опять против шерсти).

Если первая попытка не принесет блестящих результатов, не отчайтесь — это ведь первый блин. Второй обязательно будет много лучше. Успехов вам!

F настоящее время Тульский оружейный завод изготавливает два самозарядных ружья 12 калибра для продажи охотникам, это ТОЗ-87 с газоотводным механизмом и МЦ 21-12 с подвижным стволом. У обоих образцов патронники рассчитаны для использования гильз длиной 70 мм. Чем интересны современные образцы этих ружей по сравнению с теми, которые изготавливались в начале их появления на прилавках магазинов? А тем, что снабжаются различными дульными насадками от цилиндра до полного чока и «парадокса». Естественно, владельцев этих вновь приобретенных ружей интересует вопрос, что конкретно дает применение тех или иных насадок в стрельбе на охоте разными номерами дроби и пулями.

Провести сразу полный объем стрельбы редакция журнала не имеет возможности, так как отсутствуют средства для проведения подобных испытаний. Поэтому завод ТОЗ вместе с нашей редакцией обратился к директору московского магазина «Охотник», что на Волоколамском шоссе, Елене Юрьевне Макаровой с просьбой о помощи в проведении сравнительных стрельб этих ружей с разными насадками и параллельно отстрелять какое-нибудь иностранное ружье подобного класса, но известной нашему охотнику фирмы. Обращение именно в этот магазин было связано с тем, что при нем имелся тир с дистанцией стрельбы на 50 м. При этом особо важную роль сыграло доброжелательное отношение Елены Юрьевны к нашей затее, которая помимо материальной помощи, оказанной для обеспечения проведения стрельб, сама приняла в стрельбах активное участие.

На стрельбах присутствовали помимо представителей нашего журнала Н. Бабанин, главный конструктор ТОЗ, С. Гриневич, начальник бюро отдела маркетинга, а также М. Дегтярев — главный редактор журнала «Калашников». Благодаря Елене Юрьевне наши стрельбы были обеспечены имеющимися в наличии у нее в магазине патронами, а также самозарядными ружьями «Браунинг», МЦ 21-12 и ТОЗ-87 с разными насадками. Кроме этого, нам были предоставлены стрелковая скамейка с упорами и спортивными мишениями № 4 (к сожалению, для полной оценки дробового выстрела необходимости стодольные мишени, найти которые нам не удалось). Все стрельбы проводились профессиональным стрелком.

Для опытных стрельб в наше распоряжение были предоставлены следующие типы патронов. Патроны «Record» с пулями «Стрела» весом 32 г и порохом «Сокол» с навеской 2,15 г; патроны «Safari» с дробью № 8 весом 34 г и порохом Sunar SF весом 1,82 г; патроны этой же марки с таким же порохом, но с дробью № 1 весом 32 г и весом пороха 1,9 г; патроны «Виктори-К» с весом дроби № 4 32 г и весом пороха 1,93 г.

испытание самозарядок

М. БЛЮМ, В. ГРИНЕВИЧ, представитель завода ТОЗ

Очередной выстрел по мишени

Для стрельбы были предоставлены самозарядный с газоотводным механизмом и сменными чоками «Браунинг», самозарядное ружье ТОЗ-87-06 со стволов длиной 540 мм и с дульными насадками: цилиндр, получок (ДС-0,5), полный чок (ДС-1,0) и «парадокс», а также ружье МЦ 21-12 со стволом длиной 750 мм и такими же дульными насадками. Из каждого ружья, каждым типом снаряда было произведено по три зачетных выстрела. Все пробоины от дробин, попавшие в мишень размечены 58 см×53,5 см, принимались во внимание при подсчете количества попаданий.

При стрельбе на 25 м с цилиндрической насадкой дробью № 8 из ружья ТОЗ-87-06 было получено 215 пробоин, а из ружья МЦ 21-12 — 198. Это говорит о том, что цилиндрическая насадка позволяет отстреливать мелкую дичь с относительно близкого расстояния —

например болотную — из-под собаки. Причем короткий ствол при такой стрельбе показал несколько более плотную осьпь по сравнению с длинным стволов. При стрельбе на 35 м с насадкой «парадокс» при тех же остальных условиях стрельбы разброс дроби получился несколько больше (порядка 185 дробин), что позволяет эту насадку использовать для стрельбы дробью на еще меньшем расстоянии. Стрельба пулями с насадкой «парадокс» на 35 м дала разброс пуль, равный 12,7 см, а из цилиндра — 5,5 см. Это говорит о том, что насадка «парадокс» требует применения специальных пуль с двумя ведущими поясками, которые будут закручивать пули и позволяют получить их разброс порядка 15 см на 150 м. Заводом ТОЗ такие пули разработаны и появляются в продаже.

При стрельбе на 35 м дробью № 4 с чоковой насадкой отечественные ружья

положили 92—94 дробины, а иностранец — 119. С получоковыми насадками у всех ружей практически одинаковые результаты: 71—83 дробины поразили спортивную мишень № 4. При стрельбе дробью № 1 с получоковой насадкой из «Браунинга» получено 32 попадания, а из ТОЗ-87-06 и МЦ 21-12 соответственно 40 и 51 попадание. Так что в данном случае отечественное оружие показало лучшую кучность боя при стрельбе крупной дробью, а это значит, что при стрельбе на дальние расстояния по крупной дичи наши образцы предпочтительнее иностранного. Этой же дробью при стрельбе с чоковой насадкой, установленной на все образцы, ружья «Браунинг» и ТОЗ-87-06 дали по 44 попадания, а МЦ 21-12 — 52 попадания. Ружье МЦ 21-12 оказалось лучшим.

Проведенные испытания показали, что качество стволов отечественных ружей не хуже зарубежных.

Фото Т. Баженова

Елена Юрьевна оценивает результаты стрельбы

Сразу вижу, куда попал...

Осмотр ружья после стрельбы

Смоленское охотничье хозяйство

А. ДИГИЛЕВИЧ

В 200 км от Москвы по Минскому шоссе, среди обычных для Центральной России угодий на 73 тыс. га в основном старых смешанных лесов с преобладанием ели, сосны, березы, осин и ольхи расположено Смоленское охотничье хозяйство Агроплемсоюза. Есть в нем немногих чистых сосновок, 763 га занимают болота, 185 га — реч-

ки, озера и пруды, 8 тыс. га — пашни и 6,5 тыс. га — сенокосы. На этой территории обитают 800 кабанов, 250—300 лосей, 500—520 благородных оленей, есть даже медведи, и, конечно, есть зайцы, белки, куницы, лисицы, енотовидные собаки... На глухаринные тока слетаются по 25—30 петухов. Много в хозяйстве тетеревов, великолепны охо-

ты на вальдшнепиной тяге. На зарыбляемых водоемах и летом и зимой хорошо ловится рыба, что, кстати, служит одним из источников дохода. На зиму воду в прудах спускают и рыбу из них также продают. Годовой финансовый оборот хозяйства — 3 млн. рублей, а основные доходы получают от организации и проведения охот. В неохотничье время прекрасно оборудованные базы — гостиницы сдаются просто отдыхающим.

В штате Смоленского охотничьего хозяйства, которое возглавляет охото-вед по образованию Яков Яковлевич Колесников, трудится 60 человек, и можно с уверенностью сказать, что это одно из лучших хозяйств в России. Я. Я. Колесников возглавляет его около 20 лет и славится как умелый и требовательный организатор, радушный хозяин, знаток охотничьего дела и страстный охотник, который особенно увлечен охотой на волков. Каждое сообщение о появлении волчьих следов приводит к мобилизации всех сил на борьбу с серыми хищниками. Волков уничтожают не только внутри хозяйства, но и в прилегающих к нему районах. 130 волков отстреляно за последние пять лет.

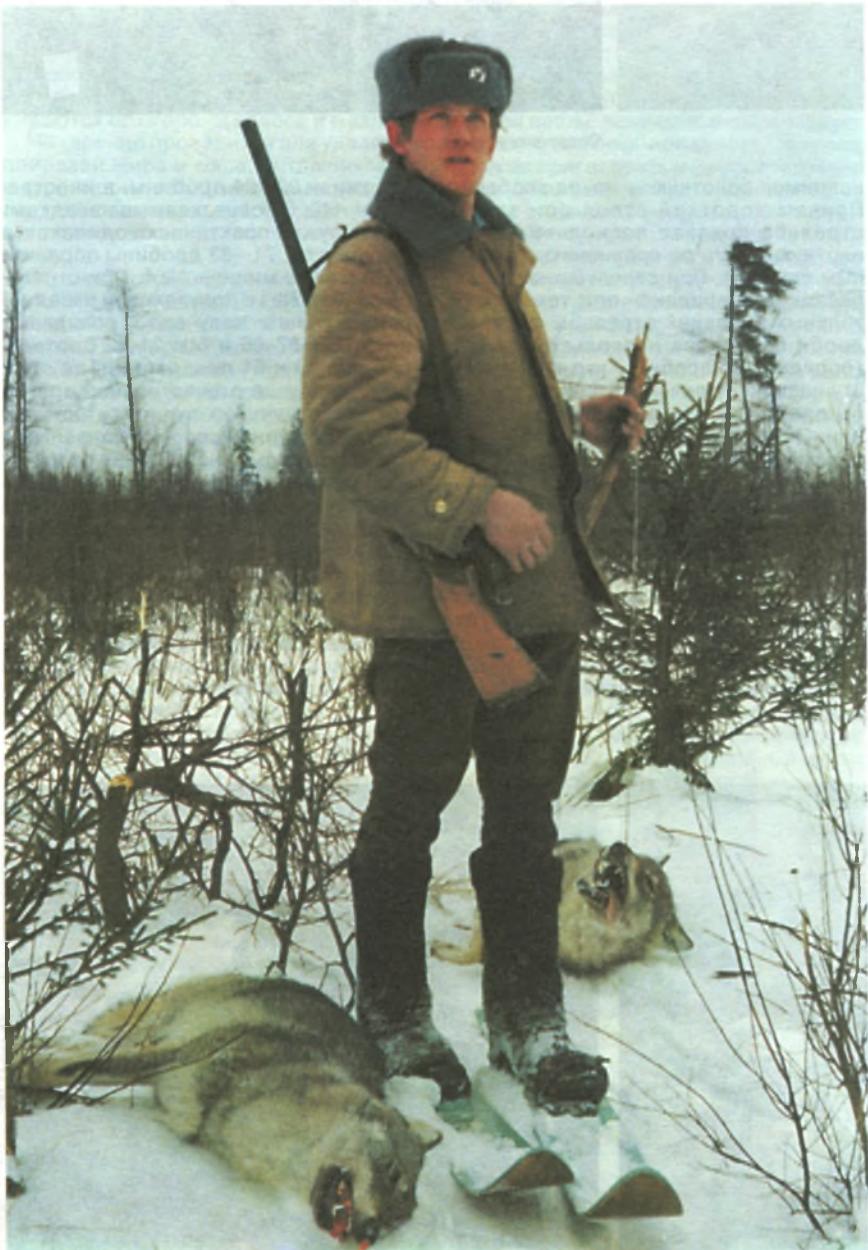
Не менее активно ведется и борьба с браконьерами. Во все времена года мобильные бригады с рациями на вездеходе или снегоходах прочесывают угодья, вылавливая любителей легкой добычи.

Многочисленные солонцы, кормовые поля и подкормочные комплексы удерживают копытных зверей на территории хозяйства. Забота об их здоровье, например профилактика чумы, и строго планируемые охоты с сохранением маточного поголовья обеспечивают наличие в хозяйстве трофейных осо-бей. При этом проводятся не только обычные, распугивающие зверей загонные охоты, но и охоты скрадом, с вышек, на кабанов на потравах, на лосей и оленей на реву. В результате разумного подхода к охотам и сбережения животных численность разнообразной дичи в хозяйстве не снижается, а постепенно возрастает, и это заслуга всего дружного коллектива, работники которого хорошо знают свои угодья и их обитателей. Обслуживающий персонал хозяйства предельно доброжелательно относится к приезжающим охотникам и вместе с тем следит за соблюдением необходимой дисциплины во время охот.

От души желаем всем труженикам Смоленского охотничьего хозяйства успехов в работе и здоровья.

Фото автора

Директор Смоленского охотничьего хозяйства Я. Я. Колесников

КУДА ИСЧЕЗ ЛОСЬ?

А. ДАНИЛКИН,
доктор биологических наук,
Институт проблем экологии
и эволюции им. А. Н. Северцова
Российской академии наук

Споры о причинах очередного сокращения населения копытных в России не утихают до сих пор. Охотдепартамент РФ и его Контрольно-аналитическая служба по-прежнему пропагандируют «трофическую» гипотезу, связывая динамику численности животных с цикличностью, вызванной изменением солнечной активности и недостатком качественных растительных кормов. Есть же цикличность у зайца-беляка, белки, лемминга и других мелких зверей и почему не быть ей у копытных?

Эта гипотеза, при всей привлекательности, имеет ряд изъянов, о которых упоминалось ранее (см. «Охота и охотниче хоз-во». 1997. № 6). Лось — не заяц, не лемминг, не рыжая полевка, он не может размножаться с такой же фантастической скоростью, как мелкие зверьки, у него иная физиология, иная продолжительность жизни и стратегия выживания. Кроме того, численность копытных странным образом резко сокращается именно в периоды социально-экономических катаклизмов (войн, революций, неурожая, голода, обнищания населения и др.), традиционно сопровождаемых «волчьей напастью». Динамика населения копытных асинхронна в соседних странах, регионах, областях, районах, отдельно взятых заповедниках и охотничих хозяйствах, хотя, по «трофической» гипотезе, она должна быть однонаправленной. И самый интересный вопрос — если лоси одновременно погибли от недостатка кормов и истощения, то куда «исчезли» десятки тысяч

их трупов? Массовая гибель крупных животных не может быть не замеченной!

Справедливости ради следует отметить, что невнимательность свойственна службе Охотдепартамента РФ. В Курганской области в многоснежную зиму 1998 г. она не увидела «в упор» гибель десятков тысяч сибирских косуль, хотя сотни трупов открыто лежали во всех типах охотничих угодий многих районов. Но не все же отечественные охотоведы такие «слепые», как курганские!

Итак, куда же исчезли копытные в России? Давайте попытаемся найти пропавшие лосиные головы. Предлагаю,уважаемый читатель, выдвинуть и совместно обосновать гипотезу, которую в отличие от «трофической» условно назовем «гастрономической»: не лось съел корма и покончил жизнь самоубийством, а его самого съели при попустительстве или некомпетентности управляющего, контролирующего и регулирующего охотничьего ведомства.

Аналогичное исследование уже проведено мной в отношении диких копытных животных востока европейской части России (см. «Охотник и рыболов Поволжья». 2000. № 7—8), поэтому придется повторить основные доводы, необходимые для обоснования гипотезы. Сразу же оговорюсь, что все рассуждения базируются на официальных сведениях о численности и добыче охотничих животных, любезно и без всяких условий предоставленных Охотдепартаментом РФ и Государственной службой учета охотничих ресурсов.

Прежде всего попробуем уяснить уровень воспроизводства в популяциях лося. Продуцирующая часть (беременные самки) составляет в них около

25—30 %. Каждая из стельных самок ежегодно приносит в среднем 1,3—1,6 теленка, из которых до осени доходит в лучшем случае один. Потенциальный биологический прирост популяции может достигать примерно 40—45 %, а хозяйственный (осенний) — 30 % от весенней (учетной) численности из-за высокой детской смертности. Однако доля сеголеток в течение зимнего сезона продолжает неуклонно снижаться, и до годовалого возраста доживает в лучшем случае 10—15 %. Неминуемо погибнет и часть взрослых животных.

При таком раскладе в популяциях с относительно стабильной численностью уровень всех потерь не должен превышать 30 %. Вычетом отсюда неизбежные естественные потери, такие как смертность по старости, из-за болезней и трагические случаи, которые нередки, и получим некий ориентировочный «пороговый» уровень в 25 %, при «перешагивании» которого неминуемо уменьшение численности. Учтем также, что при интенсивной эксплуатации ресурсов и очень низкой плотности населения животных возможно снижение уровня воспроизводства: из-за преимущественной элиминации наиболее продуктивных особей и «омоложения» до предела разреженных популяций, где становится проблематичной встреча взрослых разнополых особей. В таких случаях расчетный пороговый уровень следует понизить с 25 % примерно до 20 %.

Следовательно, даже в идеале (при отсутствии хищников и браконьеров, исключении гибели подранков и др.) уровень лицензионного отстрела в «стабильной» популяции не должен превышать 20—25 % послепромысловой численности, а с учетом всех по-

терь — 10 %, что соответствует типичному для России уровню годичного (биологического) прироста населения лося. При необходимости увеличения поголовья объем добычи в наших далеко не идеальных условиях должен быть значительно ниже 10 %.

После теоретических рассуждений посмотрим, что мы имеем в реальности. Лицензионная добыча лося в Российской Федерации в период роста его поголовья (1947—1976 гг.) составляла 2—6 %, а в период относительной стабилизации — 7—8 % учетной численности. Охотничьи сезоны 1989/90 и 1990/91 гг. рекордные: официально добыто почти 90 тыс. голов, или около 10 %, что сразу же негативно отразилось на динамике населения вида (см. рис. 1).

В таблице перечислены области и республики европейской части России, которые были вынуждены закрыть или до предела ограничить охоту на лося в 1997—1998 гг. из-за резкого сокращения численности. В большинстве из них в начале 90-х годов официальная добыча была намного выше средней по России, значительно выше уровня хозяйственного годичного прироста популяций, больше максимального уровня воспроизводства животных и значительно выше установленных ведомственных норм лицензионного отстрела (до 10—25 % послепромысловый численности с учетом хозяйственного прироста стада по действующей Инструкции «О порядке добычи диких копытных животных по разрешениям (лицензиям) на территории РСФСР». М., 1984). Фактически, в нарушение ведомственной Инструкции, копытные здесь были «расстреляны» или отданы на съедение волку.

Однако удар по копытным был не только количественным, но и, что немаловажно, структурным: повсеместно отстреливали самых крупных и наиболее продуктивных взрослых особей, тем самым существенно снижая уровень воспроизводства. Собственно, охотничьи организации в конце 80-х — начале 90-х годов целенаправленно

УРОВЕНЬ ЛИЦЕНЗИОННОЙ ДОБЫЧИ ЛОСЯ
(в % от учетной численности)
В ОТДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЯХ И РЕСПУБЛИКАХ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В КОНЦЕ ХХ в.

Область, республика	1989/90	1990/91	1991/92	1992/93	1997/98	1998/99
Ивановская	35	37	22	22	0	0
Владимирская	21	20	18	16	3	3
Московская	16	15	13	15	4	4
Рязанская	19	14	11	12	2	2
Тульская	28	32	25	28	6	7
Белгородская	16	17	12	11	0	0
Воронежская	45	?	?	61	8	3
Курская	22	28	18	21	0	3
Марий Эл	15	15	23	20	0	2
Мордовия	6	14	11	4	0	0
Чувашская	32	30	28	16	0	0
Ульяновская	23	32	27	25	0	0
Татарстан*	29	30	28	28	2	4
Самарская	26	27	22	22	0	0
Пензенская	23	17	17	13	0	0
Саратовская	39	29	19	55	0	0
Оренбургская	18	15	18	8	0	5
Волгоградская	47	33	28	24	0	0

* В 1986—1988 гг. ежегодная добыча достигала 45—50 %.

уничищали свое бесценное достояние — оседлое репродуктивное ядро популяций и лучший генофонд. Сеголетки, оставшиеся без матерей, погибали от голода или становились легкой жертвой хищников, а выжившие оставались малорослыми и гораздо позже сверстников вступали в размножение. В перечисленных в таблице областях практически не осталось взрослых самцов с хорошими рогами.

К сожалению, эта ситуация сохраняется до сих пор. В Российской Федерации в 1995 и 1996 гг. доля сеголеток среди добывших лосей составляла около 13 %, в 1997 и 1998 гг. она снизилась

до 9—10 %, а в Сибири и на Дальнем Востоке — до 2—4 %.

В последние годы добыча лося в России сократилась до 16 тыс. голов (до 3 % учетной численности), во многих областях она закрыта (рис. 1). При таком низком уровне лицензионного отстрела поголовье должно расти, а оно остается на месте, как бы «вписываясь» в «трофическую» гипотезу (не путать с «гастрономической!»!). Однако не торопитесь: наш анализ многофакторный, и мы должны учесть другие причины смертности, в том числе гибель от волка, медведя, браконьеров и ранений.

Фото С. Бычкова, А. Николаева, А. Свешникова, П. Яровицкого (из архива нашего журнала)

Может ли волк повлиять на динамику численности лося, насчитывающего 600–900 тыс. особей? Проанализируем.

Известно, что динамическое равновесие в системе «хищник–жертва» достигается при норме 10 000 кг жертвы на 1 хищника. Относительное равновесие в популяциях оленей и волка наблюдается при соотношении особей 100:1, лося и волка – 30:1 (Pimlott, 1969, 1970; Mech, 1970). Эти классические выводы неоднократно подтверждались другими исследователями.

С 70-х годов численность волка в России выросла с 8–10 тыс. до 44–47 тыс. особей (см. «Олени», 1999). Рост поголовья лося был максимальным в годы, когда на одного хищника приходилось более 50 голов, и, напротив, численность вида сокращалась, когда на волчий «нос» доставалось менее 30 особей (см. рис. 2). Сейчас на каждого хищника приходится всего лишь около 14 лосей, и это при существенном сокращении поголовья других диких и домашних копытных! В Вол-

ходится от 6–8 до 15–18 задавленных лосей (Бондарев, 1986). На Аляске радиомеченные стаи добывали этих копытных через 5–16 дней (Ballard et al., 1987).

Не буду приводить все известные рассуждения исследователей по этому поводу, они отражены в фундаментальных академических монографиях «Волк» (1985) и «Олени» (1999). На мой взгляд, наиболее интересная отечественная работа выполнена В. В. Лавровским (1990) в Оксском биосферном заповеднике. Здесь ежегодно только с октября по март стая волков добывала в среднем 47 лосей, причем пресс хищников изменялся в зависимости от ее размера. Группа из 6–12 особей давила 57 лосей, с меньшим числом – до 36, а пары – до 4 голов. Если учесть, что в беснежный период исследования не проводили, то эти потери следуют несколько увеличить. По исследованиям И. С. Козловского (1996), в каждой области северо-востока европейской части России ежегодно гибнут до 2,5–3 тыс. голов, т. е. каждый хищник давит здесь не менее 5 лосей. В Ленинградской области потери лося также оценивались в 3000 голов (Тимофеева, 1974). В Приобье на одного волка при-

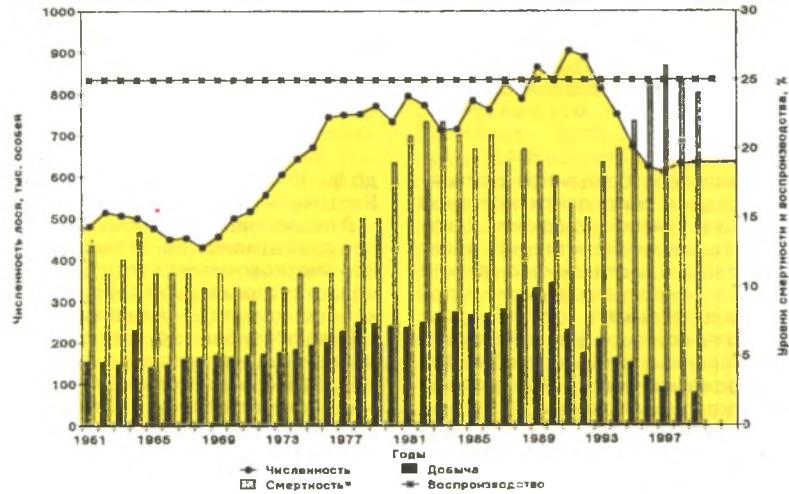
ходится от 6–8 до 15–18 задавленных лосей (Бондарев, 1986). На Аляске радиомеченные стаи добывали этих копытных через 5–16 дней (Ballard et al., 1987).

Чтобы не «вешать» лишние лосиные головы на бедного волка, я предлагаю совершенно иной метод расчета, основанный на логике и здравом смысле. Мы знаем приблизительную численность лося в России, объем ежегодной легальной добычи и ориентированные пороговые уровни воспроизводства в популяциях. Умножим численность волка поочередно на 20, 10, 5, 4 и 3 лосиные головы, получим общие потери вида от этого хищника, переведем их в проценты и добавим к ним долю лицензионной добычи. Проделав эти нехитрые расчеты, убедимся, что свыше 5 лосей на волка – цифра непомерная для большинства областей, гораздо превышающая уровень воспроизводства вида, что быстро низводит популяции к нулю при существующем уровне лицензионной добычи. Наиболее реальная цифра – 3±1 лось на волка, причем к северу ареала она повышается, к югу – понижается.

Итак, припишем каждому волку в среднем всего лишь по 3 лосиные головы, что вызовет одобрение «зеленых» и возмущенный ропот большинства охотоведов, и сделаем соответствующий расчет. В 90-е годы 45–47 тыс. волков, вероятно, давали около 130–140 тыс. лосей ежегодно, что почти в 8 раз больше, чем легально добывали российские охотники!

Суммарные потери популяций лося только от этих двух одновременно действующих факторов (лицензионного отстрела и волка), оказывается, достигают установленной выше максимальной пороговой величины в 20–25 %, зависящей от уровней воспроизводства вида и неизбежной смертности (рис. 1). И это без учета гибели от медведя, ранений, браконьерства и других причин. А браконьерство в 90-е годы, как и во все другие периоды социально-экономических катализмов,

Рис. 1. Динамика численности лося в зависимости от уровня добычи и хищничества

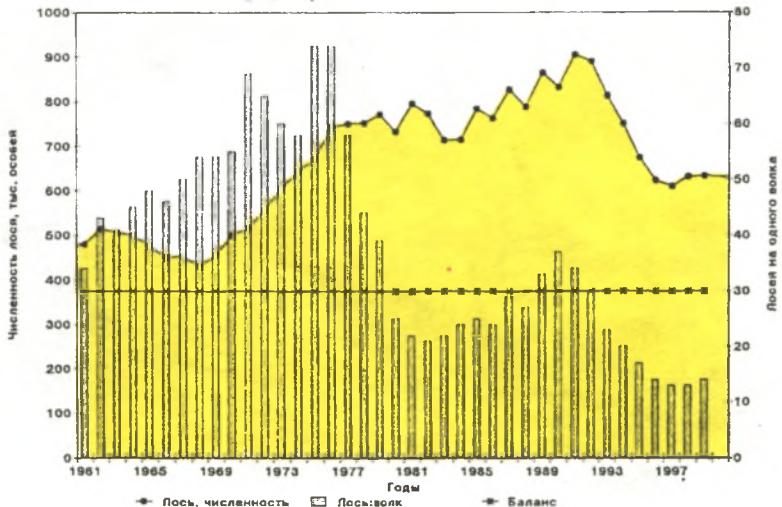
* Лицензионная добыча и потери от волка

гоградской области 900 лосей «пастут»... более 500 волков! Здесь, а также в Мордовии и Саратовской области, на каждого серого «санитара» приходится не более 2–5 лосей, тогда как в 60–70-е годы было больше, на один-два порядка.

Теперь, когда мы знаем, что даже без охотников, браконьеров, медведя и других факторов волк способен изменить ход динамики численности лося, попробуем рассчитать потери от хищника.

Сколько лосей давят каждый волк за год в среднем? Этот вопрос весьма дискуссионный и далеко не праздный. В зависимости от симпатии или антипатии к хищнику называют самые разные цифры (от 0 до 20), причем минимальные – «зеленые», максимальные – охотоведы и охотники, промежуточные – зоологи.

Рис. 2. Соотношение хищник:жертва

выросло, и, скорее всего, потери от нелегальной охоты с 1992 г. значительно превышают официальную добывчу. Добавим недостающие «браконьерские» проценты (кто сколько считает нужным!) к нашей схеме (рис. 1), и будимся, что в последнее десятилетие расчетный уровень смертности превышает уровень воспроизводства, приводя к дисбалансу численность лося без всяких «пятен на солнце» и «трофического» фактора.

В ряде Поволжских областей в отдельные годы расчетный уровень смертности лося (объем добычи плюс потери от волка) достигает 60—100 % учетной численности. Этот вид, вне всякого сомнения, существует здесь лишь благодаря мощнейшему миграционному подтоку из других регионов, в которых эмиграция становится одной из основных причин снижения численности.

Из приведенного анализа можно сделать лишь единственный вывод: в России в конце ХХ в. лося, как и других копытных, попросту *сыкли*, сообща с волком. Особенно вкусными копытные были на юге европейской части России и в Поволжских областях!

Отсюда, надеюсь, понятно также, почему снижение лицензионной добычи не приводит к росту населения копытных. Для этого нужно, как минимум, в два раза сократить численность волка, навести браконьерские набеги хотя бы до уровня 80-х годов и гораздо бережнее относиться к репродуктивному ядру популяций.

По итогам исследования причин сокращения населения копытных очевиден и другой вывод: «трофическая» гипотеза цикличности динамики численности, по существу, оказывается «фиговым листком», которым федеральные и региональные охотники чиновники весьма умело прикрывают свои многочисленные «провалы» в управлении популяциями.

Я предлагаю охотоведам и ученым взять на вооружение не «трофическую», а «гастрономическую» гипотезу, как более реальную, а также использовать приведенную выше методологию для планирования квот и норм добычи копытных. Зная многолетнюю динамику численности и добычи любого вида, уровень его воспроизведения и численность волка (рис. 1), можно безошибочно, с учетом относительного значения других факторов смертности, рассчитать потери и определить норму лицензионного отстрела этих зверей, необходимую для стабилизации, сокращения или увеличения поголовья не только в России, но и в каждом регионе. Легко и просто! И главное, чиновникам от охоты в дальнейшем не потребуется искать «пятна на солнце»; уповать на температуру, влажность, «трофический» фактор, цикличность, периодичность и многое другое потустороннее для прикрытия ведомственной некомпетентности, которая очень дорого обходится животному миру, охотничьему хозяйству, государству и налогоплательщикам!

Владимир Григорьевич Панченко

В прошлом году прервалась жизнь одного из старейших сотрудников Окского биосферного государственного заповедника Владимира Григорьевича Панченко. Он скончался после тяжелой, но непролongительной болезни, не дожив пяти месяцев до своего 60-летия.

Владимир Панченко родился в г. Кривой Рог на Украине 28 февраля 1941 г. в семье рабочего. После окончания школы он в течение года работал на Криворожском заводе «Стройдеталь» № 2, а в 1959 г. поступил на Биологический факультет Одесского государственного университета. Здесь он сразу попал в сферу внимания выдающегося русского зоолога проф. И. И. Пузанова, который стал его первым учителем на ниве познания и охраны природы. Под руководством Пузанова Владимир Григорьевич, еще учась в университете, делает свои первые шаги в науке. Пузанов рекомендует ему пройти преддипломную практику в Окском заповеднике, с руководителем научного отдела которого — В. П. Тепловым — обговаривает тему дипломной работы при личной встрече. Владимир Григорьевич впервые попадает в Окский заповедник в 1963 г. и практически связывает с ним всю свою последующую жизнь.

По окончании университета, после непролongительной работы в качестве заведующего Болонским наблюдательным пунктом Амурского отделения ТИНРО, поступает в Окский заповедник. Здесь он сразу интенсивно включается в полевую и экспедиционную жизнь: собирает материалы о размещении, численности, миграциях и других сторонах биологии утиных; неоднократно выезжает в экспедиции на зимовки птиц в Гассан-Кулийский и Кызыл-Агачский заповедники. В результате поездки и учетных работ на восточном побережье Каспия он, совместно с коллегами, направляет письмо в тогдашнее ведомство, руководившее заповедниками СССР — Госкомприроду Минсельхоза СССР о необходимости заповедания Красноводского залива Каспийского моря. Это послужило толчком к образованию нынешнего Красноводского заповедника.

По результатам наблюдений в Окском заповеднике появилась серия (около 40) статей по экологии утиных. В 1969 г. он докладывает о своей работе на Международной конференции МБИВ (IWRB) по водоплавающим птицам в Ленинграде.

Еще в 1959 г. родилась идея организовать на базе Группы биологической съемки (ГБС) при ОГЗ массовый сбор крыльев уток, добываемых охотниками для изучения структуры их населения. Масштабы этой работы даже по меркам того времени впечатляют. Из 19 субъектов Европей-

ского Центра Российской Федерации за 7 лет получено около 30 тыс. крыльев уток. Удалось выяснить изменения интенсивности добычи птиц в течение осенней охоты, промысловую нагрузку на их популяции, видовой, возрастной и половой состав добываемой части населения исследуемых птиц. Эта работа, проведенная В. Г. Панченко в значительной мере на «голом» энтузиазме, представила серьезный вклад в отечественную биологическую науку и охотоведение, это единственный и, вероятно, неповторимый опыт такого исследования в Восточной Европе.

В мае 1978 г. Владимир Григорьевич по результатам своих наблюдений над водоплавающими птицами с успехом защищает кандидатскую диссертацию.

В 1979 г. заповеднику предлагают начать работы по содержанию редких видов журавлей и разведению их в условиях питомника с целью последующей интродукции в природу. За руководство этой работой берется Владимир Григорьевич. И здесь он снова проявляет себя выдающимся организатором. За успехи в деле искусственного разведения журавлей В. Г. Панченко награжден золотой медалью ВДНХ СССР. Работая в журавлином питомнике, а позднее — руководя также всеми питомниками диких животных заповедника, В. Г. Панченко отдает этому делу все свои силы.

Владимир Григорьевич отличался исключительной доброжелательностью к людям. Его неоднократно избирали председателем профкома ОГЗ, председателем Совета трудового коллектива, выдвигали к присуждению почетных грамот, помещению на Доску Почета и т. д. За добросовестный многолетний труд и успехи в делах изучения и охраны природы В. Г. награжден медалями СССР, ему присвоено почетное звание Заслуженного Эколога Российской Федерации.

Память о добром, отзывчивом человеке, прекрасном ученом, страстном охотнике и талантливом охотоведе навсегда сохранится в наших сердцах.

С. ПРИКЛОНСКИЙ

Состоялась Первая всероссийская выставка охотничьих трофеев. Какие же положительные сдвиги в трофейном деле России произошли после этого, пусть небольшого, но, на мой взгляд, важного мероприятия?

Было принято несколько необходимых на данном этапе решений: систематизировать проведение всероссийских, республиканских, краевых и областных выставок охотничьих трофеев — один раз в три года; подготовить проекты положений об охотничьих трофеях в РФ и экспертах по оценке охотничьих трофеев; возродить проведение курсов подготовки молодых экспертов по регионам; принять участие в Международной выставке «NATURA VIVA 2000».

Надо заметить, что принятые решения не остались только на бумаге. Про-

Лед тронулся

ведены курсы подготовки экспертов по оценке охотничьих трофеев при ассоциации «РОРС», Московском, Тверском, Кировском, Курганском, Свердловском и Челябинском обществах охотников и рыболовов, обществе

охотников и рыболовов Республики Алтай, редакции журнала «Сафари». Всего обучено и аттестовано 116 экспертов по системе СIC¹ и 19 мастеров — измерителей по системе SCI². Проведены курсы повышения квалификации экспертов республиканской категории на международную категорию, получили дипломы 11 российских экспертов. Подготовлено Положение об экспертах по оценке охотничьих трофеев и Положение о трофеях в Российской Федерации. Россия, в лице ассоциации «РОРС», приняла участие в Международной выставке охотоведения «NATURA VIVA 2000». Редакцией журнала «Сафари» объявлен Всероссийский конкурс охотничьих трофеев.

Важно отметить, что с проведением перечисленных выше мероприятий заметно активизировались и регионы. Проведены выставки охотничьих трофеев в Московской, Курганской, Калининградской, Кировской областях, в республиках Коми и Алтай. Среди них, как самые крупные, можно выделить Третью Московскую (35 видов, 339 трофеев, организатор МООИР) и Первую региональную выставку охотничьих трофеев Сибири (25 видов, 326 трофеев, организатор СООИР Республики Алтай). В настоящее время идет подготовка к проведению выставок в Екатеринбурге, Челябинске, Вологде, Санкт-Петербурге, Твери, Смоленске и ряде других регионов страны.

Но самое серьезное мероприятие, на котором стоит остановиться более подробно, — это запланированная в России на 2002 год Первая международная выставка охотничьих трофеев «Охота и природа 2002». В настоящее время вопрос о проведении такого мероприятия согласован с охотдепартаментом РФ, с ассоциацией «РОРС», Центральным Советом военно-охотничьего общества и Центральным Советом охотничьего общества «Динамо». Подготовлен проект Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. К участию в предстоящей выставке приглашаются все российские охотничьи общества и клубы, охотничьи управления, таксидермические студии, музеи, фирмы, занимающиеся охотничьим туризмом, а также владельцы частных коллекций охотничьих трофеев. Впервые на выставку «Охота и природа 2002» вместе со странами СНГ приглашаются страны дальнего зарубежья. Организатором будущей выставки выступает Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Выставка будет проводиться в марте — апреле 2002 года, в г. Москве, на территории Всероссийского Выставочного Центра.

В проекте этого нового для России мероприятия заложены и коммерческая и некоммерческая части. Некоммерческая часть предусматривает проведение Первой международной выставки охотничьих трофеев, первого

¹ СIC-Международный совет по охоте и сохранению дичи.

² SCI-Международный клуб Сафари.

Автор измеряет шкуры хищников

ВОПРОСЫ – ОТВЕТЫ

Вопрос. Что означают буквы FMJ, SP и HPBT, приводимые в каталогах при описании патрона 7,62Х51?

Ответ. Буквы FMJ говорят о том, что патрон имеет пулю с полной металлической оболочкой, то есть оболочечную пулю с малой способностью к деформации. Буквы SP означают, что патрон имеет полуоболочечную пулю с оголением свинцового сердечника в головной части для увеличения ее деформации при попадании в отстреливаемое животное. Буквы HPBT обозначают патроны, у которых в носике пули имеется пустота, а задняя часть пули имеет конус, который уменьшает сопротивление воздуха при полете пули со скоростью меньше звуковой. Это значит, что он начинает работать только на больших дистанциях, а поэтому он достаточно бесполезен для охотничьей стрельбы. К тому же обратный конус на пуле ухудшает ее кучность. Пустота же в головке пули способствует еще большему разрушению ее при попадании в животное, что положительно сказывается при попадании в мягкие части тела, усиливая останавливающее и убойное действие таких пуль.

Вопрос. Как снарядить патрон «магнум» 20 калибра крупной дробью для стрельбы из сильного чока (дульное сужение примерно 1,0 мм)?

Ответ. Получаются довольно хорошие результаты при снаряжении патрона порохом «Барс» с навеской заряда 1,8–1,9 г в зависимости от температуры, при которой предполагается стрельба. Капсюль следует применять KB-21. На порох помещается прокладка из достаточно жесткого картона толщиной 2,5–3,0 мм, которая с натягом досыпается до порохового заряда. Так же с сильным натягом размещаются два вольфочных пыжа общей высотой 14–16 мм, а на них кладется мягкий (не сухой) древесноволокнистый пыж и дробь № 4/0 весом 30 г. Дробь пересыпается крахмалом. Завальцовка дульца гильзы производится настольной закруткой, но не сильно поджимается вся начинка патрона, так как порох «Барс» не любит сильного сжатия.

Вопрос. Что представляет собой пуля для стрельбы с насадкой «парадокс» из тульских ружей ТОЗ-87 и МЦ-21-12?

Ответ. Эта пуля весом 37,5 г разработана на Тульском оружейном заводе и представляет собой цилиндр с двумя выступающими поясками и полусферической головкой. Длина пули 20,5 мм. Диаметр корпуса пули 16 мм. Длина ведущей части пули 14 мм. Диаметр поясков 18,3 мм, а расстояние между ними 5,5 мм. Ширина поясков 2 мм. В передней носовой части пули имеется конусообразная полость диаметром 9,5 мм, а в основании пули находится углубление диаметром 10 мм.

Ответы подготовил М. БЛЮМ

В кабинете одного из коллекционеров охотничьих трофеев в Германии

чемпионата России среди таксiderмических студий и таксiderмистов, международного симпозиума по вопросам охотоведения, научных конференций, семинара по международному обмену опытом селекционной работы в охотничье хозяйстве, различных конкурсов. Коммерческая часть — ярмарка по продаже охотничьих туров, услуг таксiderмических студий, охотничьего оружия, снаряжения и одежды, аксессуаров. Одним словом, всего того, что необходимо для охоты и охотничьего туризма.

Выставка-ярмарка «Охота и природа 2002» и мероприятия, запланированные в ее рамках, по убеждению инициаторов, должны послужить началом формирования нового мировоззрения по отношению к современным требованиям ведения охотничьего хозяйства в

Заполнение трофейных листов

Флажки -

ЭТО

КРУТО

Уважаемая редакция! Управление по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных Республики Татарстан направляет вам заметку охотоведа Управления по Арскому и Атнинскому районам РТ З. Д. Нигматзянова о его первом опыте использования окладных флагжков при охоте на волков. Учитывая, что в последние годы основная часть волков добывается с применением снегоходов, считаем, что опыт З. Д. Нигматзянова послужит хорошим примером для пропаганды этого испытан-

ного и доступного вида охоты. Для справки сообщаем, что если в Республике Татарстан в 1999 г. было добыто 73 волка, то в I квартале 2000 г. — 69 волков. В 1999 г. за каждого добывшего волка независимо от пола Управлением выплачивалось вознаграждение в размере 500 руб.

А. Ф. КАДАШ,
начальник Управления по охране,
контролю и регулированию использования
охотничьих животных Республики
Татарстан

Нет, наверное, ни одного охотниччьего издания, которое не писало бы про волков. Как только их не называют: «серые разбойники», «санитары», «враги». Как бы их ни называли, они были, есть и будут. Каждый человек, наверное, слышал от кого-нибудь историю о волках, а охотники тем более. Охотоведом района я работаю сравнительно немного, всего 8 лет. Хотя наши края не считаются богатыми на волков, тем не менее их в этом году стало больше. Прошлые годы мы брали всего одного или двух за год. В этом году урожай был очень высок, за январь — март отстреляли 17 волков.

Я хочу рассказать об одной правдивой истории, связанной с охотой на них, об охоте с флагжками. Наша бригада по охоте на волков молодая, старых волчатников у нас в районе очень мало, а охотой с флагжками до этого вообще не занимались. Когда я привез из охотоведения 5 км флагжков, съездил в Шемордан к опытному волчатнику Ринату Шакурову, у него на счету несколько десятков волков. Я еще раньше был знаком с этим хорошим охотником, и он подробно объяснил, что к чему и вообще как начинать охоту.

Собрав бригаду из четырех человек, мы стали заниматься изучением территории облавной охоты с флагжками. Каждый охотник, который занимался этим видом охоты, знает, что это огромный труд, нужно терпение, умение вести себя на охоте. Количество добывших волков говорит о том, что мы не плохо поработали.

В середине марта егерь охотничьего производственного участка К. Рахматуллин сообщил мне, что у него появилась стая волков. 24 марта мы поехали к нему. Прибыв на место, мы начали искать свежие волчьи следы. Ночью прошел небольшой снег, что помогло нам в наших поисках. После обхода выяснилось: стая ушла кормиться в поле. Было 9 часов, на поле стоял сильный туман, тут еще неожиданно лесо-

Поздравляем с удачной охотой З. Д. Нигматзянова и его сослуживцев

руби приехали на работу, в лесу стало шумно. Обсудив все это, мы решили, что волки не вернутся обратно. Решили на всякий случай все же еще раз обехать лес. Заканчивая круг, не доходя до бригады лесорубов каких-то метров 500, прямо на просеке стоял волк. Не доехав метров 250, я остановился, волк стоял, смотрел в сторону лесорубов, учтя нас, он повернулся в нашу сторону. Он стал переходить через дорогу, сразу же, как он скрылся из виду, появился второй, и так мы насчитали 7 волков. Решив, что все перешли дорогу, поехали дальше, но оказалось, что не все перешли, где они переходили, стоял и спокойно смотрел на нас еще один, не дальше двадцати метров, за небольшим кустом. Первым желанием было выстрелить прямо из машины. Пока мы думали, волк успел уйти. Так как мы их не пугали, а к современной технике волки привыкли, проехав квартал, мы встали. Решили не терять времени на проверку, «выход» обложить флагжками. Прождав минут 15, дав успокоиться волкам, еще больше самим, начали окладывать. В мыслях только одно, лишь бы не успели уйти, шутка ли: сразу восемь волков. Время уже подходило к 11 часам. Меньше чем за час квартал замкнули. Есть! Нет выхода. Мы обрадовались, все они у нас в руках, хотя каждый из нас понимал, что это не так, все-таки у нас было к этому времени немного опыта.

Немножко отдохнув, начали охоту. Один из нас пошел внутрь оклада, чтобы «поднять». Мы встали на номера. К этому времени пошел небольшой снег. Вот я сижу внутри флагжков на старой тропе так, чтобы мне было видно флагжи. Прошло 15 минут, снег пошел сильнее. Боковым зрением вижу, идет крупный волк. Тихо поднял ружье.

Думаю: «Ну, первого пропущу», жду второго, знал ведь, что их здесь 8 штук. Я очень хорошо замаскировался. Не почувствовал меня, волк прошел в 15 метрах. Как ни странно, второго волка не было. Волк заметил мою лыжню и повернулся обратно. Медлить было нельзя, иначе уйдет.

Я выстрелил, волк метнулся в сторону. Я подумал: «Должен попасть, ведь очень близко». Сижу, не шевелюсь, смотрю, идет загонщик, вышел из укрытия. Подхожу к месту, куда ушел волк. Подошел загонщик, смотрим, убит наповал. Оказалось, крупная волчица.

Снег стал валить так, будто кто лопатой кидает. Загонщик пошел дальше по следу. Я хотел вытащить волка на просеку, да куда там, очень тяжелый, бросил. После выстрела вряд ли звери остались в окладе. Вернулся загонщик. Снег до того стал липким, что на лыжах нельзя было идти. Решили снять остальные номера, подошли к первому номеру, отозвали, спрашиваем: «Ну, как, прошли около тебя?» «Да, — говорит, — пройти-то прошли, только далековато было, не стрелял». Сняли второго стрелка. У него тот же ответ. Снег все валит и валит, уже в некоторых ме-

стах от мокрого снега флагжи зависли так, что снег стал их покрывать. Начало темнеть. К этому времени мы промокли почти насмерть. Погрузив добытого мной волка, уехали к егерю домой. Флагжи на всякий случай оставили, хотя надежды на то, что волки останутся в окладе, было мало.

На другой день рано утром поехали в лес, стали проверять выход и заодно подправлять флагжи, в некоторых местах их совсем занесло снегом. Мы обрадовались, когда узнали, что волки остались внутри. В нескольких местах они подошли почти вплотную к флагжкам, но не ушли. Начали охоту, тихо загоняя по следу. Я встал на другое место. Когда я заходил на номер, то обратил внимание на натоптанное волками место. Это где-то в 120 метрах от флагжков. Они там «поужинали» добывшим тетеревом. Хотя они сидят взаперти, все равно охотятся. Волк есть волк. Сижу жду. Вот первый выстрел, еще выстрел. На другой стороне еще пара выстрелов. Через несколько минут еще. Волки идут по кругу, не уходят. Жду, может, и на меня выйдут. Только подумал об этом, как увидел осторожно переходящую дорогу крупного волка. Выстрелил, но, видимо, мало засечил, волк убежал. И вновь повалил снег. Снег очень мокрый, передвигаться по такому снегу невыносимо трудно. Снимаемся с номеров. Два волка добиты, третий ранен. Что делать? Оставить или попробовать добить. Посоветовавшись, пришли к единому мнению: добирать. Двое идут по следу, я параллельно в 50 метрах от них. Слыши два выстрела, добрали, оказался крупный самец. В окладе осталось еще четыре головы.

А снег все идет и идет. Он уже настолько осточертел, что решили уехать, даже не собрав флагжи. Они остались на третий день.

26 марта — День выборов. Я, как на зло, немножко приболел. Володе Бачеву на работу, значит, без посторонней помощи не обойтись. Утром я не поехал, но после обеда не выдержал и поехал.

Надо же, даже на третий день волки оставались внутри круга. На сей раз удача прошла стороной: одного волка ранили, остальные звери ушли под флагжками. Подранка потом добрали во время его кормежки в поле, когда были на снегоходах.

Такая удача охотнику улыбается редко. Эти дни надолго останутся в моей памяти.

З. НИГМАТЗЯНОВ,
охотовед Арского района

КОНСУЛЬТАЦИИ ОРУЖИЕВЕДА М.БЛЮМА

Вопрос. Изготавляются ли нашей промышленностью патроны магnum с длиной гильзы 76 мм?

Ответ. Такие патроны выпускаются под маркой «Тайга». 12 калибра с дробью от № 7 до 4/0 (вес от 45 до 50 г) и картечью от 6,2 до 8,5 мм (вес 42—48 г.), а 20 калибра с дробью от № 10 до 4/0 (вес 30—32 г.) и картечью 6,2 мм (вес 28—32 г.). Начальная скорость снаряда (в одном метре от дульного среза) находится в пределах 395—405 м/с. Дробь и картечь штампованные.

Вопрос. Что представляет собой патрон «дисперсант» марки «Тайга»?

Ответ. Патрон имеет специально устроенный пыж, который разбрасывает снаряд дроби так, что осыпь становится значительно шире. Отстрелы показали, что ширина осыпи дроби № 7 при стрельбе на 20 м полностью закрывает круг диаметром 75 см. Сейчас разрабатывается пыж «дисперсант» для полузастрялов, которые будут предназначаться для стрельбы в норы, при охоте на перепелов и т. п.

Вопрос. Как снарядить патрон 12 калибра крупной дробью для стрельбы из ружья с сильным дульным сужением?

Ответ. Такой вопрос возникает в связи с тем, что обычно ружья с сильным дульным сужением (порядка 1,25 мм) дают очень плохой бой крупной дробью (от №№ 1/0 до 4/0). На это можно ответить следующее. Если переход из ствола к дальнему сужению имеет форму конуса, а затем переходит в довольно длинный цилиндр, то положение в некоторой степени можно исправить за счет применения контейнера для дроби и ее пересыпки крахмалом или другим подходящим для этой цели материалом. Заряд пороха при этом надо брать минимально возможный, чтобы получить наиболее благоприятные условия для перестройки дробового снаряда в переходном конусе перед дульным сужением. Эксперименты показывают, что при переходе от канала ствола к дальнему сужению в форме параболы, да к тому же с практически отсутствующим цилиндром в уже уменьшенной по диаметру части чока, добиться удовлетворительной кучности боя крупной дробью не удается. Таким образом, только эксперименты в снаряжении разных вариантов патронов для конкретного ружья могут прояснить этот вопрос. А план стрельбы такой. Начинать надо с минимального заряда пороха и максимального снаряда дроби. Дробь помещать обязательно в контейнер и пересыпать крахмалом.

Всероссийские состязания

И. ТИМЕ,
эксперт-кинолог Всероссийской категории

Под Воронежем состоялись всероссийские состязания легавых собак по полевой дичи памяти Г. Н. Троепольского. Такие состязания всегда привлекают внимание охотников-собаководов, поскольку с периодичностью около 5 лет предоставляется возможность оценить новое поколение легавых собак по их рабочим качествам и наметить их дальнейшее развитие.

Воронежские состязания проводились по перепелу и серой куропатке, распространенной в центральных и южных областях России. Тем не менее среди 18 команд в них приняли участие и представители северных регионов: С.-Петербург и Ярославль, и, как показали результаты состязаний, они сумели адаптироваться к местным условиям и выступили достойно. Прошедшие состязания войдут в историю отечественного собаководства, поскольку они были уникальными по многим параметрам. Во-первых, за всю историю полевых испытаний и состязаний легавых собак в России собралось рекордное количество участников — 80 собак. Во-вторых, впервые столь крупные состязания всероссийского ранга проводились по полевой дичи. Наконец, рекордным было и количество команд, представляющих более 10 регионов России. В связи с этим перед организаторами состязаний стояли непростые задачи размещения и устройства быта участников и определения подходящих угодий для проведения состязаний. С этим успешно справился А. М. Фактор — председатель областной секции любителей легавых собак Воронежского общества охотников и рыболовов (ВОиР). В красивом и удобном месте был установлен палаточный городок, организована нормальная жизнь в полевых условиях. Для доставки экспертных комиссий к отдаленным от лагеря угодьям был предоставлен автомобильный транспорт. Одним из преимуществ состоявшихся состязаний было отсутствие ограниченного числа участников.

Вторая, не менее важная, задача состояла в организации квалифицированного судейства на состязаниях. Главный эксперт состязаний С. Л. Берман (Всероссийская категория, Москва) хорошо организовал работу экспертных комиссий, что позволило провести экспертизу заявленных собак в течение двух дней работы. Первые 5 номеров участников состязаний испытывались под председательством главного эксперта с участием всех председателей комиссий: В. Л. Смoldырева, А. А. Носова, И. В. Тиме и Д. С. Михалевича. Это позволило скорректировать дальнейшую работу полевых экс-

пертных комиссий в существующих условиях. Главным экспертом было принято решение о создании дополнительной, четвертой экспертной комиссии во главе с экспертом I категории Д. С. Михалевичем, что позволило завершить состязания в заданные сроки.

При общем достаточно высоком организационном уровне состязаний нельзя не отметить очевидных промахов, особенно в процедуре определения победителей командного первенства собак. К сожалению, ни в начале состязаний, ни после их завершения не была опубликована таблица результатов с указанием состава заявленных команд. В экспертные комиссии не были предоставлены данные о собаках и их владельцах, а также принадлежности их к тем или иным командам. Вследствие этого при подведении итогов командного первенства возникла путаница, и главному эксперту пришлось менять уже объявленные результаты состязаний. Подведение итогов состязаний должно быть максимально открытым и гласным, чтобы ни у кого не возникло сомнения в объективности принятых решений. Опыт проведенных состязаний должен послужить уроком для организаторов подобных мероприятий в будущем, чтобы избежать нежелательных недоразумений и наложений.

В итоге первое командное место заняло Воронежское общество охотников и рыболовов, на третье место вышла команда с.-петербургского клуба «Немецкий дратхаар» и на четвертое — команда Ярославского общества охотников и рыболовов. Этот результат нельзя считать случайным: у воронежцев имелось существенное преимущество благодаря тому, что они выступали дома. Их собаки были более знакомы с полевой птицей и угодьями, кроме того, секция легавых собак Воронежского общества охотников во главе с ее руководителем А. М. Фактором хорошо подготовилась к этим состязаниям и сумела выставить сильную команду. Закономерным является и второе место московской команды, ибо Москва традиционно была и остается крупнейшим кинологическим центром России. Радует успех с.-петербургского клуба «Немецкий дратхаар». Руководители этого клуба провели большую работу по отбору собак на состязания, а также сумели заранее их подготовить к испытаниям по полевой дичи, и в этом большая заслуга руководителей клуба — У. В. Густылевы и С. В. Голика, всех участников состязаний, выступавших за клуб. Вызывает сожаление отсутствие команды легавых собак от Ленинградского общества охотников. Из

Петербурга кроме команды дратхааристов на состязания прибыл только один человек — К. М. Петров-Полярный из «Пойнтер-клуба», который успешно выступил со своим пойнтером Беллой, получившей диплом II степени (766) и занявшей 6-е место в личном зачете. Успешно выступила команда Ярославского общества охотников, занявшая четвертое место.

В личном зачете первое место и звание чемпиона состязаний завоевала сука английский сеттер Грэтта 2393/97 с дипломом I степени, 87 баллов. Владелец Грэтты А. А. Сухарев получил приз лучшего натачки. Второе место заняла сука дратхаар С.-Груния 2547/97 А. А. Шарикова, диплом I степени, 83 балла.

Следует отметить блестящее выступление пойнтера суки Дианы (В. А. Селиванова из Рязани). Она получила наибольшее количество баллов (88) за свое выступление, правда при дипломе II степени (чутье 19 б) с высокими егерскими баллами (18).

Дипломы II степени получили также английский сеттер Гриф 2383/96 (А. В. Тютькин, МООиР); ирландский сеттер Акбар (Н. К. Таран, МООиР); пойнтер Белла (К. М. Петров-Полярный, Санкт-Петербург); пойнтер Рэнни (Тамбов); пойнтер Крит (А. В. Козлов, Саратов); дратхаар Кэльза (А. Ю. Шорников, Санкт-Петербург); дратхаар Флинт (А. Ю. Комаров, Ярославль). Кроме того, дипломы III степени получили 5 пойнтеров, 3 английских сеттера, 2 ирландских сеттера, 2 шотландских сеттера, 7 курцхааров и 10 дратхааров.

При таких хороших результатах, к сожалению, следует отметить недостаточную егерскую подготовку собак. Большинство даже дипломированных собак проходили с невысокими баллами за постановку и послушание, а в ряде случаев снимались с состязаний за гоньбу птицы. Это отражает общую тенденцию снижения качества полевой подготовки легавых собак в связи с отсутствием профессиональных школ наташки. Наташки собак осуществляют в основном владельцы-любители или пользуются услугами немногих квалифицированных натащиков из числа опытных охотников и судей.

По количеству выставленных собак первыми были дратхаары. По-видимому, это наиболее организованная группа из всех пород легавых, которая сумела заинтересовать многих охотников. Они образовали национальный клуб «Немецкий дратхаар» и привлекают в свои ряды большое количество энтузиастов. Недаром вице-чемпионом Воронежских состязаний стала

Чемпион пойнтер Белла РКФ 0000014. Владелец К. М. Петров-Полярный

Лагерь участников состязаний

Пойнтеристы со своими собаками и полученными призами

дратхаар сука С.-Груня. Кроме того, в десятку лучших собак попали еще 2 дратхаара из С.-Петербурга и Ярославля, а питерский клуб «Немецкий дратхаар» занял третье место в командном зачете. Это результат большой организационной и пропагандистской работы, осуществляющейся в породе, чему нужно поучиться и владельцам других пород.

Менее удачно выступили курцаары, не получившие ни одного диплома высоких степеней, но показавшие все-таки довольно стабильные результаты.

Среди острорылых легавых первенствовали пойнтеры, подтвердившие давнюю репутацию блестящих спортивных собак. У них наибольший процент дипломированных собак (70) и количество дипломов II степени с высокими баллами. Им свойственны такие качества, как быстрый ход, хорошо поставленный поиск, хороший стиль и неплохая егерская подготовка.

К сожалению, менее удачно выступили английские и ирландские сеттеры, допустившие много срывов в работе. Однако не случайно чемпионом состязаний стала английский сеттер Грэтта, подтвердившая потенциальные возможности этой породы. Среди ирландских сеттеров следует отметить очень хорошее выступление кобеля Акбар-Амброзий (Н. К. Таран), а также суки Кассандры (А. Г. Поташев), получившей диплом III степени с высокими баллами (81), но по верности чутья (6) не удостоенной более высокого диплома. Здесь уместно процитировать фрагмент из отчета эксперта В. Л. Смольдышева по поводу выступления Кассандры: «Данное выступление может послужить классической иллюстрацией того, как нерешительность (или волнение) ведущего свела на нет прекрасные работы собаки, продемонстрировавшей выдающееся чутье, прекрасную постановку и послушание. Своей работой собака доставила огромное удовольствие экспертной комиссии и по всем параметрам заслуживала высокого диплома. Но две пустые стойки не позволили комиссии дать собаке высокий балл за верность чутья». Что поделать, ведь на состязаниях проверяют не только природные качества собак, но и умение ведущих управлять ими.

Порода шотландских сеттеров была представлена двумя собаками (обе из Ярославля), и они были удостоены дипломов III степени с высокими баллами (75 и 79). Только оценка работы за верность чутья (6) не позволила им получить более высоких дипломов. Зато шотландские сеттеры — единственная порода, имеющая стопроцентный результат по полевым дипломам на этих состязаниях.

В целом Всесоюзные состязания легавых собак по полевой дичи показали, что в России есть еще и талантливые собаки, и страстные охотники.

Фото автора

Короткий сигнал трубы — и гончий смычок кинулся в свободный поиск. Блеснув на солнце румяными боками, пара англо-русских гончих растворилась в молодом осиннике. За ними двинулась цепь знатно упакованных охотников. Вороненые и хромированные вертикальки и многообразные карабины, специальные жилеты с вшитыми патронташами могли бы привести в трепет и саблезубого тигра — в общем, берегись, белячок! И вот

Собаки — черно-бело-румяные, поджарые, широкогрудые, с мускулистыми лапами, крутыми обручами ребер, рельефно торчащими из-под тугой натянутой шкуры. Они не лезут со своими ласками, не вертят хвостами, выпрашивая куски, не рычат и не брешут без толку. Они сами по себе. Их жизнь там в лесу, в поле, в свободном риске, на гону. Их голоса неповторимые и всегда разные: взвизгивания в набродах следов, когда запах зверя, едва различи-

оглушительным лаем, разгоняющего все живое в разные стороны, наступающего на хвост самому быстрому зайцу. Где уж косому мастерить под такой машиной?! Ни присесть, ни передохнуть не даст! — Так рисовало мое воображение наше совместное охотничье будущее. Ножизнь всегда интересней и разнообразней наших представлений о ней. «Бой» — такую кличу дал я своему питомцу, удовлетворив и русских и английских его прародителей.

Так решил выжлец

О. НОВИЦКИЙ

вся эта живая машина, переговариваясь и вслушиваясь, пошумливая и застаиваясь, обтекая колдобины и валежины, просачивается в дом братьев наших меньших. Сорока надрывно трещит и, мелькнув белыми боками, убирается подобру-поздорову, сойка, вспыхивая на взлетах своим опереньем, с криком следует за ней. Только бесстрашные дятлы долбят деревяными головами лесину да попискивают поползни, бочком скользя по стволам лесных исполинов, в поисках своей микроскопической добычи. Голоса гончих врываются в эту негромкую лесную гармонию: бас — тенор, бас — тенор — чередуются голоса выжлеца и выжловки. Гон выравнивается. Белячок еще не начал «мастерить», пытаясь одним рывком оторваться от собак. Небольшой кружок и на лежку. Вот его цель. Минута гона, и цепь охотников рассыпается в мгновение ока, исчезла, растворилась. «Подстать» под зайца, перевидеть и завершить его бег удачным выстрелом — задача каждого из нас! Все замерло. И только голоса гончих плывут над лесом, то притихая, то смолкая, то разгораясь с новой силой. Все в напряженном ожидании. Хлопок выстрела, захлебнувшиеся гончие и слабое «Дошел» объявляют, что первый акт спектакля близится к концу. Охотничий рог собирает всех участников действия. Антракт. Похвалы и упреки, восторги и сожаления причудливо переплетаются в гомоне и жестикуляции этих великовозрастных детей, когда все говорят, не слушая друг друга. Собаки жуют заячьи пазанки, охотники давятся кусками из рюкзаков, запивая из термосов нервное возбуждение в ожидании нового броска, новой гонки, новых тревог и восторгов, нового удачного выстрела.

Изумительный, веселый, красивый и звонкий спектакль, где на природной сцене под ветром и солнцем на равных участвуют и большие и меньшие наши братья. Где оголяются наши инстинкты, и мы возвращаемся хоть на время, хоть на чуть-чуть к нашим истокам. Тем далеким истокам, где пересеклись судьбы человека-охотника и собаки.

мый, дразнит и манит: «Найди меня». Басовитое редкое буханье выжлецов и звонкие голоса выжловок, вставших на след, и сливающиеся в сплошной разноголосый вой голоса перевидавших зверя собак. А голос охотничьего рога?! Мягкий и зычный одновременно. Как невидимое облако, поднимается выше крон самых высоких деревьев, медленно расплзаясь вширь и вдаль по лесам и перелескам, проникая через ветви деревьев и кустарников, заполняя овраги и низины, взбираясь на холмы и пригорки, и умирает, отозвавшись слабым эхом. Ну и, конечно, люди. Добрые, улычивые, опрятные, восторженные, приехавшие на праздник. В их глазах не встретишь злобы, недоброжелательности, недовольства.

* * *

Немного потребовалось времени, чтобы все укреплявшееся во мне желание иметь гончую начало приобретать реальные формы. Собашник-корифей, для которого охота стала второстепенным занятием, держал целую свору англо-русских гончих. Рослые кобели и грудастые суки будто сошли с картин, украшавших дворянские усадьбы. Его самодельный охотничий рог звучал не хуже валторны. Ну а рассказам не было конца. Кроме основной заводской работы он был кинологом с правом судейства в ринге гончих собак на выставках и полевых испытаниях. Из его рук я и получил своего первого щенка. Это был весенний помет — значит, в следующем году за этим, ко охотничуему сезону моему питомцу будет год с лишним! Гуляй — не хочу! Выбор щенка — это не просто ткнуть пальцем в одно из восьми ползающих созданий. Это священнодействие! Выбираешь самого шустрого, самого наглого, который через головы своих братьев и сестер лезет в миску с молоком, не останавливаясь ни перед какими препятствиями. Опыт повторяют еще и еще. Бедного малыша крутят и вертят, заглядывая во все дырки. Наконец выбор сделан! Сегодня моему избраннику всего-то месяц и двенадцать дней, и размером он с ладошку, а я вижу громадного пса, несущегося по лесу с

* * *

Опустим год, прошедший с того дня, когда щенок появился в нашем доме со всеми приятными и неприятными подробностями. Прогулками по лесопарковой зоне и порванными шторами, сгребенными туфлями, щенячими болезнями и катанием санки на запряженном в санки Бое. Прошла и августовская нагонка, где Бой с лаем носился в общей стае гончих собак, вряд ли понимая, почему голосят другие. Но самым главным было то, что в лесу он был у себя дома, был здоров, силен и молод. Надежды, что рано или поздно в нем проснется охотничья страсть, меня не покидали ни на минуту.

Дождались! Охоту наконец-то открыли. Бой стоял на заднем сиденье, примащивая тяжелую голову на мое плечо. В этот раз нам нужна была охотничья удача не для себя, а для Боя: пусть один зверек, но с гона, так чтобы ему, Бою, стало ясно, чей запах будоражит его врожденную память. Добрались. Первый снег, еще вчера хорошо укрывавший землю, смыв дождем. Только ноздреватые шапки белели на кустах и колдобинах. Неслышиные ручейки смывали остатки белогрязного месива. Хлюпанье сапог заглушало все звуки. Пес бесполково тыкался между кустами. «Какая уж тут охота? По таким лужам и доброй собаке не просто...» — ворчали мы с приятелем, бредя на подъем. Легкое повизгивание повернуло наши головы, натянуло слух... Еще! Еще!.. Бой заголосил, распоров тишину. Погнал. Гон уходил вправо в гору. Судя по стону, вырвавшемуся из собачьей груди вместе с лаем, заяц кротился под собакой. То ли «старик-профессор» пытался сбросить гончую со следа, не уходя далеко от лежки, то ли хильй «листопадник» неправлялся с кротым подъемом. «Не скользи! Не потеряй! — молитва летела за собакой. И она долетела. Гон повернул и покатил вниз, прямо на нас. После выстрела заяц осел, слегка запрокинув голову набок. Лай приближался с каждой секундой. Бой вылетел на полянку с разинутой пастью глупо-удивленной морды. Запах был повсюду. Запах, будо-

раживший всех его предков, бросал сильное тело из стороны в сторону. Бой ошело метался в трех шагах от зайца, не замечая его. Непреодолимый ужас на мгновенье остановил приближающийся конец. Заяц прыгнул... и замер в зубах у гончей.

Еще долго любовались мы сильным животным, жарко дышавшим на пойманного зверька. Красный язык, вывaledенный до земли, мелко дрожал в такт дыханию. Глаза жмурились. Лапы удерживали добычу. «С полем! В добный путь, мой питомец!»

Так красиво все начиналось. Этот день был удачным и для нас тоже. Мое ликованию не было предела: у меня есть рабочая гончая, красивая, сильная, толковая собака, — мой друг и со-ратник по многим будущим охотам. Теперь мне не нужно лепиться к охотничим компаниям. Теперь мы с Боем центр вселенной, ну а спутники всегда найдутся.

Шло время. Одна охота следовала за другой, сезон сменялся сезоном, отсчитывая годы моей и его жизни. Бой, несмотря на свои внушительные размеры и вопреки моим ожиданиям, оказался не быстрым псом. Заяц из-под него шел не шустро, «мастерили», выкидывая свои заячьи фокусы. Пес шел по следу ровно, без «проносов» на скидках и довольно скоро научился обрезать следы, находя выходной. Стрелять из-под Боя было одно удовольствие. Конечно, охоты были разные — более удачные и совсем неудачные. Но в общем мы были довольны друг другом. За эти годы было сделано много маленьких открытий, открытых кем-то ранее, но не менее интересных и важных для каждого нового открывателя. Меня всегда удивляла тонкость собачьего чутья, распознавающего по свежести отпечатки следов, сделанных с различицей менее чем одна секунда. Задуматься! Насколько может измениться сила запаха за одну секунду. Но ведь нормальная породная гончая безошибочно определяет направление хода зверя, не воспринимая на глаз форму следа. Или тот факт, что с перепуга запах заячьего следа пропадает на время. — Бой ярко гнал белячка и прекрасно выставил его под выстрел. Но выстрел оказался не точным — заяц продолжал свои прыжки с еще большим рвением. Пес, достигнув места моего «мазка», замолк, завертелся на одном месте, возвращаясь назад, обследуя девственный снег справа и слева. А след был у него перед носом, шел по прямой, но запаха от него не было, а значит, для собаки не было и следа. Прием здесь прост. Берешь собаку за шиворот и протаскиваешь шагов десять по следу. Там все встает на свои места. Вместе с запахом возникает голос, и гон продолжается по всем правилам охотничьей забавы... А танцплощадка, вытоптанная лосем. Бой не дал ему сойти с места, каждый раз возникая перед его рогастой головой. Он отступал от выбрасываемых вперед копыт и вновь наступал, оплясывая лес-

ного великана по бесконечному кругу. Картина красавая. Только трудно понять, почему «слон» обращает внимание на «моську». На самом деле никакого вреда собака причинить лосю не может.

Удивительнее всего то, что гончую практически ничему научить и нельзя. Да и как это сделать? Со временем в породной собаке всплывает генетическая память и проявляется так же, как и у предков. Были с Боем и приключения, в том числе и грустные. Ну изрезанные в кровь настом лапы не в счет. Пришлось вынимать его из заячьей петли, попав в которую он изредка взлаивал каким-то призывающе-жалостливым тоном, хотя никаких ран у него не было. В другой раз принес на передней лапе норичий капкан — вид у собаки был жалкий. Кровь, оторванный палец. Но ничего. Капкан сняли, поврежденный палец отрезали прямо на охоте, перебинтовали, и через две недели наш гончак вновь был как новенький.

О голосах гончих можно говорить без конца. Но лучше внимательно их слушать. Они всегда разные и могут многое поведать о том, чего не удалось увидеть глазами. Была у моего любимца одна далеко не лучшая черта — он не любил отдавать пойманную дичь. Собственно, другим охотникам из нашей компании он вообще не отдавал — рычал, поднимал шерсть дыбом. Приходилось забирать мне. И хоть мы и были друзьями, без переговоров дело не обходилось... Ласково поглаживая и похваливая собаку, твердой рукой я забирал зайца. Бой отворачивал морду и, тихонько ворча, опускал глаза долу. Отрезанные пазанки, а иногда и голова смягчали его обиду, и дружба восстанавливала вновь.

Прошло лет пять или шесть. Бой работал почти без сколов и потерь, но появилось что-то новое, совсем не приводившее меня в восторг. Сгоняя трех, четырех зайцев, он неохотно шел за следующим. Или, проводив его с голосом, возвращался, слегка повиливая хвостом, и глядел прямо в глаза: «Ну,

хозяин, все в порядке! Зайца я отогнал далеко. Не бойся, он тебя не съест». Да! Только этого сообщения нам и не хватало!

Я пытался оправдать его поведение усталостью, глубоким снегом или чем-нибудь в этом роде, но понимал, что тут что-то не так. Стареет, что ли? По внешнему виду выглядел Бой прекрасно: в меру упитан, мускулист, лапа «в комке», спина прямая — что еще надо? Ну что же. Поживем — увидим!

Следующий сезон я пропустил по невызывавшим от меня причинам. Бой прожил этот год при доме отдыха у приятеля без охоты, зато на просторном дворе с завидной кормежкой. Наша встреча после годовой разлуки выглядела весьма прозаично. Пес, конечно, узнал меня, подошел, повиливая хвостом, положил лапы на плечи, лизнул и отошел в сторону. Будто виделись мы только вчера. На охоту мы отправились там же. Снегу было многовато, но охотиться было можно. Почувствовав свободу и предохотничью суету, он ринулся в лес и пропал. Мы брали по его следам. «Голосит?!» — «Надо прибавить». Но чем больше мы приближались, тем меньше понимали, что происходит там. Лай стоял на одном месте. Да и голос был не тот, что на гону. Картина, представлявшая перед нами, повергла меня в шок. Мой верный гонец лежал под елкой и изредка взлаивал, изображая гон. Я присел на корточки, стараясь заглянуть ему в глаза. Но глаза друга изучали толщу еловой хвои, мордастыльно повернута в сторону. Всем своим видом он говорил: «Послушай, брат, надоело мне все это. Бегай не бегай, всех зайцев не переловишь. Душа покоя просит». Приехали! Вот она собачья мудрость — черт бы ее побрал!

Прощались мы под довольные улыбки моего приятеля — нового владельца Боя. У каждого своя дорога — мой многолетний соратник по охотничим страстиам выбрал спокойную жизнь дворового пса — это его право. Насильно мил не будешь. Нужно растить нового гончака.

Рисунок Б. Игнатьева

Знаменитые ружья **FAMARS**

Юрий МАСЛОВ

Многим читателям, вероятно, памятна рубрика «Знаменитые ружья», которую мы открыли в журнале в далеком 1982 г. Тогда, в середине 80-х, мы рассказали об изделиях замечательных русских и зарубежных мастеров и компаний, которые верой и правдой служат не одному поколению наших охотников. Это мацки, алёшкины, ланкастеры, пёрде, голланды, зауэры, леби, дарны и десятки других, некогда популярных ружей.

Но, как известно, все в жизни изменяется. Меняются времена, охотники, вку-

История взлета ФАМАРС почти хрестоматийная. В конце 1970-х гг. итальянцы провели исследование и выяснили, что среднестатистический европейский охотник «помешан» на английских ружьях. Но цена 15–25 тысяч долларов для него неподъемна. Был очерчен круг потенциальных заказчиков и выявлена предельная цена: 3–5 тысяч. Следующим этапом стал опрос клиентов: каким они представляют идеальное двустольное ружье? Изучив статистическую картину пожеланий на несколько лет вперед, в Гардоне Валь Тромпия приступили к реализации своих планов.

Для начала итальянцы разделили свою продукцию на две качественные категории. Первая категория — престижные модели. Их цена в среднем составляет 15 тысяч долларов США. К этой группе ружей разработчики отнесли базовые модели «Зевс» (Zeus), «Венера» (Venus), «Дар» (Tribute), «Антares» (Antares).

К более дешевой категории, рассчитанной на среднего европейского охотника, отнесли модельный ряд под общенным названием «Экскалибур» (Excalibur). Здесь цена колеблется уже в пределах 4–7 тысяч долларов. Но, разумеется, стоимость каждого конкретного экземпляра определяется требованиями самого заказчика.

В 1980 г. на знаменитом Лондонском аукционе «Кристи» курковая двустолька ФАМАРС под названием Castore («Бобр») по своей стоимости впервые обошла самые лучшие модели английских ружей. С тех пор аббревиатура

сы, оружие. На смену старым, популярным, маркам приходят новые имена, фирмы, модели. Как же обстоят дела в оружейном мире сейчас — в начале нового тысячелетия? Кто и где определяет направления развития конструкторской и технической мысли за рубежом? Каковы пристрастия наших собратьев по страсти в странах Европы и Америки?

Об этом вы узнаете в нашей «старой новой» рубрике «Знаменитые ружья», которую редакция возобновляет по вашим многочисленным просьбам.

FAMARS (Fabbrica Armi Mario Abbiatico e Remo Salvinelli) известна каждому истинному ценителю оружия. За все 33 года существования ФАМАРС было изготовлено не более 1500 ружей.

А началось все в 1967 г., когда два талантливых мастера — Марио Аббиятико и Ремо Сальвинели основали в Гардоне Валь Тромпия свою фирму. Впервые объединив классическую британскую конструкцию двустольки с ультрасовременной технологией и декором, они угодили поклонникам сразу всех школ. Как европейской, так и американской. Поэтому их продукция сразу же стала пользоваться популярностью. Хотя своему фантастическому успеху фирма все же обязана именно Марио Аббиятико, художнику-граверу, популяризатору современной итальянской гравировки.

Написанный им фундаментальный труд «Современная гравировка на огнестрельном оружии», изданный в 1980 году, получил широчайший международный резонанс. Было выпущено 100 нумерованных экземпляров в роскошном кожаном переплете, причем первые два преподнесли президенту США Рональду Рейгану и королеве Великобритании. А в 1982 г. вышла еще одна книга Марио Аббиятико под названием «Гравировка спортивного оружия». Благодаря этим двум работам Марио Аббиятико, лучшие оружейники мира гравировку на свои самые престижные изделия стали заказывать только в Италии. А стиль «булино» (bulino — по-итальянски — граверный резец) в од-

ночасье сделался самой популярной техникой граверного искусства. Название этой техники нанесения изображения на металл подчеркивает, что работа выполняется только ручным резцом без применения молоточка. Чем остree заточка инструмента, тем большее количество наколок (или штрихов) можно нанести на гравируемую поверхность, тем тоньше и совершеннее светотеневые эффекты («кьяроскуро»). Богатая палитра полуутон достигается нанесением на металл наколок различной глубины и плотности. Благодаря эффекту «кьяроскуро» в гравюре появляется динамика.

Марио Аббиятико скончался в 1984 г., но его идеи, его стиль и поныне присутствуют во всех изделиях, несущих на себе марку FAMARS. Чему, безусловно, способствует его старшая дочь — Кристина Аббиятико, нынешний президент фирмы.

Каждый экземпляр оружия ФАМАРС изготавливается только под конкретного заказчика. Для нас, рядовых российских охотников, покупающих в магазинах «тулки» и «ижевки» с массой различных дефектов, подобное откровение звучит, мягко выражаясь, дико. Но большинство европейских заказчиков все же предпочитают приехать в Гардоне Валь Тромпию самолично.

Обычно встреча начинается с беседы в офисе фирмы на 2-м этаже, где предстоящий заказ обсуждается с самой Кристиной Аббиятико. На этом этаже выясняется настрой покупателя в целом и его представления об охотничьем оружии в частности. А также то, для какого вида охоты он намеревается заказать ружье. И только потом, уже на первом этаже, в специальном выставочном зале определяются такие «мелочи», как модель, калибр, длина стволов, тип замков, дульные сужения и прочие детали.

После этого заказчик попадает к гравировщику. С ним обсуждается сюжет и размер декора, а также техника обработки металла. При этом фирма предоставляет покупателю полную свободу в выборе источника гравирования. Он может довериться специалисту, принести свой собственный рисунок или попытаться объяснить то, что ему хочется, на словах.

Наконец, заключительный шаг в процессе заказа ружья — выбор древесины ложи. Тут клиент волен выбрать любой из многочисленных образцов древесины или даже принести с собой собственную болванку. Этот этап заказа контролирует мастер-ложечник.

Итак, заказ сделан. Но это еще не все. После того как все механические работы над ружьем завершатся, заказчику вновь придется посетить мастерскую — для проверки изделия в так называемом «белом виде». То есть уже готовом к практическому испытанию. И только после этой последней «Примерки» ружье гравируют, детали подвергают термической обработке, воронят

стволы и производят окончательные отделочные операции. Дальше ружье ждут государственные испытания на станции отстрела в Гардоне Валь Тромпия, и, если они прошли успешно, за-каз считается выполненным.

Чем объясняется многолетний успех итальянской фирмы на мировом рынке? Прежде всего тем, что охотничьи ружья фирмы FAMARS — это не просто оружие для охоты на диких животных. Не просто деревянные и металлические детали, соединенные определенным образом. Нет, ружья FAMARS — это произведение искусства. И как любое творение живописца или скульптора, оно пробуждает у владельца возвышенные чувства, служат источником наслаждения и... И в то же время постоянно напоминает о бренности нашего бытия. Прислушайтесь к названиям итальянских ружей: «Зевс» — верховный бог у древних гре-

ков, «Венера» — богиня любви и красоты в древнеримской мифологии, «Экскалибур» — легендарный магический меч короля Артура, «Антарес» — название звезды...

По своему стилю ружья итальянских мастеров невозможно причислить ни к одной из европейских школ. Ни к анг-

лийской, ни к французской, ни тем более к австрийской или немецкой. Этот стиль по сути своей интернационален. А потому притягателен для всех.

И все же главное в оружии FAMARS — это гармоничное сочетание оригинальности, качества, престижности и цены.

Производство ружей FAMARS весьма ограничено и обычно не превышает 80 экземпляров в год. Клиенты — люди в основном состоятельные. Есть среди них и коронованные особы. Конечно, большинство из них являются ценителями прекрасного. Хотя есть и покупатели, для которых изделия фирмы всего лишь выгодное капиталовложение. На аукционах ружья FAMARS уходят по ценам гораздо более высоким, нежели первоначальная стоимость заказа. Хотя какая, собственно, разница, из каких побуждений заказывается произведение искусства. Главное, что оно остается. И как правило, на века.

Закрытое Акционерное Общество «ИРБИС XXI век» предлагает со склада в г. Москве

ОПТОВЫЕ И МЕЛКООПТОВЫЕ ПАРТИИ ТОВАРОВ ДЛЯ ОХОТНИКОВ, РЫБОЛОВОВ И ТУРИСТОВ

- оптические прицельные приборы различных модификаций,
- кронштейны
- бинокли в ассортименте
- патроны, погонь ружейные
- наборы для чистки ружей
- масло ружейное, щелочной состав
- устройства для снаряжения патронов
- пыжи войлочные, ДВП, полистиленовые
- дробь, картечь, пули для охотничьего и пневматического оружия
- запасные части и магазины к отечественному охотничьему оружию
- рыболовные снасти (удилища, катушки, леска, сети, крючки и т.д.)
- капканы
- ледобуры
- одежду камуфлированную для зимы и лета
- маскахалты, противозефалинты
- костюмы, обувь, головные уборы
- термосы, компасы, посуду алюминиевую
- рюкзаки, палатки, спальные мешки
- лыжи охотничьи
- лодки, лодочные моторы и запчасти к ним
- снегоходы, моторы и запчасти к ним
- резинотехнические изделия (чучела птиц)
- средства защиты от насекомых
- литературу, топографические карты для охотников и рыболовов

а также другие товары для охоты, рыбалки и туризма

Отгрузка продукции: самовывоз, авиа-транспортом, ж/д контейнером, багажом

Адрес: 129090, г. Москва, ул. Щепкина, д. 22, ЗАО «ИРБИС XXI век»

тел/факс (095) 284-01-44

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты белицы, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересыпке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22
E-mail: chief@brush.kirov.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Милое мое неудобье

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Наши краснощекие хмельные черноземные весны каждый год приносят такие дни.

На рассвете загудел где-то высоко над землей ветер, скомкал и разорвал, погнал мятущиеся облака, пал на землю, сморщил студеные синие, в ледяных блюдцах лужи, засвистел в сырьих голых ветках тополей и лип, заломил хвосты покинувших насест кур.

Открыл дверь — и меня тоже нетерпеливо и жадно облапал ветер, ворвался за пазуху и вытурнул остатки домашнего тепла. Я глотнул сырого навалившегося ветра, задохнулся от вошедшей с ним радостной тревоги и понял: нет, в такой день дома не усидеть...

Это стало привычкой: всякую весну мятежный ветер уводит меня в лес или в степь, чтобы захватить своим беспашным буйством, показать, с какой веселой страстью он работает землю и съедает оставшийся снег.

Куда пойти: в поля или в бор? Послушать шипенье мокрой хвои сосен, подвластных ударам верхового ветра, шорох падающих расторопщенных шишек, увидеть в затишке приземелья расплывшиеся огромные, с шапку величиной, заячьи следы на затвердевшем снегу, клок оставленной русаком линной шерсти, трепещущий на кустике бересклета...

А в полях, вернее всего, снега уже нет. Значит, налилась, как обычно, огромная лужа в знакомой лощине меж полей, вышла за пределы кочкарника и широко захватила пашню. Так бывает в каждое водополье. По крайней мере, с тех пор, как я стал наведывать эту полевую лужу. На ней почему-то любят отдыхать стайки разнородных уток. Неподалеку от нее стоит омет, с которого — если он не вывезен фуражирами — хорошо видны и сама лужа, и сидящие на ней утки.

Чтобы покинуть дом, придется выдумывать хоть какую-то причину. Пойду в степь — надо посмотреть, как разлилась лужа в нынешнем году.

... Ветер, ветер — тугой, теплый и шальной, в степи он еще сильнее и полновластнее. Гонит низко летящие, рвущиеся на бегу облака, хлопает обрывками их полотнищ, выбивая редкие, приятно холодящие лицо капли. Насколько хватает глаз — нет никого, в степи я один как перст. Как того и хотелось. Ах, хорошо!..

Пройдет время, и степь станет другой. В поднявшихся хлебах болотца в лощине будет не разглядеть. Лишь приблизившись, можно заметить невысокие тальники и несколько торчащих пик рогоза с плюшевыми шишками.

Привязанность охотника к родине безгранична.

С какой любовью смотрят он на свои поля, луга, рощи и вообще на окружающую местность...

П. М. Мачеваринов.

Записки псовного охотника Симбирской губернии. 1876 г.

В страду душной жаркой жатвы комбайны за три-четыре дня обстригут под «два ноля» засеянные пшеницей наклонные платы полей, и сухое болотце обнажится. Если крытый ток на центральной усадьбе даже при ночной работе не управляется с зерном, дополнительный ток делают прямо на поле: пшеница ссыпается на расстеленный по стерне брезент. Привозят пару веялок, и женщины, перелопачивая и подсушивая зерно, отвеивают и затаривают его в мешки.

Мужики заняты скирдованием соломы. Мальчишки верхом на лошадях подвозят с полей оставленные комбайнами равные кучки пшеничной соломы на волокушах — двух соединенных меж собою длинных слегах-оглоблях — к заложенному омету, и мужики вилами подают ее на растущий омет. Длины вил скоро начинает недоставать, и в дело вступает цыбарь — устройство, подобное колодезному журавлю на трехпалой устойчивой опоре, чтобы он не завалился, с тремя крючьями вместо ведра, которыми подхватывают копешки и поднимают на омет.

Руководит работой скирдовщик Константий Сидоренко — веснушчатый, краснолицый, с ярко-рыжими, в мелком звите, волосами мужик, прозванный едкими на язык бабами «Мерлушки».

— Уминай плотнее! — кричит мне вспотевший, с запутавшимися в кудрявых волосах соломинами Мерлушка. — Весу в тебе мало! — упрекает он меня, недавно перешедшего с волокуши на «взрослую» работу. — Топчи-утаптай!

Сбросив на омет ворох соломы, освободившиеся блестящие крючья цыбarya описывают в небе дугу и, позванивая друг о друга, опускаются за новой копешикой, а Мерлушка разравнивает вилами поданную солому и показывает мне, куда ее класть.

Это не так просто — сложить толком омет, чтобы он, оседая, не завалился набок, чтобы его не раскрыли степные ветры, чтобы он не промокал под назойливыми осенними дождями и не запрел в нутре. Поставленный на такую ответственную работу, я тихо горжусь.

Весело смотреть с высокого омета на ставшую просторнее степь, на беззвучно ползущий по кромке горизонта поезд, на людей внизу. Хорошо видна и заросшая бурьянком и начавшей жел-

теть осокой лощинка. Туда иногда, согнувшись по две, по три, бегают женщины с тока и стараются там прикрыться тощими кустиками от насмешливых мужских глаз.

— Эй-ей! — озорно кричит с омета Мерлушка, зная, что достанется ему от женщин на их обратном пути к току. — Держи, закипело!

Я стыдливо поворачиваюсь к болотцу спиной...

Нас снимают с вывершенного омета тем же цыбарам: надо встать на скользкие, выворачивающиеся из-под ног наглаженные соломой крючья и, держась за горячую от солнца цепь, довериться мужикам, которые, потравливая веревку от другого конца «журавля», пронесут по воздуху и плавно опустят на землю. Теперь можно обойти вокруг аккуратный, очесанный длинными деревянными граблями омет, полюбоваться своей работой...

И вот я иду к «своему» омету, который всегда ставится на одном и том же опаханном клочке непронутой земли.

Снег сошел. В степи властвует, неистовствует ветер. Все, что плохо держалось, — все сметено, выдуюто, прибито к бурьяну по окрайкам полей, даже щетка потемневшей прошлогодней стерни дрожит и трепещет под ударами ветра.

С окатого бугра вдали открывается вода — синяя, набившая пену, очень белую на краю маслянистой черной пашни. И на воде — россыпь качающихся точек: утки. Много уток. Охота уже открыта, я взял на всякий случай отцовский старый курковый заузэр и пяток патронов: когда я отправляюсь «на авось» и знаю, что выстрелить, вернее всего, не придется, патронаш не беру, а просто сую в карман патроны с разными номерами дроби: коль есть ружье, должны быть и патроны.

На степном разливе уток не взять. Они, наверное, и сейчас уже насторожились, заметив человека на далеком бугре. Можно, конечно, попытаться поставить на краю лужи складок, забраться туда затемно, выкинув на воду пару чучелов, но мне неприятно представить себя сидящим в жиже чернозема, в торчащем среди пашен, за версту заметном со всех сторон шалаши. Разве это охота?

Омет не вывезен, его только с одногоря края начали тратить фуражиры — зи-

мой, наверное, сейчас к нему, пока не проснется, не проехать. Значит, под его прикрытием можно подойти поближе к воде. Приходится делать большой крюк. Иду по стерне — здесь меньше вязнут ноги, а потом за гребнем межевой канавы, на дне которой местами еще белеет слежавшийся снег. И лишь после этого сворачиваю к омету, закрывшему меня от птичьих глаз. Здесь, в заветрии, потише. Но как забраться на омет? Можно там, где его начали разбирать, но тогда я окажусь на виду у птиц. А по скользкой отвесной боковине не залезть. Но возле скирда вальяется слега от волокушки. Я привязываю к ней ружье, бинокль и закидываю их наверх. Теперь уж мне волей-неволей придется быть там. Укрепив все тоже слегу, карабкаюсь по ней, упираясь ногами в солому, и осторожно переваливаюсь на «крышу» омета.

Но утки все-таки заметили меня. До них метров полтораста. Вскинув головы, они стали отплывать, кучиться у противоположного берега и, не выдергив моего соседства, покатились по воде, как подхваченные ветром листья, взмыли и замельтешили в воздухе. Разноголосое карканье, свист и кряканье заполнили небо. Самые неосторожные иногда надлетают на дальний выстрел, но я не стреляю: мне не хочется видеть лужу опустевшей. Закопавшись в холодную скользкую солому, жду, когда успокоятся птицы. Пометавшись над полем, они одна за другой снова садятся на разлив: другой воды в округе нет. Правда, в полукилометре

отсюда, не доезжая второго отделения совхоза, Шкаринский куст сейчас тоже должен быть залит полой водой, но пролетные стаи в затопленные деревья не садятся, им нужны открытые беспасные плесы. Там, в кусте, можно поднять пару осторожных крякв, услышать мелодичное тиликанье невидимого, плавающего где-то между осин и черемух селезня-чирка...

Наконец небо опустело, а лужа опять ожила. В бинокль хорошо видны птичьи точеные головки, белые бока гоголов, белые груди и тонкие длинные шеи шилохвостов, пепельно-серые спины кряковых селезней. Утки самых разных пород находят отдых здесь, на открытой всем ветрам степной лощинке, заполнившейся водой с окрестных полей.

Что их привлекает сюда? Место вовсе не кормное, вокруг голые поля, берега — вязкий раскисший чернозем. А может быть, как раз то, что вокруг голо и безлюдно, что нет поблизости дорог и над головой открытое бездонное небо?

Оттого, что вся эта разнородная утиная компания мне недоступна и без каких-то ухищрений, кажущихся мне недостойными охотника, к ней не подобраться, я о выстреле не думаю. Не знаю, почему и зачем, мне нужно просто соседство множества птиц, забывших о моем присутствии. Мне этого достаточно. Я могу наблюдать их в бинокль, определять их породу, различать уток и селезней, видеть, как они качаются на волне, гоняются друг за другом, привстают на хвосте и машут

крыльями, выказывая их белую изнанку и брюшко, такое же белое, как комья пены на черной оттаявшей зябь. Закопавшись в омет, я слушаю их голоса, принесенные ветром, слушаю, как посвистывает ветер в развороченной соломе, смотрю, как несется надо мною клокастые облака, и мне кажется, что я все более «врастаю» в нынешний весенний день, полный радостного беспокойства и ожидания перемен.

У меня особое чувство к степной лощине, залитой сейчас так, что из нее торчат только верхние веточки тальников да несколько коричневых шишечек рогоза, лопнувших от спелости и извернувшихся светлым пухом. Родилось оно не по весне, а на охоте по черной тропе. Вытаптывая в полях осенних русаков, я всегда сворачиваю к этой лощинке с кочками, осокой и цепучей чередой, с бурьянком и полынью по некошеным окрайкам. В однообразии черных пашен и желтых живиев сухое болотце издали радует глаз богатством оттенков мягкого охристого цвета, от седовато-желтой полыни до коричневой череды. Я иду к нему и все более наполняюсь волнующим, радостно-трепетным предвкушением увидеть здесь то, чего не встретил пока ни в живиах, ни на пахоте: глазам представляется вымахнувший с легким широком русак, его мелькающая меж кочек буровато-голубая плоская спина, наструченные уши, торопливые толчки пружинистых задних ног, кидающих распластавшееся над землей сильное тело. Я стреляю, и — вот оно, охотничье счастье! — русака больше не видно, он исчезает в кочках, он взят, взят!

И пусть такое случалось здесь только дважды, я полюбил эту кочастую лощинку за надежду, за то необыкновенное состояние души, которое она вызывает и без которого охота потеряла бы, наверное, самое свое существо-

Смешно и бесполезно было бы делиться с кем-нибудь своим таким отношением: что оно собою представляет, в самом деле, это сухое степное болотце? Кого оно может заинтересовать, что в нем особенного? На совхозном плане землеустройства лощина наискось заштрихована и числится как неудобье, ее площадь вычитается из

общей площади землевладений. Никческое пространство. Чертыхнется лишний раз тракторист, наткнувшись на неудобье, вынужденный отворачивать и широко опахивать его, а по весне здесь работа задерживается, пока не сойдет вода и не прosoхнет земля.

Охотник остается охотником и тогда, когда охота закрыта. Не знаю, для чего, я иногда прихожу в лощину на лыжах. Скатившись с ветерком по мартовским настам в низину, я однажды наткнулся на лису. Засидевшись в заснеженных кочках, не услышав меня вовремя в наветрии, она вымахнула из болотца и рыжим пламенем понеслась вверх по противоположному склону, наотлест отставив хвост, и я долго провожал ее взглядом, жадно впитывая глазами ее легкий полет по снежным застругам. На свале бугра она остановилась, посмотрела на меня, успокоилась и затрусила обычной побежкой, неся над землей толстый хвост. И, казалось, еще одна ниточка связала меня с полюбившимся знакомым местечком, одарившим таким памятным подарком...

Такие же «ниточки» связывают меня не только с этим «неудобием» — в окруже немало мест, дорогих и памятных какими-то незначительными, казалось бы, случаями и мелкими событиями, произошедшими на охоте. Именно она, охота, сблизила меня с ними.

На одной просеке я удачно подоспел под русака, за которым шли с голосами гончие, на другой вырубке просто перевидел зайца, махавшего через кучи хвороста; в мелком дубняке, разросшемся в бору вдоль яра, я на сентябрьской высыпке выстрелом на вскидку срезал вальдшнепа, а он завис в ветвях, и мне пришлось сбивать его палкой. А в сосновой молодой посадке, густой, как щетка, я «проронил» шумовую лисицу, выкатившуюся мне в ноги...

Со всеми ними, этими и многими другими местами, я сродился увиденным и пережитым, они ожидают в моих воспоминаниях и манят навестить их. Так складывается охотничий маршрут — маршрут-свидание с полюбившимися местами.

Угревшись в соломе, я лежу на спине под низко летящими облаками, и ветер гладит мне щеки. В этом мире незнакомы только они, эти аспидно-серые, белесые облака, они из другого мира, они недоступны и чужды. Но как хорошо чувствовать себя своим среди того, что мне знакомо! Знаком этот омет с его сытым запахом хлебной уборки, знакома колючая дикая груша на канаве, в ветвях которой я однажды обнаружил наколотую на сучок землеройку и обрадовался тому, что встретил живое подтверждение картинки Формозова в его книжке, из которой я и узнал, что так делает сорокопут; знакома нора под грушей, куда по пути заглядывают лисы... Широко знакома вся округа с той поры, как я начал выхаживать ее с ружьем...

На дальней чертче, разделяющей землю и небо, показался силуэт: лошадь,

запряженная в дрожки. Знаю, что это едет заведующий вторым отделением Поняев, прозвищем Понюшка, знаю его лошадь и дрожки с брезентовой залоснившейся, обсаженной подушкой. А ну как повторится то, что было прошлой весной?

Я так же сидел на омете и уже собрался идти домой, как на той же дороге появились телега и лошадь: кто-то возвращался на второе отделение. Вдруг от них поднялась со стерни пара птиц и направилась в мою сторону... Кряквы! Или, как их у нас называют, матёрки. Утка и селезень. Снижаясь к луже, они шли на моем уровне так близко, что я различал их круглые глазки. Самонадеянное чувство удачи, когда дичь находится на верном выстреле, и боязнь оплошать, промахнуться — только это и осталось на душе, все остальное ушло. Я пропустил утку, но следовавший за нею селезень заметил меня, резко отвернулся — и я промазал. Сердце во мне упало... Однако вторым выстрелом в полуугон я все же достал его. И возликовал, конечно. Вскочив, я увидел, как, затихая, бьется на пашне птица, пачкая в жирном черноземе свои нарядные, с ярким зеркальцем, поднебесные крылья. И оттого, что она, только что принадлежавшая воздушной стихии, возится в грязи, ликовование сменилось каким-то укором. Уж лучше упал бы этот селезень куда-нибудь в некось, на прошлогоднюю траву — но кругом лежала пахота... Нигде, наверное, так быстро и так резко не меняются настроения и чувства, как на охоте...

Я в бинокль наблюдал за медленно катившимися по горизонту дрожками — не нагонят ли кого-нибудь и на этот раз? Но, видно, одно и то же счастье не приходит дважды — надо искаать и надеяться на другое.

В краешке кружка, вырванного биноклем, что-то мелькнуло. Какое-то движение. Я перевел бинокль — по гребню канавы, где я шел час или полтора назад, мчался заяц. Он был сравнительно недалеко, можно было обойтись и без бинокля. Зайца преследовала крупная, с размашистыми крыльями птица — подорлик. Русак что есть духу удирал к спасительному Шкаринскому кусту. Но подорлик, конечно, был быстрее. Он нагнал зайчишку и, сложив крылья, наклонно спикировал на него. И тут произошло то, о чем я только где-то читал: русак перевернулся на спину и замолотил в воздухе лапками. Хищник раскрылся, затормозил, на какое-то мгновение завис над зайцем, но вкогтиться не решился и снова взмыл в воздух. Забыв о ружье и о том, чтобы выстрелом напугать подорлика, прервать погоню, я наблюдал за происходящим. Подорлик снова нагнал русака, повторил свой воздушный маневр, но тот опять повалился на спину, отбиваясь от вытянутых когтистых ног птицы. Подорлик и на этот раз остался ни с чем. Пока он, тяжело поднимаясь, набирал высоту для следующего захода, заяц сметнулся с канавы,

преодолел клочок некоси и исчез в Шкаринском кусту.

Величественными взмахами крыльев подорлик забрался в высоту и, удаляясь, стал кружить над степью.

И все. Сцена бурного действия, едва не завершившегося трагедией, опустилась. Происшедшее словно бы освободило меня от какого-то ожидания. Больше уж тут ничего не произойдет: счастье видеть редкостное зрелище не повторится, надо ждать другого случая... Ясно стало, что именно за этим я сюда и пришел.

Не думая больше о том, что могу всплынуть утром, я встал, прошелся по пружинившему омету и съехал по скользкой соломе там, где начали ее разбирать фуражиры.

В воздухе над лужей вновь закружились утки. Решив срезать угол, я зачем-то залез на пашню, тащил на сапогах вязкий чернозем. Ставший попутным ветер пел в стволах ружья, не повидавших сегодня пороха. Но на душе было так, будто я сделал какое-то важное, ценное приобретение. Не бывает пустых, бесполезных выходов за ворота!

Уток в воздухе стало меньше: проводив меня, успокоившись, они вернулись на воду. А кое-какие, быть может, отдохнув, отправились дальше на север.

Когда я еще наведаюсь сюда?

Перебесившаяся, присмиревшая в тихом похмелье весна одарит землю ласковым теплом, и лужа с уже пробившимися зелеными стрелами молодого тростника станет день ото дня уменьшаться, усыхать, освобождая размягчившие распаханные склоны. Станут видны крайние борозды глубоко вспоротой отвалившимся земли, оставленные плугом, когда тракторист, упервшись в неудобье, разворачивается, не поднимая лемехов, чтобы начать новый прогон.

В самой засолонованной, не видевшей плуга лощине вода задержится, постоит недели три, напоит вволю кочки, проросшие ежами свежей осоки, и обронившие пуховки тальники. К полевой луже, ставшей болотцем, можно будет подойти, и сюда, возможно, наведется тракторист, чтобы зачерпнуть резиновым ведерком воды для перегревшегося двигателя или ополоснуть от чернозема салоги.

Солнце выпьет оставшуюся воду, высушит растрескавшуюся лысинку посреди болотца, и будет оно сухим до будущей весны — только очень ненастная осень может чуть раскислить его, глубоко просохшее от летнего зноя.

На одоньях вывезенного омета будет заложен новый, и, может быть, мне вновь доведется быть в подручных у ряжего Мерлушки — все повторится, как повторяются лето и осень.

А осенью по Черной тропе я опять приду к степному кочкастому болотцу за русаком, и душа снова обольется ожиданием счастья.

Рисунок Б. Игнатьева

Гербарий моей дочери

Покойный профессор Н. А. Холодковский кроме обширного научного наследия оставил нам еще и другое богатое наследство: художественно-литературное.

Его перевод гетевского Фауста с критическим комментарием, увенчанный полною Пушкинскою премией, его известные стихотворные переводы многих пьес Шекспира, Байрона, Шиллера, Ленау, Мильтона, Эмерика Мадача, Липинера, Эразма Дарвина — все это произведения, которым суждено жить и жить.

Но кроме переводов покойный в разные периоды жизни писал также и оригинальные стихотворения, которые пока остаются неизвестными широкой публике и еще ждут своего издания. Среди этих оригинальных произведений выделяется небольшое число пьес, посвященных автором своей дочери и дающих поэтические изображения разных представителей нашей северной флоры. Соответственно возрастам дочери эти прелестные ботанические миниатюры носят и различный характер: то они дышат детскими наивностью, то они добродушно поучительны, то слышится в них дружеский призыв к восхищению природой. Стихотворения эти составляли при жизни автора три альбома под общим заглавием «Гербарий моей дочери». Теперь они входят полностью в сборник.

Не роза или сирень, не жасмин, не лилия вдохновляли здесь поэта; темой для стихотворений он избрал скромные, малозаметные, но всеми любимые, преимущественно полевые цветы нашей северной флоры, вливая в их описания всю не-

жность своей чуткой, возвышенной души. В точных, хотя и кратких поэтических характеристиках выбранных растений строгий учений никогда не преобладал над мыслителем и поэтом. Небольшая часть этих стихотворений относится к западноевропейской, именно альпийской флоре. Здесь автор рисует картины более широкой кистью, выявляя свой талант крупного художника-пейзажиста.

Николай Александрович Холодковский родился 19 февраля 1858 года в Иркутске; окончил Медико-химическую академию в Петербурге и по получении степени доктора зоологии занимал в течение 30 лет кафедры: зоологии в Военно-медицинской академии и энтомологии — в Лесном институте. Умер он 2 апреля 1921 года заслуженным и всеми глубокоуважаемым ученым, оставил за более чем 35-летний период своей научной деятельности около 150 печатных научных работ и сверх того ряд основных учебников по своей специальности; широко был известен он и в научно-популярной литературе своими статьями на общебиологические темы, а также как редактор многочисленных переводных сочинений по научной литературе.

Благодарное воспоминание о его светлой личности и деятельности будет жить в сердцах его многочисленных учеников и всех, кто встречал его на жизненном пути.

И. П. БОРОДИН,
А. П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ
Петроград
15 июля 1922 г.

Ботанические миниатюры

Н. А. ХОЛОДКОВСКИЙ

Фото А. Севастьянова

Колокольчики

Сладкую лень навевает
Пышных лугов благодать;
С тихою лаской кивает
Там колокольчиков рать.

Мир безмятежного лета
В их красоте отражен;
Чуткому сердцу поэта
Слышен их сладостный звон.

Сладкую негу забвенья
Он благовествует нам,
Дни без тревог и сомненья,
Отдых усталым сердцам.

Горицвет

От ранней весны
До позднего лета
Все рощи полны
Цветов горицвета.

Простые на взгляд,
Но ярки, румяны,
Они веселят
Лесные поляны.

Как красных деньков
У нас не без счета, —
Так красных цветков
Набрать — всем охота.

Пускай горицвет
С собой подрумянит
Наш пестрый букет;
Лишь жаль: скоро вянет.

Травилат боготный

Стоит гравилат на болоте,
Печально головкой повис;
Не то будто в тяжкой заботе,
Не то от жары он раскис.

И точно, — раскиснуть не диво
От влажной, тяжелой жары.
Все дремлет вокруг, и пискливо
Жужжат над травой комары.

Судьбина — достойная парий —
Весь век на болоте прожить,
Средь гадов и жалящих тварей!
Невольно тут будешь тужить!

Томиться в безрадостной доле,
Без светлой надежды живой!
Повесишь тут нос поневоле,
Поникнешь в тоске головой.

Одуванчик

Одуванчик золотой —
Цветик милый, хоть простой;
Он сидит среди травы,
Средь зеленою муравы, —
Прямо к солнышку лицом,
Так и смотрит молодцом!
Отцветет он — не беда:
Он еще милей тогда;
Превращен в пушистый шар,
Он нарядней всяких бар;
Как его ни повернешь,
Скажешь: чудо как хорош!

Незабудка

У моей любимой дочки,
Умницы-малютки,
Есть любимые цветочки:
Это незабудки.

Голубые лепесточки,
Желтенькие грудки, —
Что за милые цветочки
Эти незабудки!

Герань

В зеленою травке новой
Везде, куда ни глянь,
Цветет цветок лиловый;
Зовут его — герань.

В местах сырых и влажных
Растет охотно он, —
Цветочек не из важных,
Но все же недурен.

Без слова и без жеста
Он будто говорит:
Умей украсить место,
Где жить судьба велит.

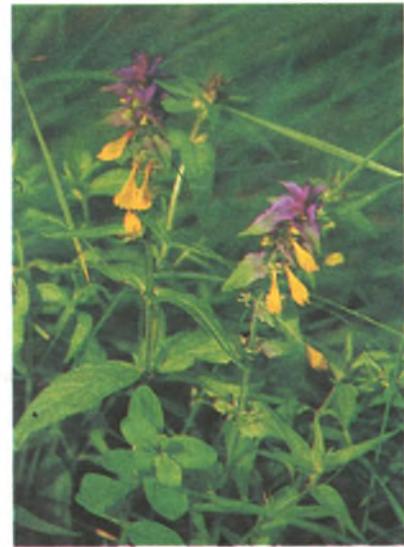

Марьинник, или Иван-да-Марья

Не буду тратить лишних слов:
Синеголовый, желтоцветный,
Издалека легко заметный, —
Марьинник, ты краса лесов!

Какой-то Марье и Ивану
Ты почему-то посвящен, —
Но кто латыни обучен,
Тот посвятит тебя Сильвану.

Сильван был римский бог лесной,
Среди богов судьбы избранник,
Он жил в лесах, как ты, марьинник,
И наслаждался тишиной.

Василек

Цветок смиренный полевой,
Ты золотистых нив краса,
Своей лазурной синевой
Ты отражаешь небеса;
В сияньи солнца над тобой
Струится жаворонка трель,
Как будто в выси голубой
Звучит незримая свирель.
Отрада сельской тишины
И милой птички голосок,
И ты, голубенький цветок,
Вы вечной прелести полны!

Лютник

Лютик — простенький цветочек;
Всюду он цветет:
На лугах и между кочек,
Посреди болот.
Он не блещет красотою,
Вовсе не душист,
Но довolen сам собою,
Желт и маслянист.
Он совсем простонароден,
Житель полевой,
Но в букетик все ж пригоден
С разною травой.

Земляника

Что за цветик-невеличка
Там белеет, как снежок?
Эта прелость — земляничка,
Скромный беленъкий цветок.

Что алеет по припеку,
Там, где солнце так и жжет?
Полный сладостного соку,
Землянички спелый плод.

И цветком, и в виде ягод,
Земляничка всем мила;
Мы ее наварим на год, —
Только банка бы была!

Шиповник

Во дни роскошного расцвета,
Когда приходит жар и зной,
Шиповник, милый вестник лета,
Пленяет нас своей красотой.

Одно лишь худо, — что колючки
Есть у шиповника всегда,
И о него поранить ручки
Совсем не редкая беда.

Как будто вечную угрозу
Тает он в розовых устах:
Когда сорвать захочешь розу, —
Подумай прежде о шипах.

Прудный тrophей

Счастливое свойство памяти — бережно хранить хорошее и предавать забвению, окрашивать в розовый цвет огорчения. Возможно поэтому в воспоминаниях об охотах собирается воедино все самое интересное из увиденного, волнующее из пережитого.

Что может быть радостнее, когда на весенней охоте, короткой, как летний дождь, сочетаются и тихая звездная ночь, и розовый рассвет или багровый закат, и концерт ошалевших от встречи с домом дроздов, и все прочее, чем красны и тетеревиный ток, и вечерняя тяга вальдшнепа, и утренняя заря на разливе.

В жизни такое счастливое единение всех прелестей охоты случается так же редко, как редко выигрывают по дежнено-вещевой лотереи, скажем, автомобили. Каждый раз что-нибудь да мешает и вызывает тревогу, волнения. Прежде всего «оргвопросы»: достанутся ли путевки и в какое охотничье хозяйство, удастся ли вырваться с работы, как с транспортом? Ценой потери некоторого количества невосстановляемых, как известно, нервных клеток они решены.

А погода? Ох, как редко весь путь нам освещает солнце. То ветер, то дождь, то холод, а то и органическое сочетание и того, и другого, и третьего. Словом, редкая поездка обходится без каких-либо трудностей, осложнений, а иногда и просто неудач.

Но всегда на охоте испытываешь и щемящее чувство ожидания, и сменяющиеся чувства неуверенности, тревоги, радостного удовлетворения. Надежды и разочарования, радости и огорчения идут рядом. Смотри только зорче, слушай внимательнее и встретишь уйму интересного, нового, необычного, волнующего.

Нашему охотничьему коллективу «за успехи в соцсоревновании по охране и воспроизводству охотничьей фауны» вручили лицензию на отстрел глухаря — так сухо формулировалось разрешение на редкую по красоте и переживаниям охоту — весенний глухаринный ток. Никогда ничего не выигрывал, даже в самые заманчивые, казалось, беспроигрышные лотереи, а здесь единственный глухарь и тот по жребию достался мне.

Словом, начало многообещающее. Вот только солнце не разделяло моей радости и не одарило своей благодатью — погода выдалась на редкость неудачная: холодно, хмурое небо сеет мелкий осенний дождь, удивительно темная, безлунная, прямо-таки октобрьская ночь.

Ю. КАММЕРЕН

Сижу на базе вторые сутки. Сильный порывистый ветер вселяет надежду на улучшение погоды, но она словно решила опровергнуть упреки в непостоянстве. Даже синоптики, кажется, смирились с безысходностью обстановки и никаких изменений в ближайшей перспективе не обещают. Одну зарю пропустил — не хотелось обеднять охоту: ну какой ток без восходящего солнца, без птичьего гомона, без щелчка фотоаппарата! Но завтра надо уезжать, придется ночью идти при любой погоде.

Увы, она не изменилась и в последние часы, только ветер проявил лояльность и несколько поутих. Идем вдвоем с Алексеем Ивановичем — опытным егерем, старожилом здешних мест. Как только закрылась за нами дверь охотничьего домика, словно окнувшись в чернильную темноту. Вышли на открытое место, но и здесь своего спутника, вышагивающего на расстоянии вытянутой руки, скорее угадываю, чем вижу. Свернули на лесную дорогу под полог высоких сосен и хмурых елей. Темнота стала еще гуще.

Алексей Иванович подсвечивает фонариком с умирающей батарейкой, тусклое рыжее пятно неровно бежит перед нами. Пересекаем линию высоковольтной передачи, на высоких металлических мачтах что-то потрескивает и мерцает голубыми огоньками. На старом замшелом пне еловая веточка — метка егеря, отсюда по едва заметной тропке надо пересечь топкое болото, поросшее низкорослой сосной, хилям, теперь сухим и ломким, тростником.

Идти по воде меж высоких кочек очень трудно — ноги вязнут в торфяной жиже, руки заняты: в одной — ружье, в другой — тяжелый телевик, недостает третьей для палки. Шагаю наугад, как с завязанными глазами, ни зги не видно. Как это я не взял с собой фонарик? Поминутно спотыкаюсь, чтобы сохранить равновесие, судорожно хватаюсь за редкие веточки тростника, но они не всегда под рукой и не всегда помогают, и тогда, поднимая вверх ружье, валиюсь либо на кочки, либо в воду. Быстро стало жарко, рубашка прилипает к телу, часто бьется сердце, дышу как загнанная лошадь. Алексей Иванович, подсвечивая себе под ноги, да еще с палочкой, как ни в чем не бывало, посмеиваясь, идет впереди.

Чертовски хочется остановиться, перевести дыхание, но мешает самолюбие. Не скажешь же ему, что ты только после тяжелой операции, что не разрешены никакие физические нагрузки, а что мне далеко за шестьдесят, он и сам видит. А скажешь, сейчас же последует резонный вопрос: зачем же поехали, если нельзя? В самом деле, зачем? Здесь не ответишь: нужда заставила. Единственное мне ясно: как летчик не может не летать, так и охотник не может не летать, так и охотник не мо-

жет в короткие дни весенней охоты усидеть дома.

Где-то посередине болота поднятая нога зацепила за кочку, и я со всего размаха лечу на землю — сильный удар, и на миг показалось, что внезапно рассвело и яркие лучи солнца бьют мне в глаза. С трудом поднимаюсь, рассвет также внезапно погас, по лицу течет что-то теплое и липкое, в голове шум и звон, во рту кровь и какой-то непорядок.

Ленинградцы, когда хотят сказать о чем-то очень редком, часто вспоминают своего слона: «Один у нас был на весь город, но и в него попала бомба». Кажется, со мной произошел еще более уникальный случай: прямое — снайперское — попадание лицом в пень, который оказался, как выяснилось при возвращении днем, единственным на всем пути через болото.

Ерger не прочь вернуться назад:

— Подождите до следующей весны. Ну, куда в таком виде пойдете?

Действительно, вид у главного специалиста института, прямо скажем, не соответствовал ни должности, ни возрасту: лицо в крови, весь мокрый и грязный. Хорошо ему подшучивать: сам-то каждый день в лесу, годами много моложе и идет налегке с фонариком и палочкой — явное неравенство. Может быть, это последняя охота на глухаря — жди, когда еще порадует жребий. Нет. Только вперед!

Вторая половина пути оказалась ничуть не легче первой, но вот наконец под ногами стало тверже, сосны вроде бы подросли и стали выше, и гуще. Еще немного, и Алексей Иванович остановился:

— Вот здесь пел один петух, дальше еще четыре. Давайте немного постоим.

Ничего не слышу, кроме глухих ударов собственного сердца да мерного шума дождя. Робко чиркнула какая-то пичужка и тут же, точно убоявшись ранней поры, умолкла.

— Не слышно что-то, — говорит егерь, — пойдемте дальше.

Осторожно, останавливаясь каждый десяток шагов, продвигаемся в глубь леса. Со стороны болота доносится громкий, протяжный рев.

— Это же лось! Но у лосей брачная пора в сентябре. В чем дело, Алексей Иванович?

— Мы попали в чужие владения, нас погулял хозяин здешних топей и бора и предупреждает: место занято, пугает. Обратили внимание, где ревет?

— На вашем следу.

— Правильно. Обратно пойдем, налеворное, встретим.

В белесом полумраке невидимый, с хорканьем тянет вальдшнеп. Опять только глухой шум дождя, да крупная капель с деревьев мерно бьет по плащпалатке.

— Поет! — Алексей Иванович предстерегающе поднимает руку.

Доносится робкое, приглушенное расстоянием щелканье, и опять тишина. Толи подшумели, то ли певцу что-то мешает, но ничего больше не слышно.

Опять робкое щелканье, и снова длительная пауза. Где же полная песня? «Осторожничает, — шепчет егерь, — в него на дни стреляли».

Наконец после щелканья двухсекундное скрежетание — будто косу кто чит: «вчижи, вчижи». Вот в эти-то короткие 1,5–2 секунды птица ничего не слышит, точно глухнет, отсюда, должно быть, и ее название глухарь.

Снимаю плащ-палатку, оставляю фотоаппарат с телевиком — бессмысленно надеяться на снимок в такую хмарь — и жду песню. Зашелкал, но опять не точит. Наконец полная песня, вторая, третья. Теперь пошел. Делаю один, редко два шага — тяжело идти по кочковатому болоту.

Глухарь поет как-то вяло, будто нехотя: или дождь снижает накал страсти, или повышенная бдительность после встречи с человеком. Нужна выдержка и еще раз выдержка. Одно неосторожное движение и... услышишь только шумный взлет испуганной птицы. Но как тяжело эта выдержка дается.

Щелканье, сейчас последует точение, рванулся вперед, и... глухарь замолкает. Стою на одной ноге в неудобной позе — даже рукой не за что ухватиться. Певец после щелканья и перед точением какую-то долю секунды прислушивается, а я опередил события. Это так же опасно, как и запоздать с прыжком.

Опять надо мной с грустным «хорхор» тянет вальдшнеп. Сейчас, кажется, я бы его увидел, но боюсь поднять голову и шевельнуться — глухарь где-то недалеко и внимательно смотрит и слушает.

От нелепой позы онемели даже руки, а петух все молчит и молчит. Сил больше нет, осталось единственное желание выпрямиться, нога уже опускается, и... раздается песня.

Пропускаю несколько куплетов — с наслаждением (иначе и не скажешь) отдохну, выпрямившись на двух ногах, и снова несколько прыжков под прикрытие небольшой елки. Осторожно под песню, не замечая струек холодной воды, попавших за воротник, выглядываю из-под нависших мохнатых ветвей.

Вот она — царственная птица — на вершине стройной сосны с распущенном веером хвостом и вытянутой в характерной позе головой. Опускаюсь на колени и, позабыв обо всем на свете, любуюсь мошником, слушаю страстные песни. Постепенно светлеет, различаю все театральные позы, какие принимает токующий глухарь.

В охотнике противоборствуют два чувства: заложенное природой естественное желание добыть заветный трофей и чувство художника-созерцателя, которому дороже всего нежный рассвет, любовная песня дикой птицы...

Порой второе чувство побеждает, и охотник не решается выстрелом прервать сказку. И со мной такое случалось, правда, не с такой редкой добы-

чей. Когда петух стал проявлять беспокойство и, как показалось, собрался улетать, завороженность моментально спала, по привычке под песню вскидывая ружье, глухо звучит выстрел, птица грузно, камнем падает, трепетные взмахи крыльев, и все затихло. По старой охотничьей привычке, не трогаясь с места, перезаряжаю ружье, но стоило опустить глаза и поднять их вновь, как стройная сосна, украшенная изваянием глухаря, потерялась, стала ничем не отличимой от соседок.

Да, кажется, стрелял под этим деревом. Но почему его здесь нет? Делаю небольшой кружок, второй — как в воду канул. Даже в дрожь бросило — неужели подранен и убежал. Погубить такую красоту...

Алексей Иванович полувслух произносит, как догадываюсь, что-то не очень лестное в адрес московских охотников.

Вернулся к елке, из-под которой стрелял, посмотрю еще вот под той сосной. Да, конечно, токовал здесь — кругом помет. Значит, облюбовал это дерево давно и прилетал сюда не раз. Но и здесь его не видно. Срам.

Черт возьми, да вот же, между двух кочек, торчит хвост. Как он красив, старый петух. На темно-серой, почти черной голове с коротким белым клювом сочные, ярко-красные брови, черная с бронзовым отливом грудь.

Выбрали посуще местечко, сели отдохнуть. Егеря закуривает.

— В прошлый выходной к этому глухарю помоложе вас профессор как-то подходил. Опытный охотник, как говорил, а промазал. Как в такую машину не попасть, да еще в ясную зарю? Глухарь после выстрела ко мне подлетел, сел на землю шагах в тридцати и гуляет как ни в чем не бывало. Несколько раз свистнул — птица не обращает внимания, не обратил внимания и профессор, впрочем, как он мог догадаться, что глухарь здесь? Так и улетел. — Затянувшись, Алексей Иванович продолжил: — Профессор допустил еще ошибку: сразу после выстрела пошел искать

тех четырех петухов, что пели дальше... Нельзя так, они тоже услышали выстрел и устроили «перекур». Ну, конечно, подшумел и тех.

Рассвело. Тихо, только мерный шум дождя.

— Может быть, попробовать подойти еще к одному, чтобы сфотографировать?

— Не успеете, — отвечает мой спутник, — в плохую погоду раньше кончат петь.

Впрочем, и сам понимаю: если и успею, то что может получиться в такой дождь? Пошли домой.

Алексей Иванович оказался прав. Недалеко от края болота на фоне желтых тростников и низкорослых сосен скользнуло изваяние. Лось! Да, тот самый, что пугал нас на рассвете. Здесь на переходе он и ждал нас. Громадный бык (вот с ним бы встретиться зимой на номере) воинственных намерений не проявил и с достоинством, не торопясь, удалился в глуши лесных дебрей.

Днем болото преодолели значительно быстрее, чем ночью, и без всяких последствий. Вышли на «твердую» землю. Много следов кабана. Как быстро разрослось их стадо. Лишнее свидетельство тому, что можно сделать при правильном ведении охотничьего хозяйства.

Труднее оказалось сохранить глухаря, но и это здесь, на воспетой Пришвином «журавлиной родине», удалось.

— Совсем еще недавно, — вспоминает егерь, — эту редкую дичь выбили почти начисто. Но стали строго охранять, и древняя птица вновь возродилась в глухих угольях.

Послышались клики ворона.

— Услышал нас, — заметил Алексей Иванович, — у него здесь на высоковольтке гнездо.

— Где, где? Я не слышался?

В самом деле, из железного желоба на самом верху ближней мачты, что стоит рядом с лесной дорогой, торчат сухие ветки. Такую редкость нельзя не сфотографировать.

— Вот уж который год подряд устраивает гнездо либо на этой, либо на соседней мачте. Чем она полюбилась остерожной птице, понять не могу?

Как видно, тенденции к углублению урбанизации нашей жизни не обошли стороной и птичий мир. Если уж такая нелюдимая птица, как ворон, привычной лесной глухомани предпочла для квартиры творение рук человеческих, то что же говорить о других птицах, которые к нам ближе.

Грачи, например, все чаще оставляют кочевую жизнь аграрников и становятся оседлыми горожанами. Особенно много их зимует в Москве.

Вот и кончилась охота. Не сопутствовали ей ни ясная звездная ночь, ни нежный розовый рассвет, но переживаний, волнений, удовлетворения она доставила столько, что буду жить ее до... следующего весеннего тока — вдруг этот глухарь окажется не последним.

Ну, заяц, погоди!..

В. ГРЕКОВ

ралась ватага человек пять-шесть бессобачных и шли в разведанные места, порой за 8—10 километров, где кто-то из них видел или слыхал о следах зайца.

Обычно охота протекала следующим образом: дед, зная все места, расставлял неопытных (бывалые становились сами) и отправлялся с собакой подымать косого. И действительно, вскоре воздух оглашался собачьим лаем, затем следовал выстрел и крики: «Гоп, гоп, дошел!», счастливчик демонстративно медленно отрезал пазанки для собаки, подвешивал добычу на ремень и закидывал через плечо. Я сквозь щелочки больных век с завистью мог любоваться зайцем лишь таким вот образом. В то время я был чрезвычайно слаб, а на такого, как известно, садятся всякие болячки. Меня тогда замучили ячмени: один нарыв созревал, а на смену ему зарождались три новых, оповещая зудом о своем скором появлении. И сколько из-за этого я натерпелся обид, так как, по местному обычанию, надо невзначай харкнуть в глаз, и ячмень пропадет. В общем, я просто устал драться с доброжелателями.

Как-то дед спросил:

— Чаво это тебя мать не вылечит, бают, что она врач знатный?

— Она предлагает аутогемотерапию, то есть взять кровь из руки и всадить ее в задницу.

— Давай я тебя вылечу, — предложил Микадо.

— Хорошо, только не плой в глаза, не помогает.

Итак, для лечения после очередной охоты дед прислал ползайца, рассеченного вдоль позвоночника. Я должен был сбрить с лопатки и почки жир, выпотить в русской печи и закладывать полученное снадобье под веки и смазывать их снаружи. Зайца с настежными доставили утром. А когда я вернулся из школы, оказалось, что бабушка уже подготовила из дичины замечательное жаркое. Во второй раз дед прислал уже выпотленное сало, и я начал лечение — сало щипало веки, но это были цветики по сравнению с ячменями. И надо же, вскоре ячмени начали пропадать: чувствуя, что завязывается в глубине, начинает зудеть и рассасывается, а затем и напоминания прекратились. Великое спасибо деду Ми-

Фото А. Севастьянова

Как ни странно, но моя охотничья карьера началась с зайцев, и, естественно, к ним был особый счет, и, словно папановскому волку, впору было кричать: «Ну, заяц, погоди!» Так, на первой охоте результативнейший охотник Горьковской области преследовал по ветру (?) зайца чуть ли не десяток километров, а при возвращении против ветра жестоко обморозился. С тех пор прошло больше полу века, а до сих пор — руки, уши и нос не терпят холода!

Когда я стал наконец счастливейшим обладателем на редкость потрепанной одностволовки 24 калибра, то первый в жизни выстрел из ружья был опять-таки по зайцу, который, обнахалившись, прибежал днем в город гладить деревья. Этот косой после выстрела на махах укатил за окопицу, а гвоздь, что заменил боек, отразившись от курка, улетел невесть куда, не причинив мне вреда.

Мои теоретические познания о зайцах, когда я слушал с величайшим удовольствием рассказы бывалых охотников, росли, как снежный ком в оттепель. Теперь я уже мог отличить, какой след гонный, какой живорочный, какой идет на лежку, и наконец уяснил главное: заяц, путая следы, перед тем как залечь, делает сдвойку, возвращаясь в пятю, и сметку в сторону обычно под прямым углом, а самые хитрые делают по 5—6 сметок под острым углом, и, чтобы их взять, надо тут же бросать след и обходить кругом наиболее вероятные места для лежки. Кроме того,

не следует терять времени в короткий зимний день на распутывание жировки — ее надо просто обходить и высматривать выходной след, который обычно ведет к лежке.

В общем, в теории я преуспел, а вот на практике зайцы бессовестно надували меня, и немудрено, что я пристал к специалистам. Как это случилось — запамятаю, но в южной части райцентра Шатки, на главной улице жил знатный зайчатник, дед Шерстобитов, что никогда не спал всю долгую ночь сидел, словно сырь, на печке, решая, куда податься на следующей охоте. И еще дед был знаменит своим прозвищем: у всех прозвища как прозвища, без них волжско-камском krae не принято, а вот у деда экзотическое — Микадо! Отчего Микадо, почему Микадо — никто не ведал и, кто ему прилепил необычное клеймо, пояснить не мог. Да и какой он Микадо: среднего росточка, сухонький, из огромных валенок торчат, как палки, худющие ноги, на голове неизменная шапка с одним ухом, торчащим вверх, потому что этим дед хорошо слышит, а в другом ухе постоянно звенит.

Ходил ли дед летом по перу, не знаю, не встречал, но вот зимой гонять зайцев для него дело святое, а посему он держал русскую гончую. Честно говоря, она доброго слова не стоила, но дед не менял кобеля; может, из сердобольности, а может, ему доставляло удовольствие постоянно выправлять скользы питомца и править бал. Посему дед один не охотился, и на выходные соби-

кадо, жаль, что поздновато начал лечить, так как старческие мешки под глазами еще долго и не по возрасту сохранялись на моем лице. Но это еще что! В то время я не верил ни в чертовщину, ни в какую ни есть магию. Взрослые меня предупреждали: «Не садись по большому делу под куриным насестом — бородавки замучают». Я же облюбовал нарочно запретное место, и точно замучили бородавки — буквально обсыпали все руки. Увидела это ветхая старушка Христина и говорит: «Давай я их тебе выведу». Я не мог обидеть дальнюю родственнице и терпеливо сидел, пока она завязывала узелочки на суповой нитке над каждой бородавкой и при этом что-то нашептывала, а закончив, нитку велела бросить в навоз и пообещала: «Как сгниет нитка, так и бородавки сгинут». Не веря во все это, я все же бросил в навоз нитку. Самое интересное, что бородавки, действительно, вскоре исчезли и больше не появлялись. До этого я их вырывал с корнем, прижигал папиросами, но тщетно. Теперь мне известно, что вирус папиломы повинен в появлении бородавок, а вот как вирус оказался подвластен наговорам старухи?

Я стал терять интерес к охоте с гончей и однажды высказал свою обиду деду. Он наконец поставил меня на верное место, впереди всех на дороге, которая метрах в ста выходила из леса и отрезала острый клин березняка. Вскоре Микадо вместе с кобелем подняли на поле русака, и тот, сделав небольшой полукруг, покатил дорогой ко мне. Сердце чуть не остановилось, а душа ушла в пятки. Заяц, добежав до леса, свернулся с дороги и понесся вдоль него полем. Мои ноги примерзли к снегу, я осталబен и не в силах был пошевельнуться, чтобы не испугать косого. Появился разгневанный дед, разбрался в следах и в сердцах сказал: «Надо было бы подбежать, и был бы с зайцем!» Тут же он поставил впереди меня на дороге опытного охотника с двустволкой 20 калибра фирмы «Пиппер-Баярд».

Дед нашел на поле скол, выпрявил кобеля, и вновь начался гон. На втором кругу заяц вновь вышел на дорогу, оказался буквально под ногами у бывалого. Вот он споткнулся, перевернулся через голову и растянулся на дороге. Одновременно показался дымок, и лишь после этого долетел звук выстрела. Чтобы отгадить меня от охоты с гончими, лучшего способа и не придумаешь!

Я продолжал бывать у деда, ходил с ним по кунице и на другие охоты, собирал в лесу дикие семена пчел, но с гончими — завязал! В общем, решил тропить зайцев во время зимних каникул в селе Михайловке, где не было охотников и куда не заглядывали пришлые.

Перед каникулами разжился припассом, а вот капсюлей не нашел, и за ними я отправился к Сергею Карягину, что жил возле бывшей речки Ванячки. У него я получил немного капсюлей и

пожаловался на погоду: «Небо вызвездило, ударили мороз, снег хрустит, какая уж тут охота!» — «Не боись, завтра будет пороша, — успокоил он. — Смотри, кошка когти дерет». Действительно, кошка встала на задние лапы и, прогнувшись в спине, царапала ножку лавки. Вот так с надеждой на лучшую погоду я отправился вовсюю.

Еще потемнело я собрался, взял в подарок два яйца, сваренные вкрутую (без подарка не принято), привязал на веревочку лыжи, чтобы катились за мной по дороге, и вышел на улицу. При этом первое, что удивило — потепление, небо заволокло тучами и на земле была самая настоящая пороша!

Примерно на полпути нового снега стало меньше, а через 10 километров, в Михайловке его выпало самую малость. Выходит, что кошки способны предсказывать погоду даже на крошечной территории: вот и не верь приметам.

В первый день, отдохнув малость, я устремился на охоту, но к этому времени следы занесло ветром, и я ехал просто наугад по Глинницам. В вершине небольшого овражка, занесенного снегом, вдруг подбросило правую лыжу, и из-под нее выскоцил здоровенный русачина. Сначала я опешил, затем начал лихорадочно снимать ружье, на детое, как принято, через плечо, и, когда я наконец был готов к выстрелу, косой скрылся за бугром. Все каникулы каждый следующий день я начинал охоту с этого самого места, где выскоцил заяц, или приходил сюда среди дня, так как меня неодолимо тянуло в этот овражек. А заяц, видимо, наоборот, избегал это место, где допустил непростительный промах, потому что ни в этом, ни в следующем году я его больше там не встретил. Этот урок я запомнил на всю жизнь, и, когда меня зовут в то место, где гоняли что-то, стреляли во что-то, я не устаю приводить этот поучительный случай.

Первые дни нам не везло: то погода не та, то, подняв зайца, мы гоняли его полный день, то подшумела постоянно сопровождавшая ватага ребятишек. А вот на Рождество нас с братом Борькой разбудила тетя Надя стихами, из которых выходило, что на дворе отменная пороша, а охотники спят. Более того, на столе нас ждало праздничное угождение: стопка горячих блинов, испеченных в русской печке.

Когда мы вышли на улицу, брат решил оббить лед на лыжах, который всегда образуется под ступнями. После третьего удара прикладом берданки 28 калибра... грязнул выстрел. К счастью, никто не пострадал, но нам пришлось вернуться и зарядить пустую гильзу, так как их было всего три штуки.

Уже совсем рассвело, когда мы, сопровождаемые ватагой мальчишек, пересекли улицу и направились к Глинницам, но сразу на дороге, что за огородами, взяли два следа. Зайцы прошли метров 300 и жировали на озимке ночью, о чем свидетельствовали характерные следы и копки. Следуя настав-

лениям бывалых, мы стали облезжать путаницу следов на живорке. Вот и первый деловой след — уступаю его брату, за которым увязались соглядатаи.

Вскоре попался и второй выходной след, который повел к надувам у изгороди палисадника... Но тут раздались вопли отковавшихся: «Заяц, заяц! Бежим, скорее...» Действительно, стронутый косой промчался мимо мельницы и скрылся за покатом к речушке Нарзимке, а вслед за ним умчалась завывающая разноголосая дружина, и я остался один, ибо твердо усвил, что здорового зайца не догонишь.

Как только округа успокоилась, я двинулся по следу. Вот и скидка, одна единственная. «Видать, молодой и ленивый», — подумал я. Сбросив в сторону надувов, он выкопал в них нору. Я приготовился, сердце бьется так, что, наверное, косой услышит. Во рту пересохло. Тихонечко приближаюсь, но заяц нора не понравилась, и след ведет дальше. А вот и вторая! Подхожу вплотную, благо снег мягкий, заглядываю в настоящий тоннель и ничего не вижу, ишу след, но он кончается у входа этой норы. Значит, заяц здесь! Стою, трясусь от волнения; наконец голова начинает что-то соображать, как вдруг метрах в двух от входа взметнулся снег и сизый русак помчался в полуугон. От неожиданности я выстрелил навскидку и надо же — попал! Вспыхнув выскоцил из лыжных ремней и буквально по пояс в снегу полез к долгожданной добыче. Боюсь, чтобы не ушел, а заяц даже не пошевельнулся — уж больно много дроби в него попало накоротке.

Только я подвязал зайца и направилсь вслед умчавшимся, как из-за бугра появилась разгоряченная погоней рать во главе с братом. Когда они увидели зайца, то общему восторгу не было предела. Как только все утихомирились, я спросил: «Ну что, догнали зайца?» — «Чай, его догонишь, вон какие у него ноги длинные», — ответили хором. «Так, значит, не надо больше гонять», — заключил я.

Близи Нарзимки нам попался еще один след, судя по его характеру, вел к лежке. Однако он довольно долго прямовал и привел к овражку. Брат пошел по правой стороне, я — по левой. В овражке печатный след говорил: одна сдвойка и сметка под правый склон. Следуя взгляду по следу, я вдруг увидел под надувом в неглубокой лежке зайца. Показываю Борьке знаками, что, мол, заяц под тобой, будь наготове, и не знаю, почему не стреляю, хотя до него не более 20 метров. Брат не понимает и разводит руками. Так мы семафорили друг другу, пока косой внезапно не прыгнул вниз и помчался по дну овражка к недалекой вершинке. Метров с двадцати мы выстрелили разом — полетела шерсть, заяц же как ни в чем не бывало укатил по полю и скрылся из виду. Мы пошли по следу, но счастливчик не только не хотел умирать, но даже не кровил по следу. Пару километров косой шел на больших ма-

хах, затем пересек Назимку, забрался на Новискую горку, и там мы его потеряли в путанице следов других зайцев.

Нам ничего не оставалось, как начинать все сначала. Решили обходить жировку (не менее двух зайцев) с двух сторон... Борька на изготовку пошел в самую путаницу следов, и у него выскоцил огромный русачина. Прогремел поспешный выстрел — и заяц, спрятавшись, припадая на переднюю ногу, поковылял к перелескам. Оказывается, брат заметил в жировке покопку, решил проверить и выгнал зайца. Больше мне не приходилось видеть лежку на месте жировки.

По всем рекомендациям бывалых, раненому зайцу надо дать облежаться с часик, и тогда он подпустит, а так можно гонять по горячке хоть целый день. Но у нас не было времени. Вечерело. Поэтому будущего охотника Владию Кармишина мы послали по следу, чтобы он гнал и время от времени покрикивал.

Не знаю, из каких соображений я выбрал низинку и расставил вдоль нее ребятишек, затем поставил брата и встал сам. Вскоре покрикивания Влади стали приближаться: тревожно зачевенькали птички, и в лощинке показалась заяц. Он медленно ковылял вдоль

нашей цепи. Смотрю, брательник целился, раздается выстрел, а заяц продолжает бежать в таком же замедленном темпе. Вот он на моем уровне, я тщательно выцеливаю, стреляю, но заяц, как заговоренный, спокойно прыгал дальше. У брата кончились патроны, а я, перезаряжая на ходу, пустился вдогонку. Метрах в 50 он закопался и был извлечен из норки. Дома мы взвесили обоих зайцев: молодой самец потянул на 4,5 кг, а старая самка ровно 7 кг! Разделав зайцев, мы отрубили половину вдоль хребта загонщику и наконец разговелись зайчатинкой, добытой самостоятельно... А дальше пошло и поехало — лиха беда начало. Ежедневно, хотя и не было порош, мы успевали найти одного-двух зайцев, пока эти следы вновь не заметало. Обычно зайцы залегали в огородах, под амбарами, у скотного двора и на околице по мини-речушке Нивлейке, которая владела у кладбища в Нарзимку. На удивление сочными именами наградили предки эти ручейки и речушки.

Провожать меня домой пошел брат. Планировалось, что за Новой деревней я выйду на большак и двину в Шатки. Однако возле Новой деревни попался след, ведущий на лежку. Решили про-

верить, тем более что было попутно. Вскоре след скрылся под амбаром. Я велел брату шумнуть, а сам вышел на противоположную сторону. После первого окрика заяц выскоцил вблизи и был чисто взят. Итак, домой я вез трех зайцев и подарок тетки — два яйца, сваренных вкрутую, ведь без подарка не принято!

Благодаря деду Микадо, охоту с гончими я так и не полюбил, хотя, учась в Московском пушно-меховом институте, мы вместо собаки пользовались услугами второразрядника по бегу, студента нашей группы А. Никульцева. К его чести, на гону он был неутомим, имел высокий доносчивый голос, и из-под него мы взяли немало беляков. Но все это не то, а вот тропить для меня и сейчас огромное удовольствие. Будучи на юге Азербайджана и в Северном Причерноморье, в редкие пороши, когда зайцы делают сплошные тропы, поскольку их там не в пример больше, чем в средней полосе, я нашел решение, как довольно быстро их находить. Теперь и сын мой не признает лучшей охоты по зайцу, чем тропление по поздней пороше. С моими фоксиками весьма добычливо трусить лесополосы, но все же тропление гораздо интереснее.

Двоюродные братья Николай и Борис на охоте

Фото В. Грекова

В сентябре минувшего года, отработав в отделе собаководства МООиРа более сорока лет, вышла на пенсию Нина Викторовна Мамаева.

С 1969 года она бессменно несла на своих плечах совсем не простые обязанности начальника этого отдела. Пытаюсь понять, где брала силы эта милая и всегда доброжелательная женщина для того, чтобы не просто вести работу в обществе, а сделать отдел известным и уважаемым кинологическим центром. Хорошо представляю, как непросто, с одной стороны, выполнять требования председателей МООиРа (таких разных, как Николай Сергеевич Беляев, Иван Михайлович Куприянов, Иван Васильевич Величкин, Владимир Петрович Туманов), а с другой стороны — руководящие инициативы кинологического совета. Но набережка труднее всего было с охотничьем собачьем общественностью. Ведь некоторые из нас ведут себя как президенты «народной лиги экспертов» или председатели комитета ветеранов броуновского движения. Конечно же таких «председателей» было не много.

Не представляю, как можно было не завалиться документами, связанными с племенной работой по всем породам, с отчетами и документами по полевым испытаниям и состязаниям. Да и их организация в нашей области дело далеко не простое.

А проведение только одной выставки, кажется, может унести половину жизни. Но ведь выставки проводились ежегодно не только Московские и областные, но и Всероссийские и Всесоюзные. Так вот, пытаясь ответить на вопрос, где Нина Викторовна брала силы и что ей помогало, невольно вспоминаю свои впечатления сорокалетней давности, когда впервые для приобретения щенка гончей при-

Нина Викторовна Мамаева

шел в отдел собаководства, который в ту пору «прятался» в закутках проезда Владимира. Увидев молодую очень красивую женщину с добрыми чистыми глазами, совсем не сразу вспомнил, зачем пришел. Еще осталось ощущение какой-то необычайной доброжелательности.

Казалось, что она говорит не с только что вошедшим незнакомым человеком, а со старым и добрым другом. Пожалуй, в Божьем даре относиться ко всем с любовью и есть ключ ее жизненного успеха.

Всем нам очень повезло, что Нина Викторовна оказалась «на местах и по образованию и по сердечной привязанности к собакам. Сегодня о десятилетиях в самом центре кинологической жизни Нина Викторовна вспоминает как о самом значительном общении с выдающимися кинологами — яркими людьми: Сергеем Васильевичем Бутыгиним, организовавшим во время войны выдачу продовольственных карточек на охотничих собак, что серьезно помогало жить и их владельцам; легендарными лаечниками: Людмилой Владимировной Ушаковой, Иваном Сергеевичем Зажиловым, Владимиром Васильевичем Григорьевым; выдающимися экспертами-кинологами по легавым собакам: Александром Александровичем Чумаковым, Евгением Эмильевичем Клейном, Борисом Александровичем Калачевым, Петром Михайловичем Юдкиным. Конечно же собаки и охота были основными средствами восстановления душевных сил. К счастью (и для всех нас), рядом есть очень крепкое и надежное плечо, светлая голова и доброе сердце — Валерий Владимирович Бедель. В значительной мере благодаря их совместным усилиям наше собаководство избежало полного раз渲ала на отдельные секции, частные питомники и клубики.

Уверен, что многие тысячи охотников (тех, кто охотится с собаками) объединяются в искренней благодарности Нине Викторовне и пожелании еще многих удачных охот и здоровья всей ее семье, включая собак.

В. ТИХОМИРОВ

УВАЖАЕМЫЕ ОХОТНИКИ, РЫБОЛОВЫ И ТУРИСТЫ!
Фирма «Оборонтех» (основана в 1992 году) проводит кампанию по
заключению договоров на 2001 год

Мы предлагаем:

**Свыше 600 наименований охотничьих, рыболовных и туристических товаров
отечественных производителей**

Отгрузку товара по 50 % предоплате и взаимозачету

**Отправку товара в любую точку России багажом,
ж/д контейнером и авиатранспортом**

Заявки по почте и факсу (круглосуточно)

**Офис и склад в одном здании. Удобное место нахождения (район 3-х вокзалов)
Быстрое обслуживание клиентов на складе. Оплата: наличный, безналичный расчет**

Принимаем на реализацию охотничьи, рыболовные и туристические товары

Будем рады сотрудничать с отечественными производителями

Наш адрес: 107140, Москва, ул. Верхняя Красносельская, д. 15, стр. 2, оф. 253

(5 минут ходьбы от станции метро «Красносельская»)

Тел. (095) 264-84-56, 264-80-76, факс: 264-55-01

Мы продолжаем знакомить читателей с охотой в США, с охотой глазами женщины — Джой Мак-Грейл («Охота и охотничье хозяйство», № 11–12, 1992; № 3, 1996; № 1, 2000). На сей раз, живо и эмоционально, как и в прошлых рассказах, речь пойдет о стрельбе фазанов и их подготовлении. Джой уверяет, что охота на фазана — это самая что ни на есть американская традиция. Наши читатели могут быть несколько озадачены: ведь «традиции» этой всего лишь немногим более века... Видно, янки попросту забыли об ее истоках, раз традиция так глубоко вросла в американскую почву. Ради справедливости придется дать справку: в самом деле, фазанов впервые выпустили в 1773 году на территории штата Нью-Йорк, как раз там, где охотилась Джой со своим супругом. Но эта акклиматизация увенчалась полным провалом. Принято считать, что первый удачный выпуск фазанов в США имел место в 1880 году в штате Орегон, на тихоокеанском побережье США. А уже через 10 лет на них разрешили охоту. Мало того, в 1896 году фазаны стали угрожать зерновым! В американской прессе всерьез обсуждался воп-

рос, не превышает ли ущерб, причиняемый этими вторженицами из Европы, ту пользу, которую они действительно приносят? «Посадочный материал» поступал, кстати, не только из Европы, но и из Китая, так что происхождение заокеанского фазана остается неясным и спорным.

Европейцы познакомились с фазаном еще в античности — взгляните на карту Закавказья и увидите ниточку реки Риона, которую греки называли Фазисом. Именно здесь, в малярийных болотах Колхиды, эллины слышали неумолчный хор «тордоканья», как называют крик фазана охотники. Местные названия фазана определенно звукоподражательны: «мирхав» в Армении или же «гыргову» в Азербайджане.

Помните, у Льва Николаевича Толстого в его кавказском рассказе «Набег»: «Из под ног... с тордоканьем и тем звуком крыльев, который невольно заставляет вздрогивать охотника, вылетел фазан и медленно стал подниматься кверху». Словом, перечитайте кавказские рассказы и очерки Л. Н. Толстого, в особенности повесть «Казаки» — о фазанах здесь говорится неоднократно.

Контакты эллинов с Закавказьем еще в глубокой древности хорошо известны: не исключено, что помимо «золотого руна» и прекрасной Медеи греки прихватили на родину и «фазиануса», а латиняне называли птицу, великолепную во всех отношениях, «фазианус колхикус» — фазан колхицкий. Как же не восхищаться? Чего стоило одно оперенье! А тот трепет, о котором писал Толстой?

А гастрономические достоинства?

«Я остановился в гостинице, где останавливаются все проезжие и между тем некому велеть зажарить фазана...», скрушаются Михаил Юрьевич Лермонтов. И далее: «Максим Максимович имел глубокие сведения о поваренном искусстве: он удивительно хорошо зажарил фазана, удачно полил его огуречным рассолом... Бутылка кахетинского помогла нам забыть о скромном числе блюд, которых было всего одно...». Раз уж мы заговорили о Кавказе и кулинарии, на «колхикуса» охотился великий охотник, писатель и гастроном Александр Дюма, причем на родине фазана — на берегах Куры и Риона. Дюма стрелял этих птиц и на своей родине, во Франции. Католические мона-

«Изысканный» фазан

хи привезли фазанов из Рима еще в XIII веке, и они стали обычным объектом охоты в Средней Европе.

На русские и французские традиции могут претендовать и британцы: стрельба «колхикуса» вросла в культуру охоты англичан. Это не удивительно; его ареал, искусственно расширенный и постоянно поддерживаемый человеком, доходит на северо-запад Южной Швеции, Дании, Финляндии и Великобританию.

«Стояла третья неделя ноября, самый разгар охоты на фазанов. В Дальнем Лесу не смолкала пальба... Неподалеку... снова раздалась стрельба. Над верхушками высоких сосен взлетали фазаны. Видно было, как азартно палил молодой мистер Мейер, стоя в конце линии, и слышно было, как со стуком падали подбитые птицы...

Сверху раздался треск. Подбитый фазан-петух, падая по длинной косой траектории, свалился рядом... увлекая с дерева целый ворох сухой листвы».

Этот отрывок принадлежит перу Редьярда Киплинга. Великолепный рассказчик, по сведениям, не охотился, будучи поклонником спиннингового ужения. Но не шапочное знакомство с коллективной охотой на фазанов, точность описания чрезвычайно убедительны.

Блюда из фазана — шедевр европейской

кухни охотничьей кулинарии. Даже убежденный холостяк Шерлок Холмс становится гурманом, когда речь идет о «колхикусе». Во всяком случае, об этом сообщают его летописец доктор Уотсон (а с ним и Артур Конан Дойл): «...на скромном обеденном столе нашей квартички появился роскошный холодный ужин. Здесь была парочка холодных вальдшнепов, фазан, паштет из гусиной печени и несколько пыльных, покрытых паутиной бутылок старого вина».

Эти примеры можно множить бесконечно, и при «ракетном залпе» фазана вздрагивают не только все охотники Средней и Южной Европы, но и добрая половина стрелков на территории азиатского континента: от Турции до Японии. В средневековые охотились на фазанов в Китае и «стране восходящего солнца» с ловчими птицами, преимущественно ястрембами тетеревятниками.

Итак, и с западного побережья, и с востока «фазианус» внедрен в Америку, и он, вероятно, задорно возвестил о себе: «тордок-тордок!»

Напоследок мы не можем не упомянуть, чтобы не помянуть еще одного американского писателя, самого «охотничьего» из всех:

«...когда взлетает фазан, и, как только он поравняется с вершинами деревьев

ев, вы целиитесь в него, потом немного выше, и после выстрела он переворачивается и с глухим стуком падает на землю. Охотиться на фазанов с загонщиками — за это не жаль никаких денег...

Вспоминаешь, каким это казалось чудом, когда ты подстрелил первого фазана, как он с шумом выпорхнул прямо из-под ног на куст терновника и упал, трепыхая крыльями, и как пришлось дождаться темноты, чтобы нести его в город, потому что охота на фазанов была запрещена, и, кажется, до сих пор еще чувствуешь его тяжесть за пазухой и длинный хвост, засунутый под мышку...

Пронзительные строки! Как все узнаемо — разве что мой первый фазан упал колом и не было мне нужды его прятать... Но все это было на «исторической родине» фазана и очень далеко от США. Тем более смириенно склоняю голову перед лаврами Хемингуэя.

Ежегодный отстрел фазанов в США составляет 10–12 млн. штук. Джой МакГрейл между делом сообщает сведения об организации охоты на фазанов в условиях заказчика, а также «диким способом». Правда, ее семейная книга издана в 1969 году, но, мы полагаем, она представляет интерес не только исторический...

А. ЧЕГОДАЕВ

Д. МАК-ГРЭЙЛ

хота на фазана — настоящая церемония. За каждым действием, за каждым способом охоты — целые поколения устоявшихся правил и многолетнего опыта. Так повелось, что на этой традиционной охоте, столь приятной и удачливой, мы буквально следуем старым обычаям.

Стрельба по фазану обычно начинается с начала охотничьего сезона, а наш ритуал — куда раньше, на стенде, используя ручную машинку до самого дня открытия. Мы всегда горчались, когда наша весенне-летняя стрелковая подготовка заметно ухудшалась, хотя было достаточно одного дня охоты, чтобы после полудня вновь обрести спортивную форму.

Этот год, однако, был исключительно тяжелым. Гладкоствольные ружья для фазана бывают либо без дульного сужения с достаточно широкой дробовой осью, если это одностволка; или же они имеют один ствол — цилиндрической сверловки, а другой — небольшое дульное сужение, если это двухстволка. Большой разброс дроби необходим для первого выстрела из двухствольного ружья (обычно из нижнего/правого ствола), а также для одностволки (помпового ружья или самозарядного), поскольку большая часть выстрелов по фазану делается на очень близком расстоянии, а малый разброс делает поражение весьма проблематичным. Трудности этого года состоя-

ли в том, что Билл вообразил, будто мы должны охотиться с полными чоками. «Это куда более спортивно», — заявил он, когда я запротестовала, и продолжил: «И к тому же с полными чоками надо стремиться попасть в голову, чтобы потом не выковыривать дробины во время обеда изо рта». Я звякалась. Фазан — одно из моих излюбленных, дичных блюд, и я уже представляла себе охоту с «сухим счетом».

Но моя вспышка раздражения и плохие пророчества могли привести к тому, что я осталась бы без фазана в сметанном соусе, — поэтому пришлось пойти на семейный компромисс.

Наконец он сказал: «Ладно. Я беру ружье с полными чоками. Если не желаешь, можешь пользоваться улучшенным цилиндром». Я навернула полочек на мой любимый, проверенный годами, Ремингтон до самого предела, и мы отправились тренироваться в стрельбе по тарелочкам.

Это был холодный, пасмурный день в конце осени. Когда мы пришли на стенд, серое небо и изморозь полностью скрыли листву в поле и на деревьях. Сиротливые листья и унылая трава были под стать серому ландшафту — во всех отношениях тусклому и непривлекательному. Было так холодно, что в пору следовало надевать рукавицы, вот только стрельба в них исключалась.

Мы взяли коробку тарелочек и ручную машинку, а также мой дробовик с полдюжины пачек с патронами. Поскольку Билл пользовался 12 калибром, а я

20-м, мы оставили его ружье и патроны, чтобы снизить до минимума рискованную неразбериху при пользовании разными ружьями и патронами.

Зарядив свой автомат, я начала свое уничтожение. Подняв ружье и услышав, что Билл где-то сзади сказал: «Приготовься», я крикнула «Дай!», и желто-черный диск вылетел и понесся по северому небу. Я вскинула ружье и сделала три выстрела подряд, а диск все летел, пока не приземлился невредимым. Я быстро перезарядила ружье, надеясь разбить вдребезги следующую мишень.

На сей раз тарелочка пошла стремительно низом. Я задержалась, а надо было накрыть мишень стволами и вести ими за ней, а затем стрелять!.. Слишком поздно... Я опять услышала «Готовься» и рефлекторно выкрикнула «Дай!». «Голубь» вылетел ввысь правее от меня. Я вскинула ружье, выпалила, и он разлетелся на осколки вместе с грохотом выстрела. Ну наконец-то! Я выкрикивала «Дай!» снова и снова, сделав лишь два чистых промаха.

Билл решил дать мне совет. «Ты не так целишься. Посмотри, мишень летит очень быстро. И не надо целиться в «голубя», а следуй за его траекторией: сначала веди за ним, а потом обгоняй его одним плавным движением. Стреляй лишь после того, когда его обгонишь. Всегда обгоняй цель, иначе всегда будешь запаздывать». Я сконцентрировалась на несущихся тарелочках и золотой мушке на конце ствола,

забыв все остальное, сосредоточившись на двух командах: «Готовься!» — «Дай!», я нажимала на спуск. Следующий час состоял из монотонного ритма бесконечно повторяющихся выстрелов. В конце концов мои руки стали дрожать, а плечо онемело и заболело от отдачи, но зато я разбивала «голубя» в пыль почти каждым выстрелом.

Мы убрали мое ружье и патроны 20 калибра подальше. Я принялась выпускать «голубей» для Билла. Не видя ничего другого, кроме несущихся тарелочек, выпущенных из ручной машинки, я следила за их изящным, по правильной дуге, полетом в унылом сером небе. Однако Билл прерывал их полет с завидной регулярностью так быстро, что в нас утвердилась уверенность в том, что завтра трофеи будут наши. И мы спокойно отправились домой.

Когда мы добрались до заказника, только что начало светать, стоял туман. Тем временем мы зарегистрировались и выпили по чашке кофе, чтобы убить время, пока не развиднеется. С егерем мы пошли выбирать собаку. В питомнике нас встретил настоящий «ад кромешный». Каждая собака старалась перелаять другую и показать свое умение прыгать вверх, заставляя обратить наше внимание на нее и только на нее, чтобы мы выбрали именно ее. Егерь выбрал одну из нескольких сэттеров и выпустил ее. Для охоты она выглядела излишне возбужденной, так что мы начали обсуждать, брать ее или нет, но она схватила руку егеря зубами и сама потащила его в угодья. Мы были поражены, когда выяснили, что этому «игривому щенку» на самом деле 13 лет. Ежедневная охота придавала ей азарт, излишек жизненных сил и моложавый внешний вид. Из-за этого она казалась моложе, чем на самом деле. Ее глаза блестели в предвкушении любимого дела. Она прыгала вперед, бросаясь на вспархивающих фазанов, которые вылетали из кустов по пути к месту охоты.

Утренний туман опустился влагой на листья и траву, а это значит, что фазаны будут сидеть крепко, подниматься неохотно. Однако, как бы то ни было, дичь уже есть и собака тоже. Мы ее отпустили и начали охотиться.

Первый охотничий участок представлял собой пять акров¹ нетронутой травы с редкими желтыми стеблями. Ее окаймляли кустарниковые заросли кизила с яркими розовеющими листьями, а темно-зеленые сосны служили фоном. Я не была уверена в существовании на этом поле хоть одного единственно фазана из-за того, что заросли были весьма редкими и все просматривалось насквозь. Но все же собака, которая тоже включилась в охоту, замерла в мертвой классической стойке — нос вперед, хвост трубой.

Первый выстрел был моим, поэтому я подошла к ней сзади примерно на двадцать футов². Егерь послал собаку

в кусты, чтобы поднять птицу на крыло. Она забегала и замельтешилась, но безуспешно. Егерь так же присоединился к ней, обследуя кусты.

Птица неожиданно взлетела прямо вверх, между собакой и егерем. «Бей!» — закричал он, а я оцепенела. Меня постоянно натаскивали — никогда не направлять даже разряженное ружье в ту сторону, в которую нельзя было стрелять, а егерь все кричал мне, чтобы я стреляла по фазану, находящемуся в 10 футах над его головой. Я не смела и не хотела стрелять, пока птица находилась поблизости от него, но после характерной свечки фазан изменил направление и потянул к дальнему краю поля, в 75 футах отсюда. Когда он отдался футов на двадцать, отлетев подальше от егеря, я выстрелила. Но единственным следствием моего выстрела было только то, что птица удвоила скорость полета. Еще двадцать футов, и я ударила вторым, но с таким же результатом. Команда егеря — бить птицу прямо над его головой — настолько выбила меня из колеи, что я потеряла контроль над собой. Однако я взяла себя в руки, сделала глубокий вдох, задержала дыхание, повела стволом за птицей, опередила ее и выстрелила не прекращая плавного движения ствола. Сложив крылья, фазан рухнул камнем на опушку леса, в 75 футах от меня.

Будучи в полном восторге от выстрела, я возблагодарила Билла за его настойчивые требования по поводу использования полных чоков. На такой дистанции широкая осьбыль была бы совершенно бесполезной. Я повернулась, чтобы поблагодарить Билла за тренировку, которая помогла мне сделать такой удачный выстрел, и увидела, что он выбросил гильзу из магазина своего ружья. Оказывается, он выстрелил одновременно со мной! Так что добыча, видимо, была его, а не моя.

Собака потрусила ко мне, деликатно держа фазана в пасти. Егерь отобрал у нее петуха и с восхищением передал его мне, но мой триумф был омрачен. «Это петух Билла, — сказала я. — Мы стреляли одновременно». Билл запротестовал. Он находился так далеко, что его выстрел не смог бы достичь фазана. Вначале я ему не поверила, а затем постепенно пришла к такому же выводу, тем более что мне привели достаточно доказательств этого. Все на перебой восхищались этой птицей. Это был великолепный, упитанный петух с ошейником; яркий, медно-рыжий с черными и белыми отметинами. Охристые крылья и хвост испещрены черным, и все это украшала радужная изумрудная голова, окольцованный белым вокруг шеи.

Определив его вес на глаз, я поняла, что петух вполне мог сгодиться для роскошного приема на четверых, и подвела эту красоту на пояс.

Собака снова заработала. Она стреляла носилась взад и вперед по полю короткими зигзагами, вынюхивая и высматривая. От травы ее шерсть намокла.

ла, и белая шкура в крапинку превратилась в желтые, влажные комки. Мы двигались шеренгой за ней по полю: егерь следовал рядом, Билл слева от центра, я — справа. Несмотря на неустанный поиск нашей собаки, ни одна птица в поле не поднялась. И вдруг, в самом конце, она вновь встала в стойку; ее нос точно нацелился в центр кустарниковых зарослей высотою в 15 футов. Билл подобрался, а егерь двинулся, чтобы вспугнуть дичь. Еще миг-другой, и мы услышали треск крыльев — птица сидела крепко и наконец-то вырвалась из зарослей, будто взорвалась. Ружье Билла не мешкало, и он сбил ее как раз в тот момент, когда она вылетала из зарослей. Собака вернулась с птицей как раз в тот момент, когда егерь поравнялся с нами. Сеттер положил фазана у ног Билла и начал ждать, когда егерь очистит его пасть от перьев. На сей раз это была курица; она мельче, чем мой трофей.

Мы оставили наших птиц на перекрестье двух участков, чтобы джип, обезжжа заказник, забрал дичь; и затем двинулись к следующему полю. День был солнечным, и листья подсохли. Легкий ветерок шевелил ягоды кизила. Порыв ветра заставлял дрожать и разворачиваться ярко розовеющие листья, изнанка которых мерцала на ветру серебристым отливом, похожим на солнечные блики переливающейся воды. Когда ветерок утих, они сразу же поблекли, будто его порыв вначале включил всю иллюминацию, а потом погасил волшебный свет кизиловых кустов. Перед нами выселились заросли горьковато-сладких ягод. Некоторые из кустов с оранжевыми гроздями достигали 20 футов в ширину, были очень густыми и непролазными. Высокие деревья ясеня безмолвно и безучастно смотрели на игру красок на фоне леса; упавшие стволы скорбно нарушали веселый пейзаж; их мрачная листва, от желтой до бурой, оттеняла окружающее беззаботное легкомыслие.

Следующее поле представляло собою убранный урожай зерновых. Ряды бурых, изломленных стеблей выстроились вдоль десятиядровой³ дорожки с полуядрдовыми интервалами. Земля была голой, уныло-бурой, без всякого подроста, если не считать пропущенных стеблей. И опять я вообразила, что дичь здесь и не пахнет, и вновь я оказалась не права, потому что такая же уныло-бурая фазанка вспорхнула с уныло-бурой почвы; ее черные отметины на оперении точь-в-точь повторяли неправильные черные узоры — тени среди стеблей. Я стреляла трижды, но она улетела невредимой.

Собака была с нами и продолжала работать. Теперь она искала дичь для Билла. Он срезал выстрелом еще одну фазанку, которая перелетала поле. Тем временем мы пересекли этот участок: я взяла еще одну упитанную фазанку, а Билл сбил лоснящегося петуха.

На пути к охотничьему домику мы ре-

¹ 1 акр — 0,405 га.

² 1 фут — 30,48 см.

³ 1 ярд — 91,44 см.

шили вытоптать дичь в молодом лесу. Здесь стрельба была более трудной — птицы срывались под прикрытием веток, мелькая в их просветах. Первая вылетела у края небольшой долины. Билл выстрелил и промазал, фазанка спланировала и укрылась в кустах. Егеря и Билл послали собаку, чтобы ее выгнать, а я тем временем перебралась через увал. Услышав громкий треск крыльев, я обернулась и увидела, что фазан несется прямо на меня, в 20 футах. Я ударила, и петух рухнул прямо мне под ноги. Подняв свой трофеи, я бросилась к Биллу, чтобы похвастаться своим, неслыханно трудным, выстрелом.

Когда я добралась до Билла, то нашла его и егеря ошарашенными. Собака встала в стойку, постояла, сорвалась со стойки, бросилась вперед, вновь встала в стойку и повторила то же самое. За одну минуту четыре-пять раз сконфуженное животное меняло свое положение, продвигаясь на 10—12 футов вперед, вставала в стойку, ее держала и ждала. Мы двигались за ней, теряясь в догадках. Фазанка буквально убегала от нас. Это была та самая птица, в которую стрелял и промахнулся Билл, а потому мы были уверены, что она обязательно должна взлететь. Казалось, словно она изучила правила, согласно которым пернатая дичь должна подниматься на крыло, и потому предпочла удирать на ногах. Мы следили за ней скорее из чистого любопытства, а не ради желания подстrelить эту хитрую курицу. Она же устроила нам прогулку длиною в четверть мили⁴ короткими перебежками по 20 футов, пока наконец-то не поднялась на высокую сосну, прыгая с ветки на ветку, будто берегла крылья, чтобы не превратиться в хорошую мишень.

Бедная собака была совершенно сбита с толку. Ее мировосприятие было разрушено, хотя свою часть она исполнила в совершенстве. Она чуяла птицу, вставала в стойку, бросалась, чтобы поднять ее на крыло. Но вместо треска крыльев, громких команд и обмякшего трофея, который надо было подать хозяину и выплюнуть перья, птица от нее убежала! И к тому же взбралась на дерево. Собака была ошеломлена, она принялась валаивать, находясь на грани истерики. Это беспардонное нарушение охотничьего этикета было свыше понимания для такой воспитанной собаки, и мы решили, что этот опыт слишком силен для ее нервов — пора было заканчивать охоту. Добытых нами пять первых птиц положили в джип, который раскатывал по заказнику, но мою последнюю добычу я оставила себе. Это был трудный выстрел в голову, которым я горжусь, и поэтому пусть фазан так и висит у пояса. Он будет хорошей иллюстрацией, когда я начну рассказывать вновь и вновь про случай с «королевским выстрелом».

Теперь наши ноги гудели от устало-

сти, а плечи — от сотен вчерашних выстрелов. Честно говоря, для охотничьего заказника этот утренний почин был более чем скромным, но для открытия сезона явился хорошей разминкой. Когда мы вернулись в егерский домик, то позволили себе одно из наиболее приятных роскошеств охотничьего заказника: обменяли наших фазанов на добытых кем-то несколько недель тому назад, но зато ощипанных, выпотрошенных, опаленных, выдержаных и замороженных. Наши трофеи попадут в руки каким-нибудь охотникам через две недели.

* * *

Хотя в этом сезоне нас избаловала охота в заказнике, мы стреляли фазанов и в угодьях, расположенных вокруг нашего загородного дома. Были соблюдены те же ритуалы, но не в такой степени. Собака, которую мы одолжили, умела стоять в стойке и выпугивать птицу, но не подавала, считая, что любая птица, которую она найдет на земле, ее собственность. Однако мы все же возвращались «с полем», и хотя шансов на добычу здесь было меньше, зато мы имели возможность стрелять вдвоем.

Почти на каждом поле площадью в пару акров или более того было нетрудно поднять фазана. Если поле было убрано из-под пшеницы, ржи или любой другой съедобной для фазана культуры, то это было еще лучше. Пищи для дичи было хоть отбавляй, хватало и семян диких трав. Мы начинали прочесывать с края поля, двигаясь параллельно, а собака перемещалась зигзагами перед нами. Обычно мы находили одного-двух фазанов на каждом поле и научились находить переходы с местами их кормежки. Такой способ охоты приносил такую же богатую добычу, как и в заказнике.

Основным неудобством охоты за пределами заказника являлась необходимость нам самим ощипывать и опаливать наши трофеи, но в этом деле есть и положительные стороны. Хотя ни один нормальный человек не приходит в восторг от ощипывания, но в конце концов вы получаете фазана, подготовленного для копчения или маринования, а также перья, которые можно использовать для декоративных нужд. Мы отделяем перьями вечерние туфли, ленточки для шляп, рамы для картин и жилеты. В общем, фантазия их использования может быть неисчерпаемой.

Перед тем как мариновать или коптить фазана, мы его потрошим и подвешиваем в пере на 5 дней. Он должен висеть так, чтобы солнечные лучи на него не падали, а температура не должна превышать +3 °C. Сняв фазана, его ощипывают, а затем коптят в течение суток (здесь необходима дре-весина гикори⁵) или маринуют пять суток в вине, уксусе и специях. Если фазан уже замаринован, мы его запе-

каем в сливочном соусе, оттеняющем тонкий вкус вина и мяса, или же сервируем зажаренным в полном оперении.

Мы храним копченого фазана специально для торжественных приемов. Фазан нарезается на тончайшие ломтики, насколько это возможно, и раскладывается правильными рядами, вокруг которых кладутся веточки свежей дикой яблони, с яркими красно-оранжевыми маленькими яблочками и густой изумрудной листвой. Это настоящий шедевр — ему предшествует паштет из фазана, сервируенный под красное бургундское, специально для роскошного послетеатрального ужина. Мы приправляем копченого фазана соусом из смородины, который не мешает тонкому взаимодействию вкусовых оттенков изысканного мяса. Все это представляет собою наилучшее вознаграждение за добычу фазанов.

Поскольку этот «урожай» всегда под рукой, фазан становится обычным блюдом поздней осени и зимой. Мы постоянно им пользуемся и для повседневных обедов, и для официальных приемов. По меньшей мере раз в году мы устраиваем фазанье пиршество для близких друзей, особенно для тех, кто ценит и понимает изысканную кухню.

Перевод с английского
Александра ЧЕГОДАЕВА

**ООО
«Мускон-Лена»
П о к у п а е м:
пантаны марала
(парковые),
хвосты марала,
изюбря
(свежемороженые),
медвежьи лапы
(свежемороженые,
в шерсти),
шкурки белок**

**644074,
Иркутск, а/я 5371
тел.
(3952) 43-32-33**

**Куплю литературу по козерогам,
баранам, о лосе и камчатском медведе.
Тел. (095) 102-73-75
Любовь Борисовна**

⁴ Гикори — род американского ореха.

⁵ 1 миля — 1,609 км.

Куцбезы охотничьей жизни

Поросенок из бочки

Уважаемая редакция! Много лет выписываю ваш журнал. Больше всего люблю читать «Литературные страницы», «На привале», «Голубой песец на ветке», который в последнее время совсем исчез со страниц журнала. Решил написать вам об одном забавном приключении, случившемся со мною во время охоты.

В конце 40-х — начале 50-х годов я любил ездить на охоту совсем недалеко от столицы, в пойму Москвы-реки между городами Раменское и Бронницы. Охота была приличной — множество болотной дичи, да и уток хватало. Давным-давно ничего этого нет — пойма превратилась в огромный город, где вырастают овощи, что, конечно, разумно, но прекрасные угодья исчезли навсегда.

Охотился «самотопом», собаки у меня не было, зато были молодость и неуемная страсть к охоте. В тот выезд, в конце августа, набродившись и настrelявшихся досыта, я к вечеру допался до базы в деревне Кузнецово, где хозяствовал егерь Николай. Ночевал я обычно на полу в маленькой пристройке к дому, там я никому не мешал и меня никто не беспокоил. Так было и на этот раз. Принесли с Николаем матрац, чистое белье, и я накрыл постель, мечтая скорее нырнуть под одеяло. И тут я увидел в углу комнатки высокую бочку, накрытую тряпкой. В ней кто-то шевелился. Егерь перехватил мой взгляд: «Сегодня совсем неожиданно приобриели маленького поросенка у соседей, очень веселеный и шустрый. Завтра хлев почищу и переведу его туда, а сегодня пока в бочку посадил». Я подошел, поднял тряпку и увидел на толстой подстилке из соломы бело-розовое существо. Оно приветливо захрюкало, и я не удержался и почесал ему пузико.

Рядом с постелью положил фонарик, чтобы ночью поглядывать на часы, погасил свет, залез под одеяло и мгновенно уснул. Проспал, по-моему, совсем немного и проснулся оттого, что в бок мне тыкалось что-то твердое. Спросонок махнул рукой и ухватил какое-то живое существо. Сразу не сообразил, откуда оно взялось. Потом вспомнил, что в углу бочки, а в ней поросенок. Наверно, она оказалась дырявой. Произнося всякие нехорошие слова, встал, зажег свет, пошел осматривать бочку. Нет, целая! Совсем не понятно, как этот шустрик вылез, ведь не кот же!

Сграбастал поросичье дитя в охапку, посадил в бочку, накрыл тряпкой и снова нырнул под одеяло. Только начал засыпать, как услышал шлепок под пол и стук копытец, которые явно направ-

лялись ко мне. Я и не представлял, что у маленьких поросят такой твердый пятачок! Оять крепкие и настойчивые толчки в бок, как я понял, с требованием подвинуться.

Какой уж тут сон! Я сгреб младенца в охапку, зажег свет и принял выгребать солому, чтобы уменьшить высоту плацдарма для прыжков. Снова опустил поросенка в бочку, закрыл тряпкой, пожалев, что нечем ее привязать. Залез под одеяло, завернулся поуютнее... Но сон не шел, я лежал и слушал, чем занимается в бочке этот акробат, ведь высокая она, мне до середины груди, а порося совсем маленький. Не спится, этот свинячий паразит весь сон изничтожил. Но в бочке тихо, наверно, утомился. В тишине я расслабился и заснул. Сон мне приснился свинского содержания: по комнате носятся поросыта, хрюкают и тыкают твердющими пятачками в бок... Проснулся, фонарик горел и освещал моего мучителя, который действительно хрюкал и пихал меня в бок. Я схватил животину в охапку, прижал к себе, ошалело соображая, что же с ним сотворить...

Но поросенок победил, я сдался! Подвинулся, положил его себе под бок, накрыл одеялом. И мы наконец успокоились, пригрелись и стали погружаться в сон. Поросенок нежно прижался ко мне, тихонько похрюкивал, будто говоря: «Молодец, догадался...»

Ю. ШЕВЯКОВ
г. Москва

Не суй нос, куда не надо!

Здравствуйте, уважаемая редакция! Хочу рассказать вам довольно, на мой взгляд, смешной случай. Понравится — напечатайте, а нет — тогда просто улыбнитесь вместе со мной.

Отпуск я обычно проводил с семьей в Белоруссии, на охоте, недалеко от города Россонь, на чудесных тамоших озерах.

Приехали мы туда на машине и встали лагерем на небольшом полуострове, недалеко от деревни. В то утро я со спаниелем отправился искать тетеревые выводки в знакомую порубку. Повезло! Сначала собака на небольшом, сплошь заросшем озерце подняла пару кряковых, а затем отыскала и выводок тетеревов, и два молодых петушки попали в ягтдаш.

На обед дичи было вполне достаточно, и мы отправились в обратный путь. Вот уже и дома деревни показались. И тут я увидел двух пасущихся, небольших, очень симпатичных баранчиков. А недалеко паслось стадо овец, которое охранял пастух, сидя на пенечке. Я подошел, мы познакомились, его звали Федором. Я сел рядом с ним на траву, угостил сигаретами, и пошел у нас разговор «за жизнь». Спаниель растянулся около меня и стал подремывать, но внезапно поднял голову и посмотрел в сторону дороги.

Сколько раз твердили миру: с медведем шутки не шути, даже с сидящим на цепи.

Фото Г. Тикка

Пронзенный звуком выстрела

Весенняя охота в этом году у нас в хозяйстве открылась 22 апреля, поздновато, конечно, но что делать. Что есть, тому и рады, ведь готовиться к ней начинаешь с самого закрытия зимнего сезона, ждешь, мечтаешь, строишь планы.

На вальдшнепа зарядился семеркой, на гуся ... И вот эти три нуля решил герметизировать основательно под звезду, а капсюль покрыл лаком. Лак был густой, и слой получился толстоватый.

В день открытия вышел из деревни пораньше, сразу после обеда. До мечты было километров десять, и я решил заглавовременно добраться до места охоты. Добрался без проблем, нашел подходящую вырубку, отстоял тягу. Возвращаться в темноте не хотелось, и я решил заночевать в лесу — мне это не впервые.

Когда совсем рассвело, тронулся в обратный путь. В ствол своего ТОЗ-87 зарядил три нуля. Думал, может быть, ворона попадется. Но ворон не было, и, когда до деревни оставалось километра полтора-два, начался дождь. Жалея ружье, я, не разбирая его, засунул в чехол, предварительно переложив патрон из патронника в магазин. Чехол был матерчатый и быстро намок, а вместе с ним намокло и ружье. Я решил сразу же его пропертеть и смазать.

Вынув ружье из чехла и направив его в стену, решил сначала разрядить. Для этого надо было нажать на кнопку погревателя и затем извлечь патрон из магазина. Но был еще один вариант разрядки, которым я и воспользовался, — резко дернул затвор на себя и отпустил его...

Вначале я ничего не понял. Меня все-го пронзило звуком выстрела, а в голове вопросы — как, почему? Но это произошло — нечаянный выстрел, который мог стать трагедией, поверни я ружье несколько вправо. Там за столом сидел мой отец — он был бледен. Из соседней комнаты вышла мама и спросила, что у нас тут происходит. Не вдаваясь в подробности, я ответил, что взорвался капсюль.

Патрон в патроннике заклинило. Когда я его выбил шомполом, на капсюле не обнаружил следа от бойка, и даже малейшего накола не было. Думаю, что выстрел произошел оттого, что затвор ударили сначала по толстому слою лака и капсюль, сдетонировав, взорвался. Но в первую очередь виноват, конечно, я сам — нарушил правила техники безопасности.

Все мы, как говорится, отделались легким испугом и... испорченным отцовским пальто. Именно в него, слава Богу, и угодила моя пуля, образовав дырку, в которую свободно проходит палец. А в стенке засел заряд крупной дроби...

Б. ПРОНИН
г. Казань

«Однако, это мой теленка...»

Уважаемая редакция! Хочу рассказать вам, что может получиться, если не соблюдать правила охоты.

Приехали мы как-то с Львом Борисовичем в горный аул к кунаку посторожить кукурузу от набегов кабанов. Идя в засаду перед темнотой, кунак Ахмед сказал нам, что все жители аула предупреждены о ночной охоте и весь скот уже загнан в кошары и загоны и, следовательно, в кукурузе может быть только дикий зверь.

Расселились мы по своим местам до темна, чтобы глаза привыкли к местности. Темнота опустилась в горах, как всегда, быстро, свежачок потянул по течению реки.

Лев Борисович сидел на яблоне, на двух жердях не вполне уютно. Время перевалило за полночь, голову окутала легкая дремота, холодок прихватывал поясницу. Но вот в кустах застремился дрозд, показалось темное пятно. Лев Борисович выстрелил картечью. Зверь рухнул, изредка вздрагивая ногами.

Кунак, ставший на веранде, встал, включил освещение подворья, пошел в сторону яблони. Лев Борисович, подав ружье Ахмеду, спрыгнул с яблони, и они двинулись в сторону лежавшего без движения зверя. Осветив его, Лев Борисович обомлел — перед ним лежал телок черной масти. Ахмед, присмотревшись, произнес: «Однако, этой мой теленка, зови ребята свежевать зверя».

Раздельная телка, все вспоминали основное правило ночной охоты: не видишь, не уверен — не стреляй!

Л. СОЛОВЬЕВ
Краснодарский кр.

По дороге шла женщина весьма со-лидных габаритов. Федор тоже ее уви-дел и сказал: «Тетка Настасья идет». Женщина прошла мимо нас, поздоро-валась, помахав рукой, миновала пер-вого по пути барана, а второго остано-вилась (чем-то он ей понравился) и стала гладить. В это же время первый, обделенный вниманием, баран уста-вился на теткин зад, действительно как «баран на новые ворота», затем после-довал стремительный разбег, и он с ходу врезался лбом в это самое место...

Мы с Федором замерли, ожидая воп-лей и ругательств. Однако Настасья не страдала отсутствием юмора. Она по-смеялась, встала и пошла в деревню, постоянно оглядываясь на воинствен-ного баранчика.

Неожиданно Федор тронул меня за руку: «Твой-то ушастик тоже пошел знакомиться». Я обернулся и увидел, что мой пес, можно сказать, «на цыпоч-ках», вытянув шею, подошел и ткнулся по собачьей привычке барану под хвост. Но все повторилось. Агрессив-ный баран, не выдержав такой фамильярности, разбежался и врезал с ходу теперь уже в зад моей собаки. Нос уша-стого воткнулся под хвост понравившемуся ему барашка, и вместе они про-ехали пару метров по траве. У моего четвероного друга с юмором было не очень... И он заносился вокруг обидчи-ка с лаем, всячески понося его на сво-ем собачьем языке. Пришло отозвать пса, сказав: «Не суй свой нос, куда не надо!»

Я срезал хорошую хворостину, по-прощался с Федором и пошел к дому, также не забывая оглядываться и по-махивать прутиком. Не хватало еще и мне получить по заду. Но все обо-шлось.

А. БАТУРИН
Ленинградская обл.

В 30 км от Нижнего Тагила, на вершине горы Белой (715 м), этот глухарь вел себя очень агрессивно: расхаживал между людьми и нападал на тех, кто оказывался поближе, клевал и бил крыльями

Фото С. Гладких

Здравствуйте, уважаемая редакция! Мне 38 лет, в 2000 году у меня был своеобразный юбилей — исполнилось 20 лет, как я вступил в районное общество охотников, и столько же времени выписываю наш журнал. Правда, читать его начал гораздо раньше, поскольку среди соседей было много охотников. С авторами статей мысленно побывал на охотах во всех углах планеты, хотя мои реальные охоты проходили в границах Бежецкого района Тверской области, где я родился и вырос.

За 20 лет было много прекрасных минут и часов, проведенных с ружьем и моими любимыми русско-европей-

скими лайками. Добыто много различной мелкой и крупной дичи, но больше всего мне нравится весенняя охота на пролетных гусей.

Ежегодно несколько тысяч гуменников и белолобых останавливаются на отдыхе на разливах реки Молога. Главное в этой охоте — провести разведку, когда и где пролетают гуси с воды на поля и обратно, сделать хороший складок, и тогда гусиные стаи вас не минуют. И не обязательно отправляться за гусем за тысячу верст в тундру или южные плавни.

Высылаю фотографию, слева — я, справа — мой друг и постоянный спутник на охоте Сергеев Вениамин Сергеевич с результатами весеннего сезона охоты. Нам будет приятно, если вы ее опубликуете. Снимок сделан в апреле 2000 года у деревни Ала-бузино в 7 км от г. Бежецка.

А. МОРОЗОВ
Тверская обл.

Уважаемая редакция, здравствуйте! В № 4 за 2000 год я прочитал письмо С. Семеновой о своем муже охотнике В. Н. Семенове. Удивительно, с каким теплом и любовью относится она к увлечению своего мужа. Но дело не в этом, а в том, что я лично знаю Виктора Николаевича. И какой это замечательный человек, знаю не только со слов его жены.

Мне довелось вместе с ним проживать и охотиться в заполярном городе Лабытнанги, когда он возглавлял там городское общество охотников и рыболовов. Знаю, сколько сил и энергии вкладывал он в это дело.

Наверное, не все охотники знают, что г. Лабытнанги расположен на красивейшем берегу великой русской реки Оби, почти у ее владения в Обскую губу. Великолепнейшие охоты у нас там бывали, особенно на водоплавающую...

Но пишу я не для того, чтобы рассказать о своем друге, это займет слишком много места. Девять лет назад развела нас с ним судьба. Я уехал в Республику Коми, а он, как выяснилось из письма его жены, в Краснодарский край. Так вот у меня к вам просьба, передайте ему мое письмо- обращение: «Откликнись, дорогой дружище, напиши мне, как тебе живется, охотится. Я жду.

Е. ЧУДЕСНИКОВ

Уважаемая редакция, здравствуйте! Примите мою искреннюю благодарность за то, что своим бескорыстным участием помогли мне найти своего друга и очень хорошего человека Семенова Виктора Николаевича, от которого я уже получил письмо и ответил ему.

Надеюсь, вы понимаете, что в настоящее время ощущается некоторый дефицит хороших людей. Отыскать же вновь старого и проверенного друга и товарища по охоте, да еще в Заполярье, — это радость вдвое. Огромное вам спасибо!

Е. А. ЧУДЕСНИКОВ
Коми

Уважаемая редакция! Я занимаюсь промысловой охотой на соболя около 20 лет и являюсь постоянным подписчиком вашего журнала. Мои угодья расположены на западных склонах хребта Сихотэ-Алинь, на высоте 600—800 метров над уровнем моря, в районе им. Лазо Хабаровского края.

Раньше охота была для меня скорее хобби, чем источник доходов, так как я имел постоянную работу с гарантированным заработком. После 90-го года, выйдя на пенсию, охота стала моим основным занятием и источником средств для существования.

С распадом системы госпромхозов и дроблением охотугодий на мелкие хозяйства охотпользователями стали: общины, ООО, заказчики с правом охоты на пушных зверьков и др. В создавшихся условиях охотники попали в крайне неопределенные трудовые взаимоотношения с хозяйствами.

Охотоведы хозяйств или иные лица, получая лицензии на отлов соболя в управлении охотхозяйства, распределяют их среди охотников с обязательным условием сдачи ими добытой пушнины. Все было бы хорошо, если бы цены, назначаемые ими, отличались от рыночных цен в регионе на 10—20 %. Фактически в сезон 1999 года охотоведы скупали соболя якутского кряжа по 250—400 рублей. В результате полного безденежья и боясь потерять угодья, большинство охотников соглашались на этот фактический обман. Реально же сложившиеся цены в хабаровских закупочных фирмах составляли 600—700 рублей. И это тоже — не рыночная закупочная цена!

Ознакомление с ведомостями с пушного аукциона показывает, что соболь среднего качества прошел там по 45—50 долларов, то есть 1200 рублей. Значит два посредника наваривают по 100 % прибыли каждый за счет трудяги-охотника — не слишком ли?

А. СКВОРЦОВ
Хабаровск

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Уважаемая редакция! Я охотник-любитель с 47-летним стажем. На весенний охоте бываю с 1977 года. Провожу ее в основном в Московской области. Езжу на вальдшнепа и селезня утки. Трофеи мои невелики — двадцати вальдшнепа и один-два селезня — и это при удачной охоте за два-три дня.

Но вот по какому поводу я пишу. 14 августа 2000 года по каналу «Культура» показали «шедевр» Межрегионального телевестиваля «Красная книга» под названием «Кому нужна весенняя охота?». Эта передача была изготовлена в Тюмени и получила третий приз (!). Сядься к экрану, я надеялся увидеть пару весенних охот, грамотно отснятых, с объяснением правил и порядка охоты. Увидел же я какую-то абракадабру и услышал анекдот (конечно же, скверный) про охоту. Вернее сказать, полное издевательство над охотой вообще. Что только там не показали: селезня, любовно выращивающего молодняк; раненого волчка (не волка), катающегося по земле после ранения охотником; бедного мишку, на цепи бегающего, и т. п. Но при чем тут весенняя охота?

Неужели на таком солидном канале не смогли найти ни одного компетентного человека, посоветоваться с ним о целесообразности показа всей этой белиберды? Или кому-то неизвестно всколыхнуть старую сказку о вреде весенней охоты и охоты вообще? Все это уже было, все это мы уже, как говорится, проходили! Недосуг было, видимо, авторам этой передачи подумать, что все это приведет к безудержному браконьерству, которого и сейчас хватает. И неужели они думают удержать «богатырьков» на своих вездеходах с автоматами-роботовиками, а может, еще и на вертолете? Ведь многие из них и сейчас с успехом отстреливают все, что хотят, за что простой охотник лишился бы билета, наверное, на всю оставшуюся жизнь.

Так при чем здесь все-таки весенняя охота?? Б. ГУСЕВ
г. Москва

Уважаемая редакция! Выписывая и с удовольствием читаю ваш журнал уже не первый год. С раннего детства отец брал нас с братом на охоту, за что благодарны ему всю жизнь. Основная охота в нашем Приманыче ведется на водоплавающую дичь: уток, гусей, а также на пушных зверей: зайца-русака, лисицу. В последнее время из-за чеченских событий появились волки, чуть раньше — шакалы.

Наибольшей популярностью пользуется, конечно же, охота на озерах, на полях в местах кормежки и пролета, и самый простой способ — самотопом или с подхода. Хочу рассказать об одном случае, происшедшем в минувшем сезоне.

Шел я вдоль степной речушки Чограй, петляющей причудливыми коленцами по балке, заросшей местами камышом и гребенчиком. На заводах регулярно встречались кряквы, обычно стайками по 5–8 штук, иногда и больше. Обойдя кусты гребенчика, осторожно выглянул — ничего нет, направился было дальше, как вдруг сзади шумный утиный взлет.

С разворота выстрелил по крайней, хотя и видел, что далековато. Перезаряжая ружье, по привычке наблюдал за стремительным полетом стаи. Пара отделилась, прошла метров триста и стала разворачиваться над противоположным берегом, затем пошла параллельно руслу на меня. Присел. Замер. Вдруг утка начала резко снижаться и, над самой землей перевернувшись на спину, шлепнулась за обрывом. Не мешкая бросился к «переправе» — переброшенному через воду стволу акации. Когда выбрался на обрыв, то показалось издали, что на чуть припорошенной снежной крупной земле краснеет огарь. Но откуда? Подбежал, такого не видел давно — кряковая утка была залита кровью с головы до хвоста.

Сюрприз ожидал дома. Жена, ощипав и осмолов дичь, вдруг рассмеялась и спрашивала: «Охотничек, ты как ее добыл? Может, загонял?» На столе лежала абсо-

лютно целая тушка. От коготков до клюва — ни одной ранки. Долго осматривал, крутил, вертел и нашел-таки отгадку! Никакой мистики.

Одна-единственная дробинка попала справа в слуховое отверстие, да так точно, что даже не было видно никаких наружных повреждений, лишь слева у основания клюва был небольшой бугорочек и чуть заметный кровоподтек. Оттуда я и извлек злополучную дробинку.

Е. ОНАТИЙ
Ставропольский кр.

Дорогая редакция журнала! Прочитав в № 2 — 2000 г. статью А. Бикмуллина «Есть — не надо, нет — хочется», я задумался и решил написать про себя, про охоту и про сына.

Не помню, когда первый раз держал в руках ружье, но не могу без нее — без охоты и без собак. У меня много схожего с Анваром. Я — первый охотник в нашем тухуме, первый гончак в селе. У меня не было дедовского ружья, не было ни одной «ржавой гильзы», не было собак. Я, как говорится, начал «с нуля». Сперва брал ружье у одного знакомого, потом купил ИЖ-27м, приобрел гончих и все, что нужно для охоты. А затем, подписавшись на ваш журнал, понял, что я не одинок. Журнал стал для

меня как бы «дедушкой-наставником». Получая очередной номер, я узнавал много нового и полезного.

И вот я — охотник с пятилетним стажем. Многому научился, знаю повадки зверей. Моя слабость — охота с гончими на русака. У нас не бывает выставок собак, но, прочитав множество книг о гончих, понял, что мой смычок (русская гончая Граф и русская пегая Джина) работает неплохо.

Короче говоря, с охотой у меня все нормально, но иногда начинаешь задумываться... Прочитав статью А. Бикмуллина, подумал, не останусь ли я единственным охотником в роду. И немногие поймут Анваря так, как я, потому что нахожусь в том же положении, в котором был когда-то он. Становится грустно, но в жизни бывает все же «свет в конце тоннеля». Таким «светом» для меня является сын Рустам. Рождение сына — это огромная радость в доме любого дагестанца, но ведь одним желанием не сделашь из него охотника. И все-таки я надеюсь, что мой четырехмесячный сын порадует меня, когда вырастет, и я не останусь единственным, что он будет моей правой рукой и в жизни, и на охоте.

Высыпаю вам фотографию моего Рустама, где «он собирается на охоту».

А. ИСМАИЛОВ
Дагестан, Лакский район

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ЧЕТВЕРТЫЙ ЗАГОН

В самом конце октября выпал первый снежок, и я подумывал, в какие края отправиться в ближайшие выходные, чтобы поохотиться на зайчика с гончими. Но среди недели председатель нашего охотничьего коллектива пригласил меня принять участие в охоте на кабана в Рузском районе Подмосковья. Я согласился, хотя сомнений было много. Я уже несколько раз принимал участие в охоте на кабанов, но результат всегда был один — нулевой. Кабаны оказывались умнее и хитрее нас, охотников, и сматывались в, казалось бы, самой безнадежной для них ситуации. Лишь для меня кабан превратился в какое-то мифическое животное...

На базу в Палашкино приехали вечером, разместились, познакомились с егерем и его помощником — нас ждали, что всегда приятно. Правда, оказалось, что на базу приехала еще одна команда из десяти человек и тоже за кабаном.

Егерь предложил объединить обе команды, с чем мы согласились, и рассказал план охоты: «Рано утром едем на машинах в сторону г. Рузы и по дороге осматриваем подкормочные площадки. Как только обнаружим, что кабаны приходили на подкормку, — начнем загон». Так и поступили. На третьей площадке кабаны были — довольно большой табун. Увидели на площадке и следы здорового секача, но ходил ли он с табуном или перемещался самостоятельно, сказать было трудно. Недалеко от площадки состоялся первый загон — результат нулевой. Затем второй и третий. Результат тот же. Звери умудрялись уходить из загонов: то через линию загонщиков, то где-то сбоку. На линию стрелков ни один кабан не вышел. Собрались в кучу, посетовали на неудачу, немного отдохнули, и тут егерь предложил сделать еще один загон — четвертый и последний. Зимний день короток — больше сегодня не успеть. Хоть и набродились досыта, и азарта охотничьего совсем мало осталось — решили дружно: четвертому загону быть! Егерь с загонщиками пошел обходить мелколесье, куда ушел табун, а помощник быстро расставил на номера вдоль довольно заросшей лесной дороги. Перед ней была низина, густо покрытая кустарником, а за спиной высокий лес с подлеском из небольших елочек. Мелколесье было за низиной — только бы кабаны были там! Как всегда, я посмотрел, где расположился сосед справа, — безопасность на облавных охотах прежде всего. До них метров пятьдесят. Мой номер оказался третьим от конца стрелковой линии. Так получилось, что на всех соседних номерах стояли охотники из нашего коллектива. Место вдоль дороги для стрелков, на мой взгляд, было далеко не идеальным — слишком мало перед нами чистого пространства, но охота есть охота и оставалось только ждать! А загон уже начался — далеко, далеко; в мелколесье были слышны крики загонщиков — время пошло! Глаза осматривают заросли впереди, уши слушают, не хрюстнула ли где-нибудь ветка, ружье в руках, готовое в любую секунду оказаться у плеча... А в душе умоляешь охотничьих духов: «Ну пошли кабанчика на меня, дайте душу отвести!» А время идет, и мысли грустные начинают в голову лезть... Бах! — справа на соседнем номере. Бах! — слева. И дуплет на последнем номере — бах! бах! Ружье у плеча, судорожно шарю глазами по кустам, но ко мне никто не высакивает. Тихо, соседи молчат, и какие результаты такой дружной пальбы, пока не ясно. Но загон явно закончился: далеко справа слышны голоса на стрелковой линии. И тут из ельничка появляется сосед, машет рукой, зовет к себе.

Иду, наверное нарушая правила облавной охоты, с номером нас еще не сняли, но очень взволнованно он машет, явно что-то хочет показать.

«Я вот тут стоял, за елочкой, а на дорогу метрах в двадцати слева и впереди выскоцил здоровущий секач и на мгновение остановился, я успел только один раз выстрелить пулей в левую часть груди, и он одним прыжком исчез в ельнике — вроде не промазал, но посмотреть надо. Одному боязно, вот я тебя и позвал. Уж очень здоровый зверина!» — срывающимся голосом сообщил сосед. Опасно, но решили посмотреть, понимая, что если секач ранен, то сразу не должен лечь. В общем, рискнули, ружье наготове, пошли по следу, копыта огромные, видно хорошо, немножко крови слева... Прошли метров 25—30 ельничком невысоким, и вдруг звериным духом пахнуло, как в свинарнике нечищеном. Я посмотрел вперед и вижу — темно-бурая туша над ельничком возвышается к нам задом. Лежит не на боку, а на согнутых ногах, уши торчат в разные стороны, не прижаты — похоже, готов. Подобрал сук здоровый и кинул в тушу, попал — никакого движения. Подошли рядом, ткнули стволами в могучий зад... Не шелохнулся. Поздравляю соседа с редкостной удачей: такого вепря с громадными клыками завалил с одного выстрела, — наверное, в нем килограммов двести с гаком будет, хороший зверь, но только очень воюющий.

Возвращаюсь на место и тут вижу — сосед слева машет рукой, тоже зовет к себе. Подхожу. Он рассказывает, что было. Ситуация, аналогичная первой: успел пальнуть один раз, но зверь был средний. Пошли посмотреть — метрах в 30 в ельничке на боку лежит свинья, пожалуй, килограммов на 100 потянет, тоже битая насмерть. Поздравляю охотника — план выполнен. Радуемся вместе редкой удаче. А тут подходит стрелок с третьего номера и рассказывает, что стрелял по кабану в кустах дуплетом, вторым, вроде попал — зверь скосился и исчез в чаще. Пошли смотреть, вышли на след, и все стало ясно: попал хорошо по переду, пуля прошла навылет, алая кровь фонтаном по обе стороны, — с такой раной далеко не уйти... И точно, через метров тридцать лежит кабанчик, пожалуй, в нем килограммов 80 будет. Опять поздравления, но это уже третий зверь, а лицензий только две.

Потопали по дороге навстречу егерю, надо разбираться — получилось, что нечаянно ображоньерили. Пока шли, я спросил у мужиков, почему они меня звали смотреть на результаты своей стрельбы. Ответ был таков: «Вы же у нас в команде по возрасту старше всех, наверное, за свою жизнь много кабанов взяли и опыта набрались — вот и звали». Когда сказал, что ни одного, — не поверили.

Но вот подошел егерь с остальными охотниками, и авторы отличных выстрелов все рассказали и показали. Реакция у него на услышанное и увиденное была однозначна, — грубо говоря, глаза на лоб вылезли. «Такого я не припомню — четыре выстrela, и три кабана лежат, и всебитые насмерть и рядом с дорогой; сейчас УАЗик подголовник, зверей разделяем и в г. Рузу в ветлечебницу отвезем на проверку — не больны ли чем. Одного кабана я заберу и сдам как товарного — лицензия у меня есть. Так что с этим все в порядке», — заявил он нам. В ветлечебнице, после проверки мяса, нас заверили, что со здоровьем у кабанов полный порядок, и мы вернулись на базу, чтобы торжественно отметить такую необыкновенно удачную охоту.

Через пару часов в большую комнату, где собирались все участники охоты, внесли здоровенную кастрюлю, в которой была со смаком, в луке, морковке и картошке, потушена кабанятина в огромном количестве. Поздравили сегодняшних королей охоты, выпили водочки, и пошел великий охотничий трёп...

Л. ЮРАШЕВ

НА ПРИВАЛЕ

БЕЛКИ-УБИЙЦЫ

Ранняя весна. На полянке одного из лесных заповедников штата Калифорния (США) сидит небольшая птичка. Вокруг все тихо и для беспокойства вроде бы оснований нет. Не обращает она внимание на прыгающую рядом белку. А зря. Приблизившись к неосторожной птице, зверек прыгает — и жертва в зубах.

Не так давно американский биолог, сотрудник университета штата Нью-Мексико, Дж. Р. Каллахан, опубликовал в журнале «Great Basin Naturalist» статью о своих наблюдениях за белками, в которой описал, как они охотятся. Оказывается, их жертвами становятся многие виды животных. Белки не упускают возможности напасть на голубую сойку, голубя, других птиц. Нападают они и на ящериц, мелких грызунов и даже на молодых зайцев и кроликов! Бывает, их жертвой становятся и сородичи.

Наблюдавший за этими шустрыми зверьками в прилегающей на юго-западе канадской провинции Британская Колумбия Каллахан отметил, что особую опасность лесные белки представляют для местных молодых зайцев-беляков.

По мнению Каллахана, организм белок, скорее всего, нуждается не столько в мясе животных, сколько в их... костях. Видимо, белкам не хватает чего-то из того, что содержится в костных тканях из жертв.

РАЗ ПОПРОБОВАЛ — НА ГОД ЗАПОМНИЛ

Исследования, проведенные в Корнеллском университете (США), показали, что опоссумы, животные семейства сумчатых крыс, обладают памятью на яды, которые им встречались при поисках пищи. Примешивая в их рацион различные грибы, исследователи обнаружили, что опоссум в течение года может сохранить отвращение к грибу, от которого когда-то стало плохо.

А ГОВОРЯТ, КРОКОДИЛЫ ОПАСНЫ...

Перед вами самый крупный в мире грызун — капибара, или, как его еще называют в Европе, водосвинка. Зверь обитает в Южной и Центральной Америке. Его длина около 1,5 метра, а вес достигает 50–60 килограммов. Но почему он среди крокодилов? А очень просто: он, как и они, любит воду и обитает по берегам водоемов и на болотах лесных зон. Но почему же крокодилы не трогают капибару? Видимо, не по зубам. Эту группу засняли в Бразилии. Кайманы ведут себя мирно. Не проявляет беспокойства и капибара. Идилия!

Подготовил Е. СОЛДАТКИН

НА ПРИВАЛЕ

Меха России - 2000

5-я Международная выставка-ярмарка меховых изделий проходила в Центральном выставочном зале «Манеж». На экспозиционной площадке 1500 м², что в 1,5 раза превышает площадь предыдущей, были представлены более 100 специализированных компаний из России, Италии, Греции, Аргентины, Германии. В экспозиции — готовые изделия из меха и кожи, дубленки, головные уборы и аксессуары, сырье и полуфабрикаты. Большой интерес выставка-ярмарка вызывала у оптовых покупателей как готовых изделий, так и шкурок и полуфабрикатов. Приобрести понравившиеся изделия мог любой посетитель во все дни работы выставки. Промысловая пушнина было мало, основную часть составляла продукция звероводческих хозяйств. Большой интерес вызывали изделия из шкуры нерпы. Для отделки нередко использовался мех рыси, были и изделия целиком из этого меха. Необычно смотрелись шапки из хвостов куницы. Почти все шубы из красноярского соболя разошлись в первый же день ярмарки. Интересные изделия были из лисьих шкурок. Правда, преобладала американская лиса. Из недорогих мехов были шубы из хомяка, но американского. И я не заметил изделий из ранее столь популярного беличьего меха. На показах зарубежных компаний неоднократно провозглашалось, что для производства изделий закупаются лучшие меха в России, но при этом осталось впечатление, что наш отечественный производитель сильно потеснен.

Обращало на себя внимание, каких высот достигла обработка пушно-мехового сырья. Не всегда можно было даже определить происхождение сырья: стриженные, щипанные, крашеные... Так, в одном случае исходным сырьем для шубы из «леопарда» послужила норка, а в другом — даже... овца. Кстати, изделия из шкурок норок и овец явно преобладали, но за счет окрашивания и обработки трансформировались до неузнаваемости. Обращали на себя внимание яркие, необычные цвета и их сочетания. На этом фоне мне показались несколько аляповатыми окрашенные шкурки песца.

Выставка-ярмарка меховых изделий не только наглядно показывает новейшие тенденции в меховой моде, но и привлекает внимание заинтересованных деловых кругов к проблемам отрасли.

За 4 дня работы выставку посетило около 20 000 человек, было продано 1500 меховых изделий.

Выставка-ярмарка проводилась в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 1997 г. № 1553-р в целях дальнейшего развития отечественного звероводства, производства пушно-меховой продукции, а также насыщения рынка страны меховыми изделиями расширенного производства.

Организаторы выставки-ярмарки: ЗАО «Максима», Российский пушно-меховой союз.

Официальная поддержка: Минсельхоз РФ, Правительство Москвы, Администрация Московской области, МТПП.

В. ЖИВОТЧЕНКО

Фото автора

См. 4-ю стр. обложки

В НОМЕРЕ

МУРАВИЦКИЙ А.	Лось и кабан в Белоруссии	1
Итоги фотоконкурса	4	
ТИХОМИРОВ В.	Берегите пушину	6
БЛЮМ М., ГРИНЕВИЧ В.	Испытание самозарядок	8
ДИГИЛЕВИЧ А.	Смоленское охотничье хозяйство	10
ДАНИЛКИН А.	Куда исчез лось?	12
ПРИКЛОНСКИЙ С.	Владимир Григорьевич Панченко	15
ОСТАНИН В.	Лед тронулся	16
НИГМАТЗЯНОВ З.	Флажки — это круто	18
ТИМЕ И.	Всероссийские состязания	20
НОВИЦКИЙ О.	Так решил выжлец	22
МАСЛОВ Ю.	Знаменитые ружья. Фамарс	24
ЧЕРНЫШЕВ В.	Милое мое неудобье	26
ХОЛОДКОВСКИЙ Н.	Гербарий моей дочери	29
КАММЕРЕР Ю.	Трудный трофей	32
ГРЕКОВ В.	Ну, заяц, погоди!	34
ТИХОМИРОВ В.	Нина Викторовна Мамаева	37
МАК-ГРЭЙЛ Д.	«Изысканный» фазан	38
Курьезы охотничьей жизни	42	
Письма читателей	44	
На привале	46	
Реклама	25, 37, 41	
ШИШКИН В.	Гусеобразные	48

На первой странице обложки:

Пятнистые олени акклиматизированы во многих местах Европейской России. В конце апреля — в мае взрослые самцы сбрасывают рога, имеющие до 4-х отростков

Фото А. Севастьянова

Вниманию наших авторов!

В связи с тем, что налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах (полностью фамилия, имя, отчество; день, месяц и год рождения; серия и номер паспорта; где, когда и кому выдан; домашний адрес с почтовым индексом; ИНН — идентификационный номер налогоплательщика), просим присыпать перечисленные сведения вместе с материалами, предлагаемыми для публикации.

Редакция

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висячев,
Т. А. Волжина (ответственный секретарь),
Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов,
А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева,
А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт,
В. Б. Чернышев

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 08.01.2001 г. Подписано к печати 08.02.2001 г.

Формат 84Х108. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тир. 31850 З.3073 Цена 17 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6. Москва, Б-78,

Садовая-Спасская ул., 18

Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Ордена Трудового Красного Знамени

ГУП Чеховский полиграфический комбинат

Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
142300, г. Чехов Московской области

Тел. (272) 71-336 Факс (272) 62-536

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

ГУСЕОБРАЗНЫЕ

Нырковые утки (нырки, чернети, гоголи и т. д.), к описанию которых мы приступаем, довольно заметно отличаются от речных уток, рассмотренных в предыдущих пяти номерах журнала. У нырковых задний палец на лапе имеет хорошо выраженную кожистую лопасть, отсутствует зеркальце с металлическим блеском, посадка на воде низкая. Эти утки могут глубоко нырять и прекрасно плавают под водой, но полет у них менее быстр, чем у речных. Типичным представителем нырковых является **красноголовый нырок** (красноголовая чернеть). Его длина около 50 см, вес около 1 кг. Самец в брачном пере окрашен контрастно: голова и шея красновато-каштановые, грудь, надхвостье и подхвостье черные, остальное оперение преимущественно светло-серое со струйчатым рисунком, верхние кроющие маховые темно-серые. Клюв голубовато-серый с черным концом и темной зоной у основания. Радужина красная, лапы серые. Самка окрашена скромнее, преобладают буроватые тона. Радужина коричневая, клюв темный с небольшой светлой перевязью у кончика. У основания клюва и вокруг глаз зоны более светлого оперения. Вне брачной поры окраска самца тусклее и бурее. Гнездятся красноголовики в околоводных биотопах от тайги до степей, от Южной Карелии до Якутии (изолят на Камчатке), при миграциях возможны встречи к северу и востоку от гнездового ареала. Зимуют на юге Европы, Азии, в Африке. Кладка в апреле — мае, средний размер — 8—10 яиц. Как и у некоторых других нырков, отмечен гнездовой паразитизм (кладки до 20 яиц и более). Инкубация около 25 дней, птенцы встают на крыло через 50—55 дней после рождения. В питании преобладают растительные корма, но встречаются и животные. Нырки образуют значительные линные и зимовочные скопления. Красноголовый нырок остается заметным объектом охоты. Но хотя общая численность вида остается на уровне 1 млн. особей, местами отмечено уменьшение запасов этой птицы. Интересно, что на северо-востоке России возможны залеты **американского красноголового нырка** (американской чернети). При общем сходстве с предыдущим у самцов этого вида желтая радужина, основание клюва голубовато-серое, профиль головы лучше вписывается в квадрат, а не в треугольник, первостепенные маховые и бока темнее. У самки подхвостье светлое. Регистрация подобных залетов представляет большой научный интерес.

По южным границам России гнездится **красноносый нырок**, более крупный вид, чем красноголовый (длина до 58 см, вес до 1,5 кг). Весной самец безошибочно узнается по ярко-рыжему голове с характерным гребнем, белым бокам, контрастирующим с черным брюхом, зобом, шеей, надхвостием и подхвостем (хвост светлее), по красному клюву и глазу, по белой полоске на плече и сгибе крыла. В полете испод крыла светлый, сверху на буром крыле заметна широкая белая полоса по внутреннему краю, узкая — по внешнему, черные концы первостепенных маховых. Ноги красно-оранжевые. У буроватой самочки клюв темный с розоватой вершиной и краями, ноги темные, радужина бурая. Голова двухцветная: шапочка темная, щеки, подбородок, передняя часть шеи светлые. Крыло как у самца, но нет наружной белой полоски на плачах. Линный самец похож на самку, но сохраняет красный клюв. В кладке красноносого нырка обычно 8—10 яиц, инкубация — 26—28 дней. Пуховик сверху темный, оливково-серый, снизу — желтый. Птенцы поднимаются на крыло к 45—50 дню. Преимущественно растительнояден, но потребляет и животные корма. Запасы красноносого нырка в нашей стране не превышают, по-видимому, 9 тыс. пар. Местами нередкий объект охоты, хотя в районе Причерноморья отмечается некоторое снижение численности в последнее время.

В. ШИШКИН

Фото В. Животченко
см. стр. 47

Меха России 2000

